

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 4 (133)
апрель 2016 года

В номере:

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- 3 Федеральный закон от 05.04.2016 г. N 60-ФЗ
О внесении изменений в Кодекс Административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации
- 6 Федеральный закон от 05.04.2016 N 89-ФЗ
О внесении изменений в статью 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части увеличения срока давности привлечения к административной ответственности за нарушение валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования
- 7 Федеральный закон от 26.04.2016 N 114-ФЗ
О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении

СУДЕБНАЯ И АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

- 7 Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2016 года (утв. 26.04.2016)
- 13 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016)
- 65 Обзор практики рассмотрения в 2015 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2016)
- 75 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. N 467 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гранкина Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 81 и частью первой статьи 180 Трудового кодекса Российской Федерации

- 76 Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2016 г. N 9-П
По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СГИВ»
- 83 Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2016 г. N 10-П
По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы
- 100 Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2016 г. N 11-П
По делу о проверке конституционности статей 32,34.2 и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном Фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе в связи с запросом Ленинградского Округного Военного Суда
- 105 Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. N 12-П
По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2016 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации
- 119 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 9 марта 2016 г. по делу N А33-4612/2014
- 123 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11 марта 2016 г. N Ф10-4244/2015
- 126 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 марта 2016 г. по делу N А43-7713/2015
- 128 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 марта 2016 г. N Ф06-5262/2015
- 130 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2016 г. по делу N 303-ЭС15-16010

Над выпуском работали:

Президент Адвокатской палаты Красноярского края **И.И. Кривоколеско**

Секретарь Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Красноярского края **И.А. Оберман**

Подготовлено с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Адрес редакции: 660135, г. Красноярск, ул. Взлетная, 5г.

Тел./факс: +7 (391) 277-74-54. Тел.: +7 (391) 277-74-52

E-mail: advokat_palata@mail.ru

Начало действия документа - 06.05.2016.

Мировые судьи будут рассматривать заявления о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций в порядке, предусмотренном КАС РФ. С этой целью в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации включена новая глава 11.1 «Производство по административным делам о вынесении судебного приказа».

5 апреля 2016 года

N 103-ФЗ

**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В КОДЕКС АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
22 марта 2016 года

Одобен
Советом Федерации
30 марта 2016 года

Статья 1

Внести в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2015, N 10, ст. 1391; 2016, N 1, ст. 45; N 7, ст. 906) следующие изменения:

1) в статье 1:

а) часть 1 после слов «судами общей юрисдикции» дополнить словами «, мировыми судьями»;

б) дополнить частью 3.1 следующего содержания:

«3.1. Заявления о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций рассматриваются в порядке, установленном настоящим Кодексом.»;

2) статью 17 после слов «суды общей юрисдикции» дополнить словами «и мировые судьи»;

3) дополнить статьей 17.1 следующего содержания:

«Статья 17.1. Административные дела, подсудные мировым судьям

Мировой судья рассматривает заявления о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций в порядке, установленном главой 11.1 настоящего Кодекса.»;

4) в статье 19 слова «статьями 18, 20 и 21» заменить словами «статьями 17.1, 18, 20 и 21»;

5) раздел III дополнить главой 11.1 следующего содержания:

**«Глава 11.1. ПРОИЗВОДСТВО
ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ
О ВНЕСЕНИИ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА**

Статья 123.1. Судебный приказ

1. Судебный приказ - судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления по требованию взыскателя о взыскании обязательных платежей и санкций.

2. На вступивший в законную силу судебный приказ распространяются положения статьи 16 настоящего Кодекса.

3. Судебный приказ является одновременно исполнительным документом и приводится в исполнение в порядке, установленном для исполнения судебных решений.

Статья 123.2. Подача заявления о вынесении судебного приказа

Заявление о вынесении судебного приказа подается в суд по общим правилам подсудности, установленным настоящим Кодексом.

Статья 123.3. Форма и содержание заявления о вынесении судебного приказа

1. Заявление о вынесении судебного приказа и прилагаемые к такому заявлению документы подаются мировому судье.

2. В заявлении о вынесении судебного приказа должны быть указаны:

1) наименование суда, в который подается заявление;

2) наименование взыскателя, его место нахождения, номера телефона, факса, адрес электронной почты, реквизиты банковского счета;

3) документы, подтверждающие полномочия на подписание заявления о вынесении судебного приказа;

4) фамилия, имя и отчество должника, его место жительства или место пребывания, один из его идентификаторов (страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, серия и номер водительского удостоверения, серия и номер свидетельства о регистрации транспортного средства), а также дата и место рождения, место работы (если известно), номера телефона, факса, адрес электронной почты (если они известны);

5) наименование обязательного платежа, подлежащего взысканию, размер денежной суммы, составляющей платеж, и ее расчет;

6) положения федерального закона или иного нормативного правового акта, предусматривающие уплату обязательного платежа;

7) сведения о направлении требования об уплате платежа в добровольном порядке;

8) размер и расчет денежной суммы, составляющей санкцию, если она имеет имущественный характер, и положения нормативного правового акта, устанавливающие санкцию;

9) иные документы, подтверждающие обоснованность требований взыскателя;

10) перечень прилагаемых к заявлению документов.

3. К заявлению о вынесении судебного приказа прилагаются документы, свидетельствующие о направлении должнику копий заявления о вынесении судебного приказа и приложенных к нему документов заказным письмом с уведомлением о вручении, либо документы, подтверждающие передачу должнику указанных копий заявления и документов иным способом, позволяющим суду убедиться в получении их адресатом. К заявлению также прилагается копия

требования об уплате платежа в добровольном порядке.

4. Заявление о вынесении судебного приказа подписывается лицом, указанным в статье 287 настоящего Кодекса.

5. К заявлению о вынесении судебного приказа прилагается документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, если ее уплата предусмотрена законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Статья 123.4. Основания для возвращения заявления о вынесении судебного приказа или отказа в его принятии

1. Судья возвращает заявление о вынесении судебного приказа по основаниям, предусмотренным статьей 129 настоящего Кодекса, а также в случае, если:

1) не представлены документы, подтверждающие заявленное требование;

2) не соблюдены требования к форме и содержанию заявления о вынесении судебного приказа, установленные статьей 123.3 настоящего Кодекса.

2. Возвращение заявления о вынесении судебного приказа не является препятствием для повторного обращения взыскателя в суд с заявлением к тому же должнику, с тем же требованием и по тем же основаниям после устранения допущенного нарушения.

3. Судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа по основаниям, предусмотренным статьей 128 настоящего Кодекса, а также в случае, если:

1) заявлено требование, не предусмотренное частью 3.1 статьи 1 настоящего Кодекса;

2) место жительства или место пребывания должника находится вне пределов Российской Федерации;

3) из заявления и приложенных к нему документов усматривается, что требование не является бесспорным.

4. Отказ в принятии заявления о вынесении судебного приказа по основаниям, указанным в части 3 настоящей статьи, препятствует повторному обращению в суд с таким же заявлением.

5. О возвращении заявления о вынесении судебного приказа или об отказе в его принятии суд выносит определение в течение пяти дней со дня поступления заявления в суд.

Статья 123.5. Порядок вынесения судебного приказа

1. Судебный приказ по существу заявленного требования выносится в течение пяти дней со дня поступления заявления о вынесении судебного приказа в суд.

2. Судебный приказ выносится без судебного разбирательства и вызова сторон по результатам исследования представленных доказательств.

3. Копия судебного приказа в течение трех дней со дня вынесения судебного приказа направляется должнику, который в течение двадцати дней со дня ее направления вправе представить возражения относительно исполнения судебного приказа.

Статья 123.6. Содержание судебного приказа

1. В судебном приказе указываются:

1) номер производства и дата вынесения судебного приказа;

2) наименование суда, фамилия и инициалы судьи, вынесшего судебный приказ;

3) наименование и место нахождения взыскателя;

4) фамилия, имя и отчество должника, его место жительства или место пребывания, один из его идентификаторов (страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, серия и номер водительского удостоверения, серия и номер свидетельства о регистрации транспортного средства), а также дата и место рождения, место работы (если известно);

5) законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при удовлетворении требования;

6) размер денежных сумм, подлежащих взысканию;

7) сумма государственной пошлины, подлежащая взысканию с должника в пользу взыскателя или в доход соответствующего бюджета;

8) реквизиты банковского счета взыскателя, на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию;

9) период, за который образовалась взыскиваемая задолженность по обязательствам, предусматривающим исполнение по частям или в виде периодических платежей.

2. Судебный приказ составляется на специальном бланке в двух экземплярах, которые подписываются судьей. Один экземпляр остается в материалах дела. Для должника изготавливается копия судебного приказа.

Статья 123.7. Отмена судебного приказа

1. Судебный приказ подлежит отмене судьей, если от должника в установленный частью 3 статьи 123.5 настоящего Кодекса срок поступят возражения относительно его исполнения.

2. В определении об отмене судебного приказа указывается, что взыскатель вправе обратиться в суд с административным иском с заявлением в порядке, установленном главой 32 настоящего Кодекса.

3. Копии определения об отмене судебного приказа направляются взыскателю и должнику не позднее трех дней после дня его вынесения.

4. Возражения должника, поступившие в суд по истечении установленного частью 3 статьи 123.5 настоящего Кодекса срока, не рассматриваются судом и возвращаются лицу, которым они были поданы, за исключением случая, если это лицо обосновало невозможность представления возражений в указанный срок по не зависящим от него причинам.

Статья 123.8. Выдача судебного приказа

1. В случае, если в установленный срок должником не представлены возражения, взыскателю выдается второй экземпляр судебного приказа, заверенный гербовой печатью суда, для предъявления его к исполнению. По просьбе взыскателя судебный приказ может

быть направлен судом для исполнения судебному приставу-исполнителю, в том числе в виде электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. В случае взыскания государственной пошлины с должника в доход соответствующего бюджета на основании судебного приказа выдается исполнительный лист, который заверяется гербовой печатью суда и направляется судом для исполнения в этой части судебному приставу-исполнителю. Исполнительный лист может быть направлен для исполнения судебному приставу-исполнителю в виде электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

3. Судебный приказ может быть обжалован в порядке, предусмотренном главой 35 настоящего Кодекса.»;

6) в статье 287:

а) часть 1 дополнить пунктом 6 следующего содержания:

«б) сведения об отмене судебного приказа по требованию о взыскании обязательных платежей и санкций, вынесенного в порядке, установленном главой 11.1 настоящего Кодекса.»;

б) часть 2 после слов «в добровольном порядке;» дополнить словами «копия определения судьи об отмене судебного приказа по требованию о взыскании обязательных платежей и санкций;»;

7) часть 2 статьи 313 изложить в следующей редакции:

«2. Частная жалоба, представление прокурора рассматриваются:

1) на определения мирового судьи - районным судом;

2) на определения районного суда, гарнизонного военного суда - верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области, судом автономного округа, окружным (флотским) военным судом;

3) на определения верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда - апелляционной инстанцией верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда;

4) на определения Верховного Суда Российской Федерации по административным делам, рассмотренным им в качестве суда первой инстанции, - Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации.»;

8) пункт 1 части 2 статьи 319 после слов «на вступившие в законную силу» дополнить словами «судебные приказы, определения мировых судей.»;

9) статью 353 дополнить частью 10.1 следующего содержания:

«10.1. Выдача судебного приказа для исполнения осуществляется по правилам, предусмотренным статьей 123.8 настоящего Кодекса.»;

10) в статье 354:

а) наименование изложить в следующей редакции: «Статья 354. Выдача дубликата исполнительного листа или судебного приказа»;

б) в части 1 слова «утраты исполнительного листа» заменить словами «утраты исполнительного листа или судебного приказа (далее - исполнительный документ)», слова «дубликат исполнительного листа» заменить словами «дубликат исполнительного документа»;

в) в части 2 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа», слова «исполнительный лист» заменить словами «исполнительный документ»;

г) в части 3 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

д) в части 4 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

е) в части 5 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

11) в статье 355:

а) в наименовании слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

б) в части 1 слова «исполнительном листе» заменить словами «исполнительном документе», слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

12) в статье 356:

а) в наименовании слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

б) дополнить частью 1.1 следующего содержания: «1.1. Судебные приказы могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня их выдачи.»;

в) в части 2 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

г) в части 3 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

д) в части 4 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

е) в части 5 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

13) в статье 357:

а) в наименовании слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

б) дополнить частью 1.1 следующего содержания: «1.1. Взыскатель, пропустивший срок предъявления судебного приказа к исполнению, может обратиться в суд, вынесший соответствующий судебный приказ, с заявлением о восстановлении пропущенного срока.»;

в) в части 4 слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

14) в части 1 статьи 358 слова «исполнительный лист» заменить словами «исполнительный документ»;

15) в статье 364:

а) в наименовании слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа»;

б) слова «исполнительного листа» заменить словами «исполнительного документа».

Статья 2

В пункте 6 статьи 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 года N 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (Собрание законодательства

Российской Федерации, 1998, N 51, ст. 6270; 2006, N 11, ст. 1147; 2013, N 9, ст. 872) слова «дел об административных правонарушениях и исковых заявлениях» заменить словами «дел об административных правонарушениях, исковых заявлений и заявлений о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций».

Статья 3

Пункт 8 части 5 статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2008, N 52, ст. 6217; 2010, N 27, ст. 3407; 2011, N 29, ст. 4291) изложить в следующей редакции:

«8) разрешаемым в порядке статьи 126 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 123.5 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.»

Статья 4

Настоящий Федеральный закон вступает в силу по истечении тридцати дней после дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
5 апреля 2016 года
N 103-ФЗ

С 1 года до 2 лет увеличен срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение валютного законодательства и актов органов валютного регулирования. Соответствующая поправка внесена в статью 4.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

5 апреля 2016 года

N 89-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬЮ 4.5 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
В ЧАСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ СРОКА ДАВНОСТИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ВАЛЮТНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И АКТОВ ОРГАНОВ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Принят
Государственной Думой
25 марта 2016 года

Одобен
Советом Федерации
30 марта 2016 года

Внести в часть 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; N 44, ст. 4295; 2003, N 27, ст. 2708; N 46, ст. 4434; 2004, N 34, ст. 3533; 2005, N 1, ст. 40; 2006, N 1, ст. 4; N 6, ст. 636; N 19, ст. 2066; N 31, ст. 3438; N 45, ст. 4641; 2007, N 1, ст. 25; N 7, ст. 840; N 30, ст. 3755; N 31, ст. 4007; 2008, N 52, ст. 6235, 6236; 2009, N 1, ст. 17; N 7, ст. 777; N 29, ст. 3597; N 48, ст. 5711; 2010, N 1, ст. 1; N 18, ст. 2145; N 30, ст. 4002; N 31, ст. 4193; 2011, N 19, ст. 2714; N 23, ст. 3260; N 30, ст. 4600; N 48, ст. 6728; N 50, ст. 7351, 7355; 2012, N 24, ст. 3068, 3082; N 53, ст. 7641; 2013, N 14, ст. 1657; N 19, ст. 2323; N 27, ст. 3478; N 30, ст. 4029, 4031, 4082; N 31, ст. 4191; N 44, ст. 5624; N 48, ст. 6159; N 51, ст. 6683, 6685, 6695; N 52, ст. 6961, 6986; 2014, N 14, ст. 1561; N 19, ст. 2317, 2327, 2335; N 26, ст. 3395; N 48, ст. 6636; N 52, ст. 7545; 2015, N 10, ст. 1416; N 13, ст. 1811; N 27, ст. 3950; N 29, ст. 4376; N 41, ст. 5629; N 45, ст. 6205, 6208; 2016, N 1, ст. 11) следующие изменения:

1) слова «, валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования» заменить словами «законодательства Российской Федерации»;

2) после слов «за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения,» дополнить словами «валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования.».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
5 апреля 2016 года
N 89-ФЗ

Решение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г.

Фото- и видеоматериалы, а также иные носители информации должны быть приняты к рассмотрению судом в качестве доказательств по делу об административном правонарушении.

26 апреля 2016 года

N 114-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
В СТАТЬЮ 26.7 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В
ЧАСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОТНЕСЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ
ФОТО- И КИНОСЪЕМКИ, ЗВУКО- И ВИДЕОЗАПИСИ К
ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Принят
Государственной Думой
15 апреля 2016 года

Одобен
Советом Федерации
20 апреля 2016 года

Внести в часть 2 статьи 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1) изменение, заменив слова «могут быть отнесены» словом «относятся».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
26 апреля 2016 года
N 114-ФЗ

Утвержден обзор практики Конституционного Суда РФ по наиболее важным решениям, принятым в первом квартале 2016 года.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕШЕНИЕ
от 26 апреля 2016 года

**ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОБЗОРА
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 2016 ГОДА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, заслушав информацию Председателя Конституционного Суда Российской Федерации о подготовленном Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации Обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2016 года,

решил:

1. Утвердить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2016 года.
2. Разместить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2016 года на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации.
3. Опубликовать Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2016 года в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

**ОБЗОР
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 2016 ГОДА**

Настоящий обзор посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее - Конституционный Суд) в первом квартале 2016 года (постановления, определения по жалобам и запросам).

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 19 января 2016 года N 2-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года N 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения, как исключившие возможность установления в процессе правоприменения смягчающих ответственность обстоятельств и их учет при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение правонарушений, ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее - Закон).

Конституционный Суд признал оспоренные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации, как исключившие возможность индивидуализировать наказание за нарушение установленных Законом требований с учетом смягчающих ответственность обстоятельств.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений принятие решения об учете смягчающих ответственность обстоятельств при применении соответствующих санкций за нарушение положений законодательства о страховых взносах допускается только в исключительных случаях и только в судебном порядке. Если санкция была применена должностным лицом фонда, суд (безотносительно к законодательному регулированию пределов его полномочий при судебном обжаловании решений о применении мер ответственности), рассмотрев соответствующее заявление привлекаемого к ответственности лица, не лишен возможности снизить размер ранее назначенного ему штрафа.

2. Постановлением от 16 февраля 2016 года N 4-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Оспариваемые положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о выезде из Российской Федерации иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию по визе, срок действия которой на день выезда истек, получившего разрешение на временное проживание в Российской Федерации и при этом не оформившего новую визу, и о привлечении в этом случае такого иностранного гражданина к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, как устанавливающие в конституционно значимых целях режим пересечения Государственной границы Российской Федерации, в рамках которого при выезде иностранного гражданина из Российской Федерации осуществляется проверка наличия у него законных оснований въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, и предусматривающие административную ответственность за его нарушение.

В то же время указанные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, как позволяющие привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в Российской Федерации иностранного гражданина - в случае, если он при выезде из Российской Федерации предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Российскую Федерацию и срок действия которой истек, подтверждающие законность его въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, - на одном лишь формальном основании отсутствия у него визы с неистекшим сроком действия, а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через Государственную границу Российской Федерации на выезд.

Данным Постановлением не затрагивается регулирование порядка последующего въезда лиц, имеющих разрешение на временное проживание в Российской Федерации, на ее территорию после их выезда за пределы Российской Федерации в период действия указанного разрешения и не ставится под сомнение законодательное требование о наличии действующей визы для их въезда на территорию Российской Федерации.

3. Постановлением от 17 февраля 2016 года N 5-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Предметом рассмотрения являлись положения пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о назначении административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранным гражданам, имеющим вид на жительство и зарегистрированным по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за однократное неисполнение ими требования о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

Конституционный Суд признал положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривающее указанный вид административного наказания за неисполнение требования пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно не допускает возможность отказа от назначения административного наказания в этой части в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования, если суд - учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его

семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства - придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений судам при применении части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в случае однократного неисполнения иностранным гражданином правил уведомления о подтверждении проживания в Российской Федерации следует руководствоваться выраженными в данном Постановлении правовыми позициями.

4. Постановлением от 30 марта 2016 года N 9-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку, ограничивая двумя месяцами срок, который с момента прекращения действия лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции дается юридическому лицу для реализации имеющихся у него остатков такой продукции, позволяли признавать их находящимися в незаконном обороте, а потому подлежащими изъятию и уничтожению - применительно к винодельческой продукции, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных данным положением, не достигает срока, необходимого для завершения ее производства согласно требованиям технологического процесса, притом что само производство было начато в период действия соответствующей лицензии.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускают по истечении двух месяцев с момента прекращения действия данной лицензии принудительное безвозмездное изъятие с целью уничтожения по решению суда остатков принадлежащей ему указанной винодельческой продукции, притом что само производство было начато в период действия лицензии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований и что, начиная его, лицензиат не мог предполагать, что лицензия на новый срок не будет им получена.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности

лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать:

остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию. При этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя. Как только затраты на хранение нереализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

5. Определением от 31 марта 2016 года N 449-О-Р Конституционный Суд дал официальное разъяснение Постановления от 16 декабря 2014 года N 33-П по делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Конституционный Суд разъяснил, что для обеспечения исполнения вынесенного по конкретному делу судебного решения, содержащего вывод о незаконности передачи депутатского мандата лицу, ранее уже получавшему его, а затем добровольно прекратившему исполнение депутатских полномочий досрочно, и независимо от наличия для этого специальных оснований, установленных действующим законодательством, Государственная Дума обязана оформить прекращение депутатских полномочий этого лица путем незамедлительного принятия соответствующего правового акта с момента вступления судебного решения в законную силу.

При проведении процедуры замещения вакантного депутатского мандата зарегистрированному кандидату, входящему в состав федерального списка кандидатов и не получавшему мандат депутата Государственной Думы, должна обеспечиваться возможность претендовать на замещение депутатского мандата в порядке очередности. При этом соответствующая политическая партия вправе отступить от очередности расположения зарегистрированных кандидатов в федеральном списке кандидатов.

6. Определением от 9 февраля 2016 года N 213-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренными положениями регулируются вопросы исполнения постановления о наложении административного штрафа.

Конституционный Суд указал, что отсутствие в оспоренных положениях, равно как и в иных статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях специальных положений о компенсации убытков, причиненных незаконным применением административного штрафа, не препятствует возмещению в полном объеме вреда, причинен-

ного физическому или юридическому лицу исполнением постановления о наложении административного штрафа, признанного после его уплаты незаконным, в порядке гражданского судопроизводства.

7. Определением от 9 февраля 2016 года № 214-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 4 статьи 29.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно оспоренным положениям дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест либо административное выдворение, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, - не позднее 48 часов с момента его задержания.

Конституционный Суд отметил, что соблюдение установленных оспоренными положениями сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено применение административного ареста или административного выдворения, не должно приводить к ограничению права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, пользоваться помощью защитника (адвоката), а потому судья (орган, должностное лицо), рассматривающие дело об административном правонарушении, не вправе ссылаться на них как на безусловное обстоятельство, препятствующее реализации этого права.

8. Определением от 10 февраля 2016 года № 216-О Конституционный Суд выявил смысл положений подпункта «в» пункта 6.4 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям недействительными признаются подписи избирателей, участников референдума, указавших в подписном листе сведения, не соответствующие действительности. В этом случае подпись признается недействительной только при наличии официальной справки органа, осуществляющего регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, либо на основании заключения эксперта, привлеченного к проверке в соответствии с пунктом 3 данной статьи.

Конституционный Суд указал, что суд, осуществляющий повторную проверку сведений, содержащихся в подписных листах, в целях проверки законности и обоснованности решения избирательной комиссии, не может быть связан исключительно данными официальной справки уполномоченного государственного органа, использованной избирательной комиссией. Он вправе запросить у уполномоченного органа информацию, необходимую для проверки достоверности сведений, содержащихся в подписных листах, при наличии достаточных сомнений в обоснованности выводов избирательной комиссии об их несоответствии действительности и должен выносить свое решение на основе оценки всей совокупности доказательств, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности.

II Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

9. Постановлением от 14 января 2016 года № 1-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решается вопрос о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел по выслуге лет, дающей право на получение пенсии, в случае, если после устранения пенсионным органом допущенной при ее назначении ошибки в подсчете стажа службы (выслуги лет) данного лица будет установлено, что его продолжительность не достигает необходимой для возникновения указанного права.

Оспоренная норма была признана соответствующей Конституции Российской Федерации, как закрепляющая условия назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел и тем самым являющаяся необходимым элементом правового механизма реализации права указанных лиц на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления ими профессиональной деятельности.

Вместе с тем оспоренное положение было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации, как предполагающее безусловное прекращение выплаты гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет, назначенной ему ошибочно в результате неправильного подсчета уполномоченным государством органом необходимого для возникновения права на данную пенсию стажа службы (выслуги лет), притом что сам гражданин при приобретении статуса получателя пенсии за выслугу лет действовал добросовестно.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений суды общей юрисдикции при оценке правомерности прекращения соответствующих выплат должны учитывать продолжительность периода, прошедшего с момента назначения пенсии, продолжительность периода, недостаточного до достижения установленной законом выслуги лет, значимость для этого гражданина пенсии в качестве источника дохода и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

10. Постановлением от 29 марта 2016 года № 8-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «а» части первой статьи 16.1 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Оспариваемое положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно служит основанием для решения вопроса о зачислении в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполни-

тельной системы сотрудника данного учреждения или органа в связи с его выведением за штат при сокращении численности или штата и о последующем увольнении этого лица по сокращению штатов, при том что замещаемая им должность в рамках данных организационно-штатных мероприятий не подлежит сокращению.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает возможность произвольного зачисления в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудников, должности которых не подлежат сокращению в рамках проводимых организационно-штатных мероприятий, а также их последующего увольнения.

11. Определением от 10 февраля 2016 года N 218-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей 4 и 4.1 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Оспоренными положениями (в редакции, действовавшей до 1 января 2013 года) определяется для индивидуальных предпринимателей период уплаты страховых взносов в фиксированных размерах с начала деятельности - календарного месяца, в котором произведена его государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, и до ее прекращения - по дату государственной регистрации прекращения физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя.

Оспариваемые заявителем законоположения в системе действовавшего до 1 января 2013 года правового регулирования не предполагали возложения на индивидуального предпринимателя обязанности по уплате страховых взносов за период, в течение которого предпринимательская деятельность не осуществлялась в связи с уходом за ребенком до достижения им возраста полутора лет, а также исключения данного периода из страхового стажа индивидуального предпринимателя, необходимого для назначения трудовой (с 1 января 2015 года - страховой) пенсии.

III

Конституционные основы частного права

12. Постановлением от 15 февраля 2016 года N 3-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Оспариваемая норма являлась предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, согласно которому срок исковой давности не может превышать десяти

лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

Конституционный Суд признал оспоренные в данном аспекте положения не соответствующими Конституции Российской Федерации. Названные законоположения не могут рассматриваться в качестве основания для применения данной нормы абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации к указанным требованиям.

13. Постановлением от 10 марта 2016 года N 7-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служили основанием для исчисления срока предъявления исполнительного документа к исполнению, прерванного таким предъявлением, после возвращения исполнительного документа взыскателю на основании его заявления.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют - при неоднократном прерывании указанного срока - всякий раз исчислять его течение заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительное время.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений должностные лица службы судебных приставов, а также суды, разрешая вопрос о наличии оснований для возбуждения или отказа в возбуждении исполнительного производства, в частности о соблюдении срока предъявления исполнительного документа к исполнению, в случае, если представленный исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

14. Определением от 9 февраля 2016 года N 220-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 6 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям лицо, оспаривающее решение собрания, должно уведомить в письменной форме заблаговременно участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить иную информацию, имеющую отношение к делу. Участники соответствующего гражданско-правового сообщества, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к такому иску, в том числе имеющие иные основания для оспаривания данного решения, в последующем не

вправе обращаться в суд с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

Конституционный Суд отметил, что само по себе непредоставление требуемой информации - в случае, когда лицо, оспаривающее решение собрания, заблаговременно использовало все доступные ему формы уведомления других участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с таким иском, но по не зависящим от него причинам не предоставило соответствующую информацию каждому участнику гражданско-правового сообщества персонально, - не может служить препятствием для принятия судом искового заявления к своему производству.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

15. Постановлением от 25 февраля 2016 года N 6-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку - с учетом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, - ими исключается предусмотренная пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

Оспоренные положения, притом что на их основании уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе, были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Уголовные дела по обвинению женщин в совершении указанных преступлений, если судебные заседания по этим уголовным делам не назначены на момент вступления данного решения в силу, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, а по ходатайству обвиняемых - судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей.

Если на указанный момент судебные заседания по уголовным делам уже назначены к рассмотрению, подсудность и состав суда изменению (за исключением уголовного дела заявителя) не подлежат, в том числе в рамках и по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

16. Определением от 15 января 2016 года N 4-О Конституционный Суд выявил смысл положений пун-

кта 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии».

Оспоренной нормой названного постановления предписывается прекратить находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда уголовные дела о совершенных до дня вступления его в силу преступлений, предусмотренных рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в их совершении, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

Конституционный Суд отметил, что, решая вопрос о возможности применения акта об амнистии к лицу, имеющему официально подтвержденный статус подозреваемого, обвиняемого, публичный орган уголовного преследования должен исходить из суммы причиненного преступлением ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое, имея под собой доказательственную базу в отношении конкретного деяния, делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной. Стороны же, не согласные с оценкой указанным органом степени возмещения ущерба, вправе оспорить принятое им решение в судебном порядке, предусмотренном для обжалования решений таких органов, правомочных применять акт об амнистии, как органы предварительного расследования.

17. Определением от 14 января 2016 года N 15-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения определяют пределы судебного разбирательства, порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции и принимаемые им решения, а также порядок отмены приговора или изменения иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Конституционный Суд отметил, что при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным.

18. Определением от 10 февраля 2016 года N 226-О Конституционный Суд выявил смысл положений части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями регламентировано участие обвинителя в судебном разбирательстве и установлено, что государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, путем исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой этого Кодекса, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте, либо путем перекалфикации деяния в соответствии с нормой этого Кодекса, предусматривающей более мягкое наказание.

Конституционный Суд отметил, что решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении государственным обвинителем в судебном заседании в сторону смягчения предопределено позицией государственного обвинителя при условии ее мотивированности и обоснованности ссылкой на предусмотренные законом основания.

Подготовлен первый в 2016 году обзор судебной практики Верховного Суда РФ.

В обзоре приводятся материалы, рассмотренные Судебной коллегией по гражданским делам и затрагивающие, в частности, вопросы разрешения споров, возникающих из договорных отношений, вопросы разрешения споров, связанных с трудовыми, социальными, семейными отношениями, процессуальные вопросы.

Судебной коллегией по экономическим спорам разрешались вопросы, возникающие из вещных и публичных правоотношений, обязательственных отношений, процессуальные вопросы.

Судебная коллегия по уголовным делам рассматривала в числе прочего вопросы квалификации преступлений, назначения наказания, ряд процессуальных вопросов.

Кроме того, в обзоре приведена практика рассмотрения дел Судебной коллегией по административным делам, Судебной коллегией по делам военнослужащих, Дисциплинарной коллегией, даются разъяснения по различным вопросам, возникающим в судебной практике, рассматриваются вопросы применения Кодекса РФ об административных правонарушениях, приводится практика международных договорных органов Организации Объединенных Наций и Европейского суда по правам человека.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
13 апреля 2016 года

**ОБЗОР
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ N 1 (2016)**

**ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

По уголовным делам

1. При признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

По приговору суда от 17 сентября 2003 г. Л., ранее судимый 26 декабря 2001 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 131 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, осужден: по пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к пожизненному лишению свободы, по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 4 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ к 7 годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ Л. назначено пожизненное лишение свободы. В соответствии со ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено наказание по приговору от 26 декабря 2001 г. в виде 1 года лишения свободы и окончательно назначено пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2009 г. приговор от 17 сентября 2003 г. изменен: действия Л. перекалфицированы с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 167 УК РФ; исключено осуждение по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ и по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ и ст. 70 УК РФ окончательно назначено 18 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения, так как допущенные судом кассационной инстанции нарушения, в соответствии с ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ, являются существенными и повлиявшими на исход дела.

В постановлении Президиум указал следующее.

Из содержания приговора следует, что суд установил наличие в действиях осужденного особо опасного рецидива преступлений, указав, что Л., будучи судимым за совершение тяжкого преступления к лишению свободы условно, в период испытательного срока совершил особо тяжкое преступление, признав данное обстоятельство отягчающим наказание.

Кассационным определением в приговор внесены изменения с указанием, что особо опасный рецидив признан судом ошибочно и в действиях осужденного содержится опасный рецидив преступлений.

Принимая решение о признании в действиях осужденного опасного рецидива преступлений, суд кассационной инстанции, вопреки требованиям ч. 1 ст. 10 УК РФ, оставил без внимания изменения, внесенные в ч. 4 ст. 18 УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ, улучшающие положение осужденного и подлежащие применению, согласно которым судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, при признании рецидива преступлений не учитываются.

Из материалов уголовного дела видно, что условное осуждение Л. по приговору от 26 декабря 2001 г. до постановления приговора от 17 сентября 2003 г. не отменялось и в места лишения свободы он не направлялся, что исключало признание в его действиях рецидива преступлений. При таких данных в действиях осужденного отсутствует рецидив преступлений.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение и исключил указания о наличии в действиях осужденного рецидива преступлений и признании данного обстоятельства отягчающим наказание.

Постановление Президиума
Верховного Суда
Российской Федерации
N 105П15

2. Если уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления, назначение дополнительного наказания в виде штрафа не являлось обязательным, то суд в описательно-мотивировочной части приговора должен привести основания его назначения.

В соответствии с ч. 3 ст. 47 УК РФ суд должен мотивировать назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в том случае, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление.

По приговору суда от 20 февраля 2012 г. Б. осужден к лишению свободы: по ч. 1 ст. 286 УК РФ на 2 года,

по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ) на 7 лет с лишением на основании ст. 47 УК РФ права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий, сроком на 2 года, со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки (1 020 000 руб.); по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ на 8 лет с лишением на основании ст. 47 УК РФ права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий, сроком на 2 года, со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки (1 020 000 руб.).

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно приговору Б. совершил покушение на получение взятки путем вымогательства до внесения изменений в ст. 290 УК РФ Федеральным законом от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ.

Суд первой инстанции квалифицировал действия осужденного в соответствии с уголовным законом, действовавшим на момент вынесения приговора, по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ), исходя из основного наказания, предусмотренного за совершение этого преступления (штраф в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки либо лишение свободы на срок от 7 до 12 лет), и назначил в качестве основного наказания лишение свободы сроком на 7 лет и дополнительное наказание в соответствии с санкцией этой нормы уголовного закона в виде штрафа в размере шестидесятикратной суммы взятки (1 020 000 руб.).

Между тем уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления, назначение дополнительного наказания в виде штрафа не являлось обязательным, возможность его применения предусматривалась в качестве альтернативы по усмотрению суда.

В соответствии со ст. 9 УК РФ суд, решая вопрос о необходимости назначения осужденному дополнительного наказания в виде штрафа и о его размере, должен был руководствоваться уголовным законом, действовавшим в период совершения преступления (п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ), поскольку новый уголовный закон в части назначения штрафа в качестве дополнительного наказания за деяние, совершенное осужденным, является более строгим.

По смыслу ст. 60 УК РФ, при наличии в санкции п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ) альтернативы о возможности применения либо неприменения штрафа

суд должен был привести основания назначения этого дополнительного наказания с указанием соответствующих мотивов. Однако суд, назначив дополнительное наказание в виде штрафа в описательно-мотивировочной части обоснований такого решения не привел.

В соответствии с ч. 3 ст. 47 УК РФ суд должен мотивировать назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в том случае, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление.

Суд первой инстанции, сославшись в резолютивной части приговора на ст. 47 УК РФ, назначил осужденному дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий, сроком на 2 года. Однако в описательно-мотивировочной части приговора суд не мотивировал необходимость назначения этого дополнительного наказания, которое не было предусмотрено санкцией п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ), действовавшей во время совершения преступления.

Кроме того, в нарушение требований ст. 10 УК РФ и ч. 2 ст. 69 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ) наказание по совокупности преступлений назначено Б. на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, положения которой предусматривают более строгие правила назначения наказания по совокупности преступлений.

В силу изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение в части осуждения по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ), исключил назначение дополнительных наказаний в виде штрафа, а также в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ), ч. 1 ст. 286 УК РФ, путем поглощения менее строгого наказания более строгим назначил осужденному наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет.

Постановление Президиума
Верховного Суда
Российской Федерации
N 139П15

3. В силу ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит только часть имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

Л. признан виновным помимо прочего в злоупотреблении должностными полномочиями и осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

На основании ст. 104.1 УК РФ постановлено конфисковать в доход государства полученные в результате совершения преступлений денежные средства в российских рублях, находящиеся на расчетном счете, зарегистрированном на Л. в дополнительном офисе отделения банка.

Как усматривается из приговора, судом принято решение о конфискации в доход государства денежных средств в российских рублях, находящихся на расчетном счете на имя осужденного Л. в дополнительном офисе отделения банка, как полученных в результате совершения преступления.

В соответствии с постановлением суда был наложен арест на лицевой счет на имя Л., на котором сумма остатка составила 310 937, 54 руб.

Между тем судом установлено, что Л. в период с 23 декабря 2005 г. по 23 декабря 2006 г., злоупотребляя своими должностными полномочиями, получил денежное вознаграждение в размере 710 311, 33 руб. посредством перечисления денежных сумм на подконтрольный Л. расчетный счет в банке, открытый на имя М.

Кроме того, Л. утверждал в том числе и в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции, что на расчетный счет, открытый на его имя в отделении банка, перечислялось ежемесячно денежное пособие, назначенное ему в связи с прохождением службы в Северокавказском регионе.

Однако эти доводы, имеющие важное значение для принятия правильного решения по вопросу о конфискации денежных средств, находящихся на расчетном счете на имя Л. в дополнительном офисе отделения банка, не получили оценки в приговоре.

При этом в нарушение ст. 307 УПК РФ в приговоре не указано, на основании каких данных суд пришел к выводу о том, что денежные средства, находившиеся на данном расчетном счете, получены осужденным в результате совершения преступления.

В силу ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

В данном случае вопрос о том, производились ли перечисления на указанный расчетный счет денежных средств, приобретенных законным путем, судом не проверялся.

Таким образом, решение о конфискации в доход государства денежных средств, находящихся на расчетном счете на имя Л. в дополнительном офисе отделения банка, находится в противоречии с обстоятельствами, которые установлены и отражены в приговоре при описании преступного деяния, а также принято судом без учета положений ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, что повлияло на исход дела в этой части.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации приговор и кассаци-

онное определение в части решения о конфискации в доход государства денежных средств в российских рублях, находящихся на расчетном счете, открытом на имя осужденного в дополнительном офисе отделения банка, отменил и уголовное дело в этой части передал в тот же суд на новое рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 397, 399 УПК РФ.

Постановление Президиума
Верховного Суда
Российской Федерации
N 131П15

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

I. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

1. Наличие долговой расписки у заимодавца подтверждает неисполнение денежного обязательства со стороны заемщика, если последним не будет доказано иное.

И. обратилась в суд с иском к Д. о взыскании долга по договору займа и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска И. отказано.

Судом установлено, что в подтверждение договоров займа и их условий в материалы дела истцом представлены расписки, из содержания которых следует, что 20 марта 2008 г. Д. взяла 200 000 руб. под 4% в месяц на неопределенный срок, обязалась выплачивать проценты от суммы каждый месяц 20 числа наличными, остальную сумму обязалась вернуть по требованию. 30 октября 2008 г. Д. взяла 100 000 руб. под 4% и обязалась отдавать 20 числа каждого месяца проценты от суммы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суды исходили из того, что между сторонами по делу не был заключен договор займа, а имеющаяся в деле расписка не подтверждает факт получения денежных средств именно у истца, поскольку не содержит сведений о заимодавце и обязательства Д. по возврату указанных в расписке сумм И.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала ошибочными выводы судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

В соответствии со ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

Согласно ст. 161, 808 ГК РФ договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, а в случае, когда заимодавцем является юриди-

ческое лицо, - независимо от суммы. В подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющий передачу ему заимодавцем определенной денежной суммы.

Таким образом, для квалификации отношений сторон как заемных необходимо установить соответствующий характер обязательства, включая достижение между ними соглашения об обязанности заемщика возвратить заимодавцу полученные денежные средства.

На основании п. 1 ст. 160 ГК РФ сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами.

В силу п. 1 ст. 162 ГК РФ нарушение предписанной законом формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки на показания свидетелей, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства.

Исходя из изложенного передача денежной суммы конкретным заимодавцем заемщику может подтверждаться различными доказательствами, кроме свидетельских показаний.

Из материалов дела следует, что при рассмотрении дела ответчик имела намерение заключить мировое соглашение с истцом, фактически выразила лишь несогласие с начисленными процентами.

Однако эти обстоятельства, имеющие существенное значение для квалификации правоотношения сторон, в нарушение требований ч. 4 ст. 67, ч. 4 ст. 198 ГПК РФ оценки судебных инстанций не получили.

Кроме того, судами не было учтено, что, по смыслу ст. 408 ГК РФ, нахождение долговой расписки у заимодавца подтверждает неисполнение денежного обязательства со стороны заемщика, если им не будет доказано иное.

Ссылка суда на то, что истцом не было представлено иных (кроме расписки) доказательств в обоснование заявленного иска, является несостоятельной, поскольку обязанность представления доказательств, опровергающих факт заключения договора займа с конкретным заимодавцем, лежала на ответчике Д.

Определение N 12-КГ15-3

2. Последствием признания недействительным условия кредитного договора об уплате комиссионного вознаграждения за обслуживание счета, как ущемляющего права потребителя, является возмещение возникших убытков, наличие и размер которых подлежат доказыванию потребителем. Положения ст. 28 и 30 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» к отношениям сторон кредитного договора применению не подлежат.

III. обратился в суд с иском к банку и с учетом уточнения исковых требований просил о применении последствий недействительности ничтожной сделки в части, взыскании комиссии, неустойки, штрафа, судебных расходов.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования Ш. удовлетворены.

Судом установлено, что между Ш. и банком был заключен договор на получение персонального кредита в офертно-акцептной форме.

Обязательства банка перед истцом по предоставлению суммы кредита были исполнены в полном объеме. Принятые на себя обязательства Ш. исполнял надлежащим образом, платежи по кредиту и проценты за пользование денежными средствами уплачивал ежемесячно.

Помимо платежей по кредиту и процентов за пользование денежными средствами истцом ежемесячно уплачивалась комиссия за обслуживание счета, сумма которой подтверждена выпиской по счету и ответчиком не оспаривалась.

Суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования, а также суд апелляционной инстанции, оставив решение суда без изменения, исходили из того, что включение банком в кредитный договор условия об уплате комиссионного вознаграждения за обслуживание счета, который выполняет функции ссудного счета, ущемляет установленные законом права потребителя и согласно ст. 16 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о защите прав потребителей) является основанием для признания такого условия недействительным. В связи с этим, на основании ст. 28 и 30 Закона о защите прав потребителей в пользу истца была взыскана неустойка за просрочку исполнения обязанности по возврату комиссии.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 819 ГК РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности» процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, в том числе определение величины процентной ставки по кредиту в зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, процентные ставки по вкладам (депозитам) и комиссионное вознаграждение по операциям устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснено, что под финансовой услугой следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кре-

дитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкладов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т.п.).

В силу п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными. Если в результате исполнения договора, ущемляющего права потребителя, у него возникли убытки, они подлежат возмещению исполнителем (исполнителем, продавцом) в полном объеме.

Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (п. 1 ст. 15 ГК РФ).

Из содержания указанных норм в их взаимосвязи следует, что последствием признания недействительным условия кредитного договора (например, об уплате комиссионного вознаграждения за обслуживание счета), как ущемляющего права потребителя, является возмещение возникших убытков, наличие и размер которых подлежат доказыванию потребителем.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Суды первой и апелляционной инстанций ошибочно применили к отношениям сторон положения ст. 28 и 30 Закона о защите прав потребителей, регламентирующих последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг) и сроков устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги), поскольку действия кредитной организации по взиманию комиссии по обслуживанию счета не являются тем недостатком работы (услуги), за нарушение сроков выполнения которой может быть взыскана неустойка на основании названного закона.

Определение N 16-КГ15-25

II. Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

3. Стоимость проезда работника на железнодорожном транспорте в личных целях, оплаченная работодателем, является доходом, полученным работником в натуральной форме, который подлежит налогообложению.

С. обратилась в суд с иском к открытому акционерному обществу «Федеральная пассажирская компания» (далее - ОАО «ФПК») об обязанности возвратить сумму подоходного налога, удержанную из ее заработной платы, и о компенсации морального вреда.

Судом установлено, что С. работает в филиале ОАО «ФПК» в должности начальника пассажирского поезда.

В соответствии с п. 5 ст. 25 Федерального закона от 10 января 2003 г. N 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» работники железнодорожного транспорта общего пользования пользуются правом бесплатного проезда на железнодорожном транспорте за счет средств соответствующих организаций в порядке и на условиях, которые предусмотре-

ны отраслевым тарифным соглашением и коллективными договорами.

Подпунктом 3.4.1 коллективного договора, заключенного между ОАО «ФПК» и его работниками, действовавшего с 2010 по 2013 год, предусмотрено право работников на бесплатный проезд по личным надобностям один раз в год по разовому транспортному требованию в купейном вагоне пассажирских поездов всех категорий от пункта отправления до пункта назначения на территории Российской Федерации и обратно.

Подпунктом 8.2.1 отраслевого соглашения по организациям железнодорожного транспорта на 2011 - 2012 годы установлено, что работникам за счет средств работодателя предоставляется право проезда по личным надобностям на территории Российской Федерации в купейном вагоне поездов дальнего следования всех категорий один раз в год и проезд в пригородном сообщении или в поездах дальнего следования (при отсутствии пригородного) на суммарное расстояние двух направлений до 200 км или оплату (компенсацию) проезда.

В целях реализации права работников на бесплатный проезд на железнодорожном транспорте распоряжением ОАО «ФПК» от 30 декабря 2011 г. N 1368-р утверждены Правила предоставления в ОАО «ФПК» (далее - Правила) права бесплатного проезда на железнодорожном транспорте общего пользования, в соответствии с которыми для оформления бесплатного проезда по личным надобностям работникам выдаются транспортные требования формы N 6, а для оформления бесплатного проезда по служебным надобностям - транспортные требования формы 1, 2, 3, 6-А.

Пунктом 2.1 Правил предусмотрены виды проезда работников ОАО «ФПК» по служебным надобностям.

Подпунктом 3.1.3 Правил определено, что проезд работника один раз в год в направлении «туда и обратно» по территории Российской Федерации относится к видам проезда по личным надобностям.

Судом также установлено, что С. как работник ОАО «ФПК» в период с 2010 по 2012 год неоднократно пользовалась правом бесплатного проезда на основании приведенного пункта Правил по транспортным требованиям формы N 6.

Согласно справке ОАО «ФПК» за период с 2010 по 2013 год из заработной платы С. были произведены удержания подоходного налога со стоимости проезда по бесплатным транспортным требованиям формы N 6 согласно реестров перевозок работников ОАО «ФПК» в поездах дальнего следования по личным надобностям.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования С. о взыскании с ОАО «ФПК» суммы удержанного подоходного налога, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что безвозмездное оказание работодателем услуг работнику по его проезду, а также оплата проезда по транспортным требованиям формы N 6 за счет средств работодателя не является доходом работника в натуральной форме, а относится к категории компенсационных выплат, связанных с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей, которые в силу п. 3 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению.

С данным выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

В силу п. 1 ст. 210 НК РФ при определении налоговой базы для исчисления налога на доходы физических лиц учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или право на распоряжение которыми у него возникло, а также доходы в виде материальной выгоды, определяемой в соответствии со ст. 212 данного кодекса.

К доходам, полученным налогоплательщиком в натуральной форме, в частности, относится оплата (полностью или частично) за него организациями или индивидуальными предпринимателями товаров (работ, услуг) или имущественных прав, в том числе коммунальных услуг, питания, отдыха, обучения в интересах налогоплательщика (подп. 1 п. 2 ст. 211 НК РФ).

Доходы физических лиц, не подлежащие налогообложению (освобождаемые от налогообложения), перечислены в ст. 217 НК РФ.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) следующие виды доходов физических лиц: все виды предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей (включая переезд на работу в другую местность и возмещение командировочных расходов).

Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия «компенсационные выплаты».

Между тем согласно п. 1 ст. 11 НК РФ институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в Налоговом кодексе Российской Федерации, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено названным кодексом.

В ст. 164 ТК РФ содержится понятие гарантий и компенсаций, применяемые в трудовом законодательстве. Гарантии определены как средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений, компенсации - денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации или другими федеральными законами обязанностей.

Из приведенных положений ст. 164 ТК РФ и п. 3 ст. 217 НК РФ следует, что не подлежат налогообложению налогом на доходы физических лиц доходы работника, получаемые в качестве возмещения тех затрат,

которые понесены им в связи с выполнением трудовых обязанностей, то есть компенсационные выплаты.

Поскольку бесплатный проезд С. как работника ОАО «ФПК» по личным надобностям по транспортному требованию формы N 6 за счет средств работодателя не связан с исполнением ею трудовых обязанностей, то в силу положений ст. 164 ТК РФ оплата работодателем такого проезда не может рассматриваться как компенсационная выплата, на которую распространяются положения п. 3 ст. 217 НК РФ об освобождении такого вида доходов физических лиц от налогообложения.

Право бесплатного проезда на железнодорожном транспорте по личным надобностям, предоставляемое ОАО «ФПК» своим работникам, исходя из подлежащих применению к спорным отношениям норм ст. 164 ТК РФ и п. 3.1.3 Правил, является гарантией, обеспечивающей осуществление работниками своих прав в области социально-трудовых отношений.

Таким образом, оплата ОАО «ФПК» за С. стоимости ее проезда по бесплатным транспортным требованиям формы N 6 в поездах дальнего следования по личным надобностям представляет собой доход, полученный С. в натуральной форме, который подлежит налогообложению на доходы физических лиц, поскольку исчерпывающий перечень подлежащих освобождению от налогообложения доходов (ст. 217 НК РФ) не содержит указаний для освобождения от налогообложения выплат, предоставляемых работнику в качестве гарантий.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска.

Определение N 8-КГ15-6

4. Свидетельство об удостоверении тождественности личности гражданина с лицом, изображенным на представленной этим гражданином фотографии, выданное нотариусом, не является документом, удостоверяющим личность гражданина, на основании которого может быть назначена трудовая пенсия по старости лицу, не имеющему паспорт гражданина Российской Федерации.

Х. обратилась в суд с иском к пенсионному органу об обязанности принять заявление и о назначении пенсии, указав в обоснование своих требований на то, что ранее она обращалась в пенсионный орган для назначения пенсии, предъявив в качестве документа, удостоверяющего личность, свидетельство об удостоверении тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии. Пенсионным органом отказано в регистрации и принятии заявления Х. о назначении трудовой пенсии по старости, поскольку к заявлению не приложены необходимые документы, подтверждающие личность заявителя, а свидетельство об удостоверении тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографической карточке, не является документом, подтверждающим личность заявителя, его возраст, место жительства, принадлежность к гражданству.

Уточнив исковые требования, истец просила признать незаконным отказ пенсионного органа в регистрации и принять к рассмотрению ее заявления о назначении трудовой пенсии по старости, обязать ответчика принять заявление о назначении трудовой пенсии по старости с необходимыми документами, в том числе с документом, удостоверяющим личность, - «Свидетельством об удостоверении тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографической карточке», выданным нотариусом, обязать пенсионный орган назначить ей трудовую пенсию по старости с 18 марта 2014 г. (с даты обращения в пенсионный орган).

Судом по делу установлено, что в подтверждение заявленных доводов истец Х. представила свое свидетельство о рождении, а также свидетельства о заключении и расторжении брака с Н.

В связи с заключением брака с Х.С. истцу присвоена фамилия Х., что подтверждается свидетельством о заключении брака.

18 марта 2014 г. Х. обратилась в пенсионный орган с заявлением о назначении трудовой пенсии по старости в связи с достижением 55-летнего возраста, указав, что из документов она имеет свидетельство об удостоверении тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографической карточке, от всех остальных документов, а именно паспорта, СНИЛСа, ИНН, медицинского полиса, она отказалась по своим религиозным убеждениям.

Пенсионным органом в регистрации и принятии заявления Х. о назначении трудовой пенсии по старости отказано со ссылкой на то, что к заявлению не приложены необходимые документы, подтверждающие личность заявителя.

Из заявления Х., ответа территориального органа Федеральной миграционной службы (далее - отдел УФМС) следует, что по религиозным убеждениям истец сдала свой паспорт гражданина Российской Федерации в отдел УФМС.

Свидетельством об удостоверении тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографической карточке (далее - свидетельство о тождественности личности), удостоверенным нотариусом, подтверждено, что лицо, изображенное на фотографической карточке в указанном свидетельстве, зарегистрированном в реестре, тождественно с предъявившей ее Х.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Х. об обязанности ответчика принять заявление о назначении трудовой пенсии по старости на основании свидетельства о тождественности личности, суд первой инстанции исходил из того, что паспорт гражданина Российской Федерации является основным, но не единственным документом, удостоверяющим личность гражданина на территории Российской Федерации, законодательством не ограничено право гражданина на удостоверение его личности иными документами.

При этом суд первой инстанции пришел к выводу о том, что представленное Х. в пенсионный орган свидетельство о тождественности личности оформлено в соответствии с положениями ст. 84 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, удосто-

верено нотариусом и является подтверждением того, что лицо, изображенное на фотографии, тождественно с представившей ее личностью, данное свидетельство позволяет установить гражданство истца, ее возраст, место жительства, в связи с чем признал незаконным отказ ответчика в регистрации и принятии заявления Х. о назначении трудовой пенсии по старости.

Суд апелляционной инстанции согласился с данными выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании норм материального права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска Х., указав следующее.

В силу ст. 7 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», подлежащего применению к спорным отношениям и действовавшего до 1 января 2015 г. (далее - Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ), право на трудовую пенсию по старости имеют мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины, достигшие возраста 55 лет. Трудовая пенсия по старости назначается при наличии не менее пяти лет страхового стажа.

В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ перечень документов, необходимых для установления трудовой пенсии, правила обращения за указанной пенсией, ее назначения и перерасчета размера указанной пенсии, в том числе лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории Российской Федерации, перевода с одного вида пенсии на другой, выплаты этой пенсии, ведения пенсионной документации устанавливаются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Пунктом 2 постановления Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Пенсионного фонда Российской Федерации от 27 февраля 2002 г. N 16/19па «Об утверждении Перечня документов, необходимых для установления трудовой пенсии и пенсии по государственному пенсионному обеспечению в соответствии с Федеральными законами «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (действовавшим на момент возникновения спорных отношений и до 1 января 2015 г.) было определено, что к заявлению гражданина, обратившегося за назначением трудовой пенсии по старости (страховой части трудовой пенсии по старости) должны быть приложены соответствующие документы, в частности удостоверяющие личность, возраст, место жительства, принадлежность к гражданству Российской Федерации.

В п. 15 названного перечня в качестве документа, подтверждающего личность, возраст и гражданство лица, которому устанавливается пенсия, указан паспорт этого лица.

Согласно п. 13 подлежащих применению к спорным отношениям Правил выплаты пенсии в соответ-

ствии с Федеральными законами «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», утвержденных постановлением Пенсионного фонда Российской Федерации N 15п, Минтруда России N 18 от 16 февраля 2004 г., доставка пенсии производится при предъявлении документа, удостоверяющего личность.

Разрешая спор, судебные инстанции пришли к выводу о том, что представленное Х. свидетельство об установлении тождественности личности с лицом, изображенным на фотографической карточке, выданное нотариусом, является допустимым документом для восстановления и выплаты трудовой пенсии по старости.

Между тем судебными инстанциями не учтено, что согласно ст. 10 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» документом, удостоверяющим гражданство Российской Федерации, является паспорт гражданина Российской Федерации или иной основной документ, содержащий указание на гражданство лица. Виды основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, определяются федеральным законом.

До настоящего времени такой федеральный закон не принят.

Конституция Российской Федерации возлагает на Президента Российской Федерации как главу государства решение вопросов гражданства Российской Федерации (п. «а» ст. 89) и устанавливает, что Президент Российской Федерации осуществляет свои полномочия посредством издания указов и распоряжений (ч. 1 ст. 90).

Таким образом, Президенту Российской Федерации делегированы в соответствии с Конституцией Российской Федерации полномочия по изданию указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного разрешения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов.

В целях создания необходимых условий для обеспечения конституционных прав и свобод граждан Указом Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 г. N 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» был введен в действие паспорт гражданина Российской Федерации, являющийся основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации.

Пунктом 2 данного Указа Президента Российской Федерации Правительству Российской Федерации поручено утвердить образец бланка и описание паспорта гражданина Российской Федерации, а также положение о паспорте гражданина Российской Федерации.

В соответствии со ст. 23 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Правительство Российской Федерации на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных

законов, нормативных указов Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. N 828 утверждено Положение о паспорте гражданина Российской Федерации, согласно п. 1 которого паспорт гражданина Российской Федерации является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации. Паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации.

Следовательно, документом, удостоверяющим личность и гражданство лица, является паспорт гражданина Российской Федерации.

В соответствии со ст. 84 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462-1 (далее - Основы о нотариате) нотариус удостоверяет тождественность личности гражданина с лицом, изображенным на представленной этим гражданином фотографии.

Частью первой ст. 42 Основ о нотариате (ст. 42 в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) определено, что при совершении нотариального действия нотариус устанавливает личность обратившегося за совершением нотариального действия гражданина.

Установление личности должно производиться на основании паспорта или других документов, исключающих любые сомнения относительно личности гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия, за исключением случая, предусмотренного частью третьей названной статьи (часть вторая ст. 42 Основ о нотариате).

Согласно части третьей ст. 42 Основ о нотариате при регистрации уведомления о залоге движимого имущества, направленного нотариусу в электронной форме, личность заявителя - физического лица считается установленной при условии, что его квалифицированная электронная подпись проверена и ее принадлежность заявителю подтверждена в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Из приведенных положений ст. 42 Основ о нотариате следует, что целью выдачи свидетельства о тождественности личности гражданина с лицом, изображенным на представленной этим гражданином фотографии, не может быть удостоверение личности обратившегося за совершением нотариального действия, а также удостоверение гражданства этого лица, поскольку это не предусмотрено действующим федеральным законодательством.

Основы о нотариате не относят нотариуса к числу органов государственной власти Российской Федерации либо должностных лиц, наделенных в установленном порядке полномочиями по выдаче документа, удостоверяющего личность гражданина, что дает основание для вывода о том, что выданное нотариусом свидетельство об установлении тождественности личности с лицом, изображенным на фотографической карточке, не обладает юридическими признаками до-

кумента, удостоверяющего личность. Ввиду этого выданное нотариусом в соответствии со ст. 84 Основ о нотариате свидетельство об удостоверении тождественности личности с лицом, изображенным на фотографии, не может служить документом, удостоверяющим личность гражданина, исходя из требований, предъявляемых к такому документу пенсионным законодательством, поскольку не удостоверяет личность лица, не подтверждает его гражданство, а лишь удостоверяет факт тождественности личности с лицом, изображенным на фотографии, и не содержит юридически значимой информации, необходимой для целей пенсионного обеспечения, в частности о принадлежности к гражданству Российской Федерации.

При таких обстоятельствах выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что представленное Х. свидетельство об установлении тождественности личности с лицом, изображенным на фотографии, выданное нотариусом, является допустимым документом для удостоверения ее личности и гражданства Российской Федерации при обращении за пенсионным обеспечением по старости в пенсионный орган, являются ошибочными, основанными на неправильном применении норм материального права к спорным отношениям.

Определение N 25-КГ15-13

III. Разрешение споров, связанных с семейными отношениями

5. В случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

В. обратился в суд с иском к М., П. о взыскании суммы долга. В обоснование иска указал, что по договору займа, оформленному распиской и соглашением об окончательном урегулировании финансовых взаиморасчетов в рамках совместных коммерческих проектов в целях закупки товаров, а также для приобретения недвижимости, передал определенную денежную сумму М. На момент заключения договора займа М. состоял в браке с П. (М.). Обязательства по возврату денежных средств по договору займа М. исполнены не были. На основании п. 2 ст. 45 СК РФ истец просил взыскать сумму долга с М. и П. (М.) солидарно.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями.

При новом рассмотрении дела суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования В., руководствуясь положениями ст. 310, 314, 322, 807, 810 ГК РФ и ст. 34, 39 СК РФ, исходил из того, что поскольку на момент заключения договора займа П. (М.) состояла в браке с М. и денежные средства, полученные М. от В., были потрачены на нужды семьи ответчиков, в частности на развитие совместного бизнеса и на покупку недвижимости, то данные денежные средства являются общим долгом ответчиков по делу.

С указанными выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе П. отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ст. 39 СК РФ общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям.

Согласно п. 2 ст. 45 СК РФ взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи.

Таким образом, для возложения на П. солидарной обязанности по возврату заемных средств обязательство должно являться общим, то есть, как следует из п. 2 ст. 45 СК РФ, возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи, либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи.

Пунктом 2 ст. 35 СК РФ, п. 2 ст. 253 ГК РФ установлена презумпция согласия супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом.

Однако положения о том, что такое согласие предполагается также в случае возникновения у одного из супругов долговых обязательств с третьими лицами, действующее законодательство не содержит.

Напротив, в силу п. 1 ст. 45 СК РФ, предусматривающего, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, допускается существование у каждого из супругов собственных обязательств.

Следовательно, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

Между тем, сделав вывод о том, что денежные средства, взятые ответчиком М. в долг у истца, были потрачены на нужды семьи, в том числе на покупку недвижимости, суд в нарушение этой статьи указал, что доказательств обратного П. представлено не было.

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

По данному делу юридически значимым обстоятельством являлось выяснение вопросов об установлении цели получения М. названной выше денежной суммы, причины подписания М. и В. двух документов, и того, были ли потрачены денежные средства, полученные М. от В., на нужды семьи М.

Удовлетворяя иски требования В., суд приведенные обстоятельства не учел, не определил их в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки

суда, что является следствием неправильного истолкования и применения судом положений п. 2 ст. 45 СК РФ к отношениям сторон.

Указанные обстоятельства были оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Определение N 5-КГ14-162

IV. Процессуальные вопросы

6. Дело по спору, возникшему между заимодавцем (физическим лицом) и заемщиком (хозяйственным обществом), рассматривается судом общей юрисдикции и в том случае, когда заимодавец является одним из учредителей (участников) этого общества.

П. обратился в суд к хозяйственному обществу с иском о взыскании денежных средств, в обоснование которого указал, что между ним и ответчиком были заключены договоры займа. Обязательства по передаче денег по данным договорам истец исполнил, однако денежные средства ответчиком в срок не возвращены.

Ответчик возражал против удовлетворения исковых требований, ссылаясь на то, что договоры займа, на которые истец ссылался в обоснование своих требований, недействительны, поскольку были заключены с нарушением требований действующего законодательства.

Определением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам городского суда, производство по делу прекращено с указанием на то, что данный спор подлежит разрешению арбитражным судом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

Согласно ч. 3 этой же статьи суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные ч. 1 данной статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов.

Статьей 220 ГПК РФ установлено, что суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 134 этого кодекса.

Согласно ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры

и рассматривают иные дела с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Иные дела могут быть отнесены к подведомственности арбитражных судов федеральным законом.

В соответствии со ст. 28 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке искового производства возникающие из гражданских правоотношений экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами.

К указанным выше случаям относятся, в частности, корпоративные споры, предусмотренные ст. 225.1 АПК РФ.

По данному делу судом установлено, что между истцом (заимодавцем) и ответчиком (заемщиком) в лице генерального директора общества С. заключено несколько договоров займа в целях пополнения оборотных средств данного общества.

Судом также установлено, что П. является соучредителем общества (ответчика по делу) и являлся им на момент заключения договоров займа.

Прекращая производство по делу, суд первой инстанции, сославшись на положения абзаца второго ст. 220 ГПК РФ, указал, что исковые требования заявлены П. по спору между участником хозяйственного общества и самим обществом (корпоративный спор), в связи с чем такие требования подлежат разрешению арбитражным судом, а не судом общей юрисдикции.

С данным выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Между тем перечень корпоративных споров, относящихся к компетенции арбитражных судов, указан в ст. 225.1 АПК РФ, в силу которой арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом (далее - корпоративные споры), в том числе по следующим корпоративным спорам:

1) спорам, связанным с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица;

2) спорам, связанным с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременении и реализацией

вытекающих из них прав, за исключением споров, вытекающих из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, споров, возникающих в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов;

3) спорам по искам учредителей, участников, членов юридического лица (далее - участники юридического лица) о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок;

4) спорам, связанным с назначением или избранием, прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих или входивших в состав органов управления и органов контроля юридического лица, а также споры, возникающие из гражданских правоотношений, между указанными лицами и юридическим лицом в связи с осуществлением, прекращением, приостановлением полномочий указанных лиц;

5) спорам, связанным с эмиссией ценных бумаг, в том числе с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, решений органов управления эмитента, с оспариванием сделок, совершенных в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг, отчетов (уведомлений) об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг;

6) спорам, вытекающим из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, с осуществлением держателем реестра владельцев ценных бумаг иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг;

7) спорам о созыве общего собрания участников юридического лица;

8) спорам об обжаловании решений органов управления юридического лица;

9) спорам, вытекающим из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

Вместе с тем требования истца по данному делу не относятся к перечню, указанному в ст. 225.1 АПК РФ, этот спор не является корпоративным, относящимся к подведомственности арбитражного суда, поскольку возник из договоров займа, заключенных между физическим лицом и хозяйственным обществом, и подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции и в том случае, если заимодавец является одним из учредителей (участников) этого общества.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконным прекращение производства по данному делу как подлежащему рассмотрению арбитражным судом.

Определение N 5-КГ15-110

7. При подаче апелляционной жалобы в суд индивидуальный предприниматель уплачивает государственную пошлину в размере, установленном для физических лиц.

Индивидуальный предприниматель И. (далее - ИП) обратился в суд общей юрисдикции с апелляционной жалобой на решение районного суда, которым был частично удовлетворен иск Ч. к ИП о возмещении ущерба.

Определением районного суда апелляционная жалоба ИП на указанное решение суда оставлена без движения на основании ч. 4 ст. 322 ГПК РФ.

Оставляя апелляционную жалобу ИП без движения, суд первой инстанции исходил из того, что к апелляционной жалобе не приложен документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в полном размере. Указывая, что размер государственной пошлины при подаче апелляционной жалобы индивидуальными предпринимателями составляет 2000 руб., а ИП уплатил государственную пошлину в размере 100 руб., суд сообщил заявителю о необходимости доплатить государственную пошлину за подачу апелляционной жалобы в размере 1900 руб.

С данным выводом суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала, что выводы судебных инстанций основаны на неправильном толковании и применении норм права.

Согласно ч. 4 ст. 322 ГПК РФ к апелляционной жалобе прилагается документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, если жалоба подлежит оплате.

В силу ст. 88 ГПК РФ размер и порядок уплаты государственной пошлины устанавливаются федеральными законами о налогах и сборах.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 333.19 НК РФ при подаче апелляционной жалобы по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, уплачивается государственная пошлина в размере 50 процентов размера государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления неимущественного характера.

Согласно подп. 3 п. 1 ст. 333.19 НК РФ в редакции, действовавшей на момент подачи ИП апелляционной жалобы, государственная пошлина при подаче искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке, а также искового заявления неимущественного характера составляла: для физических лиц - 200 руб., для организаций - 4000 руб.

Вместе с тем специальный порядок уплаты индивидуальными предпринимателя государственной пошлины при подаче искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке, а также искового заявления неимущественного характера, установлен не был.

В силу п. 1 ст. 11 НК РФ институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в данном кодексе, применяются в том значении, в ка-

ком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено Налоговым кодексом Российской Федерации.

Для целей НК РФ и иных актов законодательства о налогах и сборах под индивидуальными предпринимателями понимаются физические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, главы крестьянских (фермерских) хозяйств (п. 2 ст. 11 НК РФ).

Таким образом, с учетом положений ст. 11, подп. 3 и 9 п. 1 ст. 333.19 НК РФ и положений ГПК РФ при подаче апелляционной жалобы в суд общей юрисдикции как по исковому заявлению имущественного характера, не подлежащего оценке, так и по исковому заявлению неимущественного характера государственная пошлина индивидуальными предпринимателями уплачивается в размере, установленном для физических лиц.

Из изложенного следует, что при подаче указанной апелляционной жалобы на решение районного суда ИП уплатил предусмотренную законом государственную пошлину в размере 100 руб.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала определение районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда незаконными, отменив указанные судебные постановления.

Определение N 46-КГ15-19

Назначение судебной экспертизы

8. По делам об оспаривании отцовства генетическая экспертиза назначается судом с учетом мнения детей, достигших возраста 10 лет.

Х. (отец) обратился в суд с иском к У. (матери) об оспаривании отцовства.

В обоснование исковых требований указано, что с 29 октября 1988 г. по 20 декабря 2004 г. Х. состоял в браке с ответчиком. В период брака у них родились трое детей, отцом которых записан истец. По неоднократным утверждениям ответчика истец биологическим отцом детей не является, в связи с чем у него возникли сомнения в его отцовстве. Х. просил внести изменения в записи актов о рождении детей, исключив запись о его отцовстве.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что ответчик от проведения генетической экспертизы отказалась, подтвердила тот факт, что истец отцом ее детей не является, исковые требования признала. Признание ответчиком иска принято судом.

Оставляя данное решение суда без изменения, суд апелляционной инстанции указал на то, что нарушение прав и законных интересов детей, являющихся несовершеннолетними на день рассмотрения дела, в данном случае не усматривается, поскольку решение вопроса об отцовстве является личным делом самих лиц, записанных родителями ребенка.

Также суд апелляционной инстанции согласился с районным судом в части отсутствия необходимости

выяснения мнения детей, достигших возраста 10 лет, поскольку мнение детей по рассматриваемому вопросу фактически повлиять на решение суда не могло.

Кроме того, судом апелляционной инстанции указано на то, что мнение ребенка по спору об оспаривании отцовства не является основополагающим.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы судов основанными на неправильном толковании и применении норм материального и процессуального права.

Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка (далее - Конвенция) провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Ребенок имеет право знать своих родителей и право на их заботу (ст. 7 Конвенции).

Таким образом, Конвенцией провозглашено право ребенка знать своих родителей.

В силу п. 2 ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Указанной нормой и ст. 7 Конвенции обеспечивается право ребенка на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннего развития, уважение его человеческого достоинства.

Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. «Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы». «Родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка» (ст. 7, 18, 27 Конвенции).

С правом несовершеннолетних детей жить и воспитываться в семье неразрывно связано закрепленное в п. 1 ст. 55 СК РФ право детей на общение, в том числе с обоими родителями, что создает необходимые предпосылки для полноценного воспитания и образования детей.

С учетом приведенных норм права при разрешении споров, затрагивающих права ребенка, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

В силу ст. 12 Конвенции ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего

ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

В соответствии со ст. 57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных данным кодексом, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. N 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» установлено, что при рассмотрении дел об оспаривании записи об отцовстве следует учитывать правило ст. 57 СК РФ о праве ребенка выражать свое мнение.

В силу ч. 2 ст. 39 ГПК РФ суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Указанные требования судами не были соблюдены, признание иска принято судом без исследования каких-либо доказательств, в том числе без проведения по делу экспертизы, без выяснения мнения детей, достигших возраста 10 лет.

На момент принятия судом первой инстанции решения дети достигли возраста 7, 11 и 16 лет, а на момент рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции они достигли возраста 10, 14 и 19 лет.

В соответствии со ст. 37 ГПК РФ права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, защищают в процессе их законные представители. Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности.

Дети к участию в деле привлечены не были, их мнение в нарушение ст. 12 Конвенции и ст. 57 СК РФ не выяснялось.

Как указывалось выше, законодательством обеспечивается право ребенка на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннего развития, уважение его человеческого достоинства.

Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы. Родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка.

По делу об оспаривании отцовства суд не вправе принимать признание иска матерью несовершенно-

летних детей, поскольку оно влечет нарушение прав детей, в том числе права знать своих родителей, права на их заботу, на получение соответствующей материальной помощи, на защиту от злоупотреблений со стороны родителей.

Решение суда по данной категории дел может быть основано только на совокупности исследованных судом доказательств, подтверждающих или опровергающих факт отцовства.

Оставляя без изменения решение суда, суд апелляционной инстанции указал на возражение ответчика У. против проведения молекулярно-генетической экспертизы.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. N 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о возмещении алиментов», при подготовке дел об установлении отцовства к судебному разбирательству и в ходе рассмотрения дела судья (суд) в необходимых случаях для разъяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка, вправе с учетом мнения сторон и обстоятельств по делу назначить экспертизу.

Исходя из ч. 3 ст. 79 ГПК РФ при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Этот вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае в зависимости от того, какая сторона, по каким причинам не явилась на экспертизу или не представила экспертам необходимые предметы исследования, а также какое значение для нее имеет заключение экспертизы, исходя из имеющихся в деле доказательств в их совокупности.

Между тем согласно заявлению У. именно она отказалась от участия в экспертизе, однако оспаривалось отцовство в отношении детей, а с учетом предмета экспертного исследования судебная экспертиза проводится в отношении гражданина, записанного отцом детей, и самих детей, а не их матери У.

На этом основании Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение N 77-КГ15-7

9. По ходатайству стороны суд апелляционной инстанции вправе назначить экспертизу письменных доказательств по делу, в исследовании которых им было отказано судом первой инстанции.

Ф. обратился в суд с иском к Р. (лицу, не входящему в круг наследников по закону), нотариусу о признании недействительными завещания и свидетельства о праве на наследство, включении имущества в наследствен-

ную массу, признании права собственности на квартиру и денежные средства в порядке наследования.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

Одним из источников сведений о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, являются заключения экспертов (ст. 55 ГПК РФ).

Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами (ст. 60 ГПК РФ).

На основании ст. 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

Исходя из существа рассматриваемого спора, необходимости установления юридически значимых обстоятельств по делу, к которым относится установление подлинности выполнения отцом Ф. подписи на завещании, составленном в пользу Р. (лица, не входящего в круг наследников по закону), принимая во внимание, что данный вопрос требует специальных познаний, которыми суд не обладает, необходимые сведения для правильного разрешения дела могли быть получены посредством проведения судебной экспертизы в соответствии со ст. 79 ГПК РФ.

Между тем соответствующая экспертиза судом первой инстанции в нарушение указанной правовой нормы по делу не назначалась. Данное нарушение не устранено и судом апелляционной инстанции.

В случае, если обжалуемое решение постановлено без исследования и установления всех фактических обстоятельств по делу, у суда апелляционной инстанции имеются соответствующие полномочия по устранению выявленных нарушений, в том числе и посредством назначения необходимой экспертизы, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ.

В соответствии с п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. N 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ), то суду апелляционной инстанции следует поставить на обсуждение вопрос о представлении лицами, участвующими в деле, дополнительных (новых) доказательств и при необходимости по их хо-

датайству оказать им содействие в собирании и истребовании таких доказательств.

Между тем в иске и в апелляционной жалобе истец указывал на то, что подпись на оспариваемом завещании выполнена, по его мнению, не его отцом, при этом заявил ходатайство о назначении судом апелляционной инстанции судебно-почерковедческой экспертизы по делу, однако это ходатайство разрешено не было.

Как указала Судебная коллегия, с учетом правовой природы апелляционного производства (ст. 320, 327.1, 328, 330 ГПК РФ) оставление заявленного ходатайства без разрешения существенным образом ущемляет права и законные интересы истца, лишает его права на судебную защиту, гарантированную ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Определение N 44-КГ15-2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

1. Иск о признании права отсутствующим на объект, не обладающий признаками недвижимой вещи, но права на который зарегистрированы как на недвижимость, является разновидностью негативного иска. Исковая давность на такое требование не распространяется.

Территориальное управление Росимущества обратилось в суд с иском о признании отсутствующим права собственности общества на объект незавершенного строительства (благоустроенная площадка) степенью готовности 1,18%, ссылаясь на то, что право собственности на данный объект зарегистрировано как на недвижимость, тогда как он не обладает ее признаками.

Отказывая в удовлетворении заявленного требования, суд первой инстанции пришел к выводу об избрании территориальным управлением Росимущества ненадлежащего способа защиты, поскольку оно не владеет спорным объектом, а с иском о признании права собственности ответчика отсутствующим может обратиться только лицо, фактически владеющее имуществом. Самостоятельным основанием для отказа в иске суд признал также истечение исковой давности, о применении которой заявил ответчик.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и признала отсутствующим право собственности общества по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее - Закон о регистрации) государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним - юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с ГК РФ.

Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

В п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее - Постановление N 10/22) указано, что в случаях, когда запись в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - ЕГРП) нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратилось), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Целью заявленного по делу требования является оспаривание права собственности ответчика, зарегистрированного на спорный объект как на недвижимое имущество, тогда как он, по мнению истца, является движимым имуществом.

Из содержания п. 1 ст. 130 ГК РФ и п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - постановление N 25) следует, что при разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью, независимо от осуществления государственной регистрации права собственности на нее, следует устанавливать наличие у нее признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам.

Спор по настоящему делу возник в отношении вещи - объекта незавершенного строительства, которым является благоустроенная площадка со степенью готовности 1,18%.

Возможность признания объекта незавершенного строительства недвижимостью была также разъяснена в п. 38 постановления N 25, согласно которому при разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При этом замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Из исследованных судами по делу документов, в том числе акта о государственной регистрации права собственности на объект незавершенного строительства (благоустроенная площадка) с указанием степени готовности объекта 1,18%, исходя из конструктивных элементов, приведенных судами при его описании

(щебень, асфальтовое покрытие), спорный объект ввиду отсутствия неразрывной связи с землей следует признать замощением земельного участка, которое является его частью и согласно п. 38 постановления N 25 не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью.

Судебная коллегия также не может согласиться с выводами судов о том, что государственная регистрация права собственности общества на спорный объект, не относящийся к недвижимому имуществу, не нарушает прав и законных интересов управления.

Наличие в ЕГРП записи о праве собственности ответчика на недвижимое имущество накладывает на собственника соответствующего земельного участка, на котором оно находится, определенные ограничения, обусловленные распространением на этот объект правового режима, установленного действующим законодательством для недвижимого имущества, в том числе по предоставлению под таким объектом земельного участка в пользование или в собственность в соответствии со ст. 36 ЗК РФ.

Кроме того, поскольку спорный объект, права на который в ЕГРП зарегистрированы как на недвижимость, не обладает соответствующими признаками недвижимой вещи, сам факт государственной регистрации права собственности ответчика на такое имущество нарушает права собственника земельного участка, поскольку значительно ограничивает возможность реализации последним имеющихся у него правомочий.

Нарушенное право может быть восстановлено путем исключения из реестра записи о праве собственности ответчика на объект.

Таким образом, поскольку спорный объект является замощением, то есть частью земельного участка, имеющего своего собственника, без согласия которого оно было размещено и права которого нарушаются оспариваемой государственной регистрацией, в подобной ситуации заявленное по делу требование следует считать разновидностью негативного иска.

В соответствии со ст. 208 ГК РФ на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (ст. 304 ГК РФ), исковая давность не распространяется.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. N 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» указано, что исковая давность не распространяется на требования, прямо предусмотренные ГК РФ. К их числу относятся требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были соединены с лишением владения, в том числе требования о признании права (обременения) отсутствующим.

На основании изложенного исковая давность на требование о признании права отсутствующим не распространяется.

Судебная коллегия также полагает, что иной подход по применению исковой давности по указанному требованию не обеспечивает достоверность и пу-

бличность государственного реестра, не способствует должной защите прав участников гражданского оборота и восстановлению их нарушенных прав в отношении объектов недвижимости (п. 1 ст. 8.1 ГК РФ).

Определение N 303-ЭС15-5520

2. Решение об изъятии земельного участка для государственных (муниципальных) нужд может быть принято только в исключительных случаях для достижения общественно-полезных целей, реализация которых невозможна без вмешательства органов государственной власти или местного самоуправления в частные интересы.

Заключение договора о развитии застроенной территории не является достаточным основанием для изъятия земельных участков для государственных (муниципальных) нужд.

Индивидуальный предприниматель и ряд обществ (далее - заявители) являются собственниками земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости (нежилых помещений).

Постановлением администрации муниципального образования принято решение об изъятии в том числе принадлежащих заявителям земельных участков путем их выкупа в установленном законом порядке за счет средств компании, с которой администрацией заключен договор о развитии застроенной территории в целях реализации муниципальной адресной программы.

Ссылаясь на то, что данное постановление администрации противоречит нормам действующего законодательства, заявители обратились в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции руководствовался подп. 3 п. 1 ст. 49 Земельного Кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) и ст. 46.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее - ГрК РФ) и исходил из того, что постановление администрации принято в пределах ее полномочий и при наличии правовых оснований для изъятия земельных участков для муниципальных нужд в рамках реализации муниципальной адресной программы по развитию застроенной территории.

Арбитражный суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу подп. 3 п. 3 ст. 235, п. 1 ст. 279 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ, в редакции, действовавшей на момент принятия оспариваемого постановления - 2013 год) допускается принудительное изъятие земельного участка у собственника для государственных или муниципальных нужд путем его выкупа.

При этом под государственными или муниципальными нуждами понимаются потребности публично-правового образования, удовлетворение которых

направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной собственности. Соответственно, принудительное изъятие не может производиться только или преимущественно в целях получения выгоды другими частными субъектами, деятельность которых лишь опосредованно служит интересам общества.

В данном споре в качестве обстоятельства, указывающего на наличие публичных нужд, требующих изъятия земельных участков у заявителей, суды признали сам факт принятия администрацией постановления о развитии застроенной территории и заключения с компанией договора о развитии застроенной территории.

Между тем, из норм ГрК РФ с учетом положений ст. 35 Конституции Российской Федерации, ст. 235, 279 ГК РФ и ст. 49 ЗК РФ (в редакции, действовавшей на момент принятия оспариваемого постановления) не вытекает, что эти обстоятельства влекут безусловное принудительное изъятие имущества, находящегося в частной собственности, для государственных или муниципальных нужд.

По смыслу ч. 3 ст. 46.1 ГрК РФ, само по себе заключение договора о развитии застроенной территории не является основанием для изъятия земельных участков, поскольку такой договор только регламентирует порядок реализации решения о развитии территории, принятого администрацией, в то время как возможность изъятия земельного участка у собственника обусловлена наличием государственных или муниципальных нужд.

Судами не установлено, что генеральным планом развития города предусмотрено строительство объектов муниципального значения на территории изымаемых земельных участков.

Суды не проверили и не опровергли довод заявителя о том, что на земельном участке, находящемся в собственности индивидуального предпринимателя, на котором имеется принадлежащий ему объект недвижимости, предполагается размещение другого административного здания, которое по окончании строительства должно перейти в собственность компании, являющейся застройщиком данной территории, то есть также станет частной собственностью.

Таким образом, суды, не установив наличие правовых оснований для изъятия земельных участков, находящихся в частной собственности, имеющийся при этом публичный интерес, а также соразмерность вмешательства муниципальных органов в частные интересы для достижения публичных целей, не обеспечили тем самым необходимый баланс интересов и нарушили имущественные права, гарантированные ст. 35 Конституции Российской Федерации, что привело к неправильному разрешению дела.

Определение N 309-КГ15-5924

3. Наложение ареста на земельный участок не влечет ограничения права собственника на судебную защиту, в том числе права на установление границ земельного участка.

Обществу на праве собственности принадлежит земельный участок, граница которого не установлена

в соответствии с требованиями действующего законодательства, его площадь является ориентировочной.

Постановлением администрации муниципального образования утверждена схема расположения другого земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности. Данный земельный участок поставлен на кадастровый учет и предоставлен в аренду компании.

Полагая, что предоставленный в аренду компании земельный участок незаконно сформирован и его границы имеют наложение на земельный участок, принадлежащий обществу, последнее обратилось в арбитражный суд с иском к администрации муниципального образования, компании и кадастровой палате об установлении границ принадлежащего ему земельного участка, о признании недействительным постановления администрации об утверждении схемы расположения земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности, о признании незаконными действий кадастровой палаты по постановке на кадастровый учет земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности и обязанности произвести действия по снятию с кадастрового учета данного земельного участка, о признании ничтожным договора аренды земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности, заключенного с компанией.

Решением суда первой инстанции искивые требования удовлетворены частично.

Суд установил границы части земельного участка по указанным в резолютивной части решения координатам, признал недействительным постановление администрации, признал недействительными действия кадастровой палаты по постановке на кадастровый учет земельного участка и обязал кадастровую палату снять с кадастрового учета данный земельный участок, признал недействительным договор аренды земельного участка и применил последствия недействительности сделки в виде исключения из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - ЕГРП) соответствующих записей (сведений).

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суды исходили из того, что оспариваемые постановление и договор аренды земельного участка не нарушают прав общества, поскольку факт наложения земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности на земельный участок, принадлежащий заявителю на праве собственности, не нашел своего подтверждения, так как границы земельного участка, принадлежащего заявителю, в установленном законом порядке не установлены и не внесены в кадастр, доказательств составления межевого плана в установленном законом порядке и согласования его со всеми смежными землепользователями (или невозможности согласования) в материалы дела не представлено.

Суды отказали в удовлетворении требования общества об установлении границ части принадлежа-

щего ему земельного участка, исходя из того, что на указанный земельный участок решением суда по уголовному делу наложен арест, в связи с чем проведение кадастровых работ и изменение уникальных характеристик невозможно. Право на уточнение границ земельного участка предоставлено исключительно лицам, имеющим полномочия по распоряжению земельным участком.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 Федерального закона от 24 июля 2007 г. N 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (далее - Закон о кадастре) государственный кадастровый учет или государственный учет объектов недвижимости, в том числе технический учет, осуществляемый в установленном законодательством порядке до дня вступления в силу настоящего Федерального закона или в переходный период его применения с учетом определенных ст. 43 настоящего Федерального закона особенностей, признается юридически действительным, и такие объекты считаются объектами недвижимости, учтенными в соответствии с настоящим Федеральным законом (далее - ранее учтенные объекты недвижимости). При этом объекты недвижимости, государственный кадастровый учет или государственный учет, в том числе технический учет, которых не осуществлен, но права на которые зарегистрированы и не прекращены и которым присвоены органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, условные номера в порядке, установленном в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее - объекты недвижимости с условными номерами), также считаются ранее учтенными объектами недвижимости.

Земельный участок, принадлежащий обществу, является ранее учтенным объектом недвижимости, права на который подлежат судебной защите в полном объеме способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ.

Из разъяснений, содержащихся в пп. 52, 53, 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», следует, что требование, направленное на оспаривание правомерности установления границы либо в целом кадастрового учета смежного (пересекающегося) участка, должно рассматриваться в исковом порядке.

Наложение ареста на земельный участок не может рассматриваться как лишение права на судебную защиту собственника имущества, устанавливать ограничения как в возможности судебной защиты нарушенного права, так и в выборе способов такой защиты.

Необходимость в установлении границ части земельного участка, принадлежащего обществу, возникла в результате действий ответчиков по формирова-

нию земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности, постановки на кадастровый учет и сдачи его в аренду компании с целью защиты зарегистрированного в установленном порядке права собственности общества.

По смыслу Закона о кадастре, установление в судебном порядке описания границ посредством определения координат характерных точек таких границ не приводит к изменению уникальных характеристик земельного участка. Суд не изменяет ни качественных, ни количественных характеристик участка правообладателя, а приводит существующий объем прав в соответствие с действующим земельным законодательством.

Определение N 305-КГ15-7535

Разрешение споров, вытекающих из обязательственных отношений

4. Стороны вправе предусмотреть в договоре аренды сумму компенсации, которая должна быть выплачена одной из сторон при немотивированном одностороннем отказе от исполнения договора.

Арендатор обратился в суд с иском к арендодателю о признании недействительным пункта договора, предусматривающего удержание арендодателем в полном объеме суммы задатка в качестве штрафа в случае досрочного расторжения арендатором договора аренды.

Суд первой инстанции, руководствуясь положениями п. 3 ст. 450, ст. 330 ГК РФ, удовлетворил заявленные требования в связи с тем, что установление в договоре штрафа за односторонний отказ от исполнения договора противоречит правовой природе неустойки как меры ответственности, применяемой за нарушение гражданских прав. Поскольку досрочное расторжение договора в одностороннем порядке не является гражданско-правовым нарушением (ненадлежащим исполнением обязательств), а обусловлено реализацией арендатором права, предоставленного договором, суды признали соответствующее условие договора противоречащим нормам гражданского законодательства.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отказала в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Положения ст. 619, 620 ГК РФ не содержат запрета на досрочное расторжение договора аренды по иным основаниям, не предусмотренным в данных правовых нормах, в связи с чем стороны при заключении договора вправе установить основания для досрочного расторжения договора и условия такого расторжения. В частности, право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

Оспариваемым пунктом договора предусмотрена возможность расторжения договора до истечения сро-

ка его действия в одностороннем порядке по любым другим основаниям, кроме прямо указанных в договоре, однако условием такого расторжения является для арендатора - удержание арендодателем задатка, для арендодателя - уплата задатка в двойном размере.

В соответствии со ст. 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором.

В данном случае задаток вносился и удерживался арендодателем в качестве гарантии надлежащего выполнения арендатором обязательств по договору, что не противоречит положениям указанной правовой нормы.

Таким образом, сторонами определен порядок расторжения договора, которым предусмотрено особое условие для досрочного немотивированного расторжения договора в одностороннем порядке, что не противоречит положениям ст. 329, 421 ГК РФ.

Поскольку удержание задатка арендодателем не связано с нарушением сторонами договорных обязательств, а при наличии определенных обстоятельств является условием для расторжения договора, квалификация судами суммы задатка в качестве неустойки основана на ошибочном толковании норм права.

В данном случае стороны при заключении договора определили сумму компенсации, которая должна быть выплачена одной из сторон при отказе от договора.

То, что такая компенсация поименована в договоре штрафом, не изменяет ее сути, которая состоит не в привлечении к ответственности стороны, решившей досрочно отказаться от договора, а, напротив, предоставляет возможность расторжения договора без объяснения причин любой из сторон.

Поскольку ГК РФ допускает любые предусмотренные законом или договором способы обеспечения обязательств, отсутствуют основания для признания недействительным оспариваемого пункта договора в части условия, предусматривающего право арендодателя удерживать задаток в качестве штрафа за досрочное расторжение договора, направленного на обеспечение исполнения арендатором условий договора и гарантирующего законные интересы арендодателя при его исполнении.

Определение N 305-ЭС15-6784

5. Условие договора подряда об обязанности подрядчика уплатить заказчику неустойку в случае выполнения работ с недостатками наряду с исполнением обязанности по безвозмездному устранению этих недостатков является действительным.

Компания обратилась в суд с иском к обществу о взыскании установленной договором подряда неустойки в виде штрафа за невозможность эксплуатации оборудования в гарантийный срок по причине нарушения требований качества при выполнении работ.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования, исходя из того, что договором за одно и то же нарушение (невозможность нормальной эксплуатации объекта в течение гарантийного срока) установле-

но два вида ответственности: устранение недостатков за счет подрядчика и штраф. При этом не конкретизировано, в каких случаях применяется тот или иной вид ответственности. Подрядчик недостатки устранил, то есть исполнил перед заказчиком свои обязательства в части ответственности по договору, а применение двойной меры ответственности за одно и то же нарушение противоречит принципам гражданского законодательства.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали правовую позицию суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Так, согласно п. 1 ст. 721 ГК РФ качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда. Результат выполненной работы должен в момент передачи заказчику обладать свойствами, указанными в договоре или определенными обычно предъявляемыми требованиями, и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования.

Из п. 1 ст. 722, пп. 3, 5 ст. 724 ГК РФ следует, что, если договором подряда для результата работы предусмотрен гарантийный срок, результат работы должен в течение всего гарантийного срока соответствовать условиям договора о качестве. Заказчик вправе предъявить требования, связанные с недостатками результата работы, обнаруженными в течение гарантийного срока, который начинает течь с момента, когда результат выполненной работы был принят или должен был быть принят заказчиком (если иное не предусмотрено договором).

Последствия выполнения работ с недостатками установлены в ст. 723 ГК РФ. Так, из п. 1 этой статьи следует, что стороны вправе установить в договоре меры воздействия на подрядчика, выполнившего работу некачественно. По общему же правилу в случае выполнения подрядчиком работы с недостатками, которые делают результат непригодным для использования, заказчик вправе по своему выбору потребовать от подрядчика либо безвозмездного устранения недостатков в разумный срок, либо соразмерного уменьшения установленной за работу цены, либо возмещения своих расходов на устранение недостатков, когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда. Согласно п. 3 этой же статьи, если недостатки результата работы существенны или неустранимы, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения причиненных убытков.

Подрядчик вправе вместо устранения недостатков, за которые он отвечает, безвозмездно выполнить работу заново с возмещением заказчику причиненных просрочкой исполнения убытков (п. 2 ст. 723 ГК РФ).

Таким образом, указанные нормы регулируют обязательства сторон по качеству исполнения подрядных работ и гарантируют заказчику соответствие результата его обоснованным ожиданиям как одну из целей договора подряда.

В то же время заказчик после принятия результата работ вправе рассчитывать на бесперебойное использование этого результата как минимум на протяжении гарантийного срока при надлежащем пользовании вещью. Подрядчик гарантирует заказчику возможность такого использования. Недостаток качества подлежит устранению по правилам ст. 723 ГК РФ, но неиспользование заказчиком результата работ в период, когда он правомерно рассчитывал на такую возможность, по ст. 723 ГК РФ не компенсируется.

При ненадлежащем исполнении подрядных обязательств заказчик вправе требовать от подрядчика возмещения убытков, вызванных простоем. Такие убытки могут быть выражены в неустойке, установленной договором (п. 2 ст. 1, ст. 330, п. 4 ст. 421 ГК РФ).

Определение N 305-ЭС15-7522

Процессуальные вопросы

6. Если требования о компенсации вреда, причиненного окружающей среде юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими хозяйственной деятельности, вытекают из экономических отношений данных субъектов, то они подлежат рассмотрению в арбитражном суде.

Уполномоченный орган обратился с иском к обществу о взыскании вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, производство по делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, поскольку данный спор неподведомствен арбитражному суду, а подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции независимо от субъектного состава участвующих в деле лиц.

При этом суды руководствовались п. 1 ч. 1, ч. 3 ст. 22 ГПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 27, ст. 28, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее - постановление N 21), и исходили из того, что предметом спора по данному делу является возмещение вреда, причиненного лесным ресурсам как объекту охраны окружающей среды вследствие нарушения природоохранного законодательства, а имущественные отношения участников гражданского оборота, возникающие в ходе осуществления этими лицами предпринимательской деятельности, предметом заявленных требований по делам данной категории не являются.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Статьей 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее - Закон об охране окружающей среды) установлены принципы, в том числе презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности

и допустимости воздействия такой деятельности на природную среду исходя из требований в области охраны окружающей среды.

Виды хозяйственной деятельности, оказывающие прямое или косвенное негативное воздействие на окружающую среду, осуществляются в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды.

Деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и складывающиеся в процессе ее осуществления экономические отношения должны включать в себя в том числе и мероприятия по охране окружающей среды, восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

Согласно п. 1 ст. 77 Закона об охране окружающей среды, если вследствие нарушения требований в области охраны окружающей среды ей причинен вред, то юридические и физические лица обязаны возместить указанный вред в полном объеме в соответствии с законодательством.

Вред окружающей среде, причиненный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, может быть возмещен на основании решения суда или арбитражного суда (п. 1 ст. 78 Закона об охране окружающей среды).

Требования об ограничении, о приостановлении или о прекращении деятельности юридических и физических лиц, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, также рассматриваются судом или арбитражным судом (ст. 80 Закона об охране окружающей среды).

Таким образом, Закон об охране окружающей среды исходит из того, что споры, возникающие в данной сфере, разрешаются как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами в соответствии с общими правилами о подведомственности, установленными процессуальным законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г. (вопрос N 9), сформулирована правовая позиция о том, что процессуальное законодательство разграничивает предметную компетенцию судов и арбитражных судов по критериям субъектного состава процесса и участия в предпринимательской или иной экономической деятельности. Если требования о компенсации вреда, причиненного окружающей среде юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими видов хозяйственной деятельности, в том числе перечисленных в п. 1 ст. 34 Закона об охране окружающей среды, вытекают из экономических отношений данных субъектов, указанные требования в силу установленных процессуальным законодательством правил распределения юрисдикционных полномочий судов подлежат рассмотрению в арбитражном суде. Если вред окружающей среде причинен перечисленными субъектами

не в связи с осуществлением ими хозяйственной деятельности, то требования о его возмещении подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции.

Таким образом, п. 30 Постановления N 21 должен толковаться во взаимосвязи с правовой позицией, изложенной в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2015 г.

Установив, что причинение вреда лесам было осуществлено обществом в ходе выполнения работ по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, то есть в процессе его хозяйственной деятельности, Судебная коллегия пришла к выводу, что данный спор связан с осуществлением предпринимательской деятельности и подведомствен арбитражному суду.

Определение N 306-ЭС15-10433

7. Физическое лицо, не имеющее статус индивидуального предпринимателя и являющееся потерпевшим в деле об административном правонарушении, вправе обжаловать решение административного органа об отказе в привлечении юридического лица или индивидуального предпринимателя к административной ответственности в арбитражный суд.

Физическое лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене решения Управления Роспотребнадзора об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.1 и 14.8 КоАП РФ, в отношении общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, производство по делу прекращено со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ в связи с неподведомственностью дела арбитражному суду. Суды руководствовались положениями ст. 27, 29 и 33 АПК РФ и исходили из того, что лицо, подавшее жалобу, не являлось индивидуальным предпринимателем на момент обращения в арбитражный суд, его требования не носят экономического характера и не связаны с осуществлением им предпринимательской деятельности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу чч. 3 и 4 ст. 30.1 КоАП РФ определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 19.2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. N 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (далее - постановление N 10), порядок рассмотрения дел об оспаривании определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении определяется, как и для дел об оспаривании по-

становлений о назначении административного наказания, исходя из положений ст. 207 АПК РФ.

В силу ч. 2 ст. 207 АПК РФ производство по делам об оспаривании решений административных органов возбуждается на основании заявлений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлеченных к административной ответственности в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, а также на основании заявлений потерпевших.

Частью 1 ст. 30.1 КоАП РФ право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении предоставлено лицу, в отношении которого вынесено постановление, потерпевшему, законными представителями этих лиц, а также защитникам и представителям названных выше лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» право потерпевшего на участие в деле об административном правонарушении должно быть обеспечено независимо от того, является ли наступление последствий признаком состава административного правонарушения.

Физическое лицо, являясь лицом, обратившимся в Управление Роспотребнадзора с указанием на нарушение обществом его прав и на наличие в действиях юридического лица событий административных правонарушений, наделено в силу ст. 25.2 КоАП РФ правами потерпевшего, в том числе в соответствии с ч. 1 ст. 30.12 КоАП РФ и ч. 2 ст. 207 АПК РФ правом обжалования состоявшихся по делу решений, независимо от наличия (отсутствия) статуса индивидуального предпринимателя и экономической основы характера данного спора.

Подведомственность таких споров не ставится в зависимость от статуса потерпевшего, а определяется компетенцией арбитражного суда по рассмотрению заявлений об оспаривании решения административного органа по вопросу о привлечении (отказе в привлечении) лица к административной ответственности либо заявлений соответствующего органа о привлечении лица к административной ответственности.

При этом применительно к разъяснениям, содержащимся в п. 23 постановления N 10, дело об оспаривании решения, вынесенного вышестоящим органом, должностным лицом по жалобе на постановление (определение) по делу об административном правонарушении, подлежит рассмотрению судом исходя из подсудности дела об обжаловании указанного постановления (определения), поскольку при рассмотрении соответствующего заявления арбитражным судом оценивается также и само постановление (определение).

Порядок рассмотрения указанных дел определяется параграфом 2 гл. 25 АПК РФ.

Таким образом, выводы судебных инстанций о неподведомственности данного дела арбитражному суду свидетельствуют о нарушении права лица на судебную защиту - проверку законности вынесенных должностными лицами актов по делу об административном правонарушении.

Определение N 309-АД15-6092

8. Ликвидация должника, признанного банкротом, не является препятствием для рассмотрения требования о привлечении его бывшего руководителя к субсидиарной ответственности.

В рамках дела о банкротстве конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя общества по обязательствам должника, возникшим после истечения месяца со дня возникновения обстоятельств, свидетельствующих о признаках неплатежеспособности.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Не согласившись с определением суда первой инстанции, конкурсный кредитор обратился в апелляционный суд с жалобой на данное определение.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, производство по апелляционной жалобе прекращено в связи с ликвидацией должника. Суды пришли к выводу, что рассмотрение апелляционной жалобы относительно законности судебного акта, принятого в рамках дела о банкротстве организации, прекратившей свое существование, невозможно.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и отправила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Каждый участник гражданского оборота, заключающий сделки с определенным юридическим лицом, имеет намерение получить соответствующий результат, что возможно лишь при платежеспособности этого юридического лица. Исчерпывающей информацией о финансовом (имущественном) положении юридического лица обладает его руководитель как единоличный исполнительный орган. Он же должен действовать разумно и добросовестно, в том числе в отношении контрагентов должника.

Существенная и явная диспропорция между обязательствами и активами по сути несостоятельного должника и неосведомленность об этом кредиторов нарушают права последних. В связи с этим для защиты имущественных интересов кредиторов должника введено правовое регулирование своевременного информирования руководителем юридического лица его кредиторов о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника.

Невыполнение руководителем требований закона об обращении в арбитражный суд с заявлением

должника при наступлении обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве), влечет неразумное и недобросовестное принятие дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов и, как следствие, убытки для них. В этом случае одним из правовых механизмов, обеспечивающих удовлетворение требований таких кредиторов при недостаточности конкурсной массы, является возможность привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в соответствии с п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве.

Субсидиарная ответственность руководителя по долгам возглавляемой им организации возникает вследствие причинения вреда кредиторам. При этом завершение конкурсного производства само по себе не влечет материальные последствия в виде освобождения руководителя от ответственности, поскольку в силу закона требование к нему подлежит продаже на торгах.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Право на судебную защиту и доступ к правосудию относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 и 18; чч. 1 и 2 ст. 46, ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Содержание права на судебную защиту раскрыто в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулировавшего правовые позиции, согласно которым отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия; в рамках осуществления судебной защиты прав возможно обжалование в суд решений и действий судебных органов; право на справедливое разбирательство дела судом предполагает окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение; право на судебную защиту подразумевает создание условий для эффективного и справедливого разбирательства дела в суде первой инстанции, допущенные же судом первой инстанции ошибки должны исправляться судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции (постановления от 3 февраля 1998 г. N 5-П, от 2 июля 1998 г. N 20-П, от 6 июля 1998 г. N 21-П, от 17 ноября 2005 г. N 11-П, от 5 февраля 2007 г. N 2-П).

Процессуальные нормы регулируют порядок защиты материальных прав и конкретизируют конституционные принципы. Так, в частности, сторонам спора предоставлено право обжалования определения, вынесенного по результатам рассмотрения заявления о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности (п. 7 ст. 10 Закона о банкротстве, ст. 188 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ).

Прекращение апелляционным судом производства по жалобе в связи с ликвидацией должника делает невозможным пересмотр определения суда первой инстанции, чем нарушаются права сторон спора на судебную защиту.

В силу изложенного, а также в силу ст. 7, 8 АПК РФ следует, что как кредитор, так и руководитель должника вправе обжаловать определение суда первой инстанции и получить судебную защиту посредством рассмотрения апелляционной жалобы по существу вне зависимости от ликвидации должника в связи с его банкротством.

Из п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ следует, что прекращение производства по делу возможно в случаях объективной невозможности его рассмотрения (в частности, в связи с ликвидацией ответчика как стороны спора). Разъяснения, данные в п. 48 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. N 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», также исходят из того, что рассматривать какие-либо требования к должнику как к стороне спора после его ликвидации невозможно ввиду отсутствия одной из сторон спора. В то же время после ликвидации должника истец и ответчик по обособленному спору о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя должника продолжают существовать. Следовательно, п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ не препятствует арбитражному суду апелляционной инстанции рассмотреть спор по существу и вынести решение по жалобе кредитора на определение арбитражного суда первой инстанции, которым конкурсному кредитору отказано в удовлетворении его требований.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 октября 2015 N 25-П, рассмотрев дело о проверке конституционности п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, пришел к выводу об отсутствии препятствий для пересмотра в апелляционном порядке судебного акта первой инстанции, принятого в деле о банкротстве, если прекращением производства могут быть нарушены права стороны спора на судебную защиту.

В соответствии с ч. 3 ст. 44 АПК РФ ответчиками признаются организации и граждане, к которым предъявлен иск, то есть лица, по мнению истца, нарушившие его права и законные интересы. Обстоятельства, связанных с утратой бывшим руководителем должника правоспособности, делавших бы невозможным его участие в суде в качестве ответчика, как и прочих объективных препятствий для рассмотрения жалобы, арбитражный апелляционный суд не установил, следовательно, суд не был лишен возможности принять решение по существу спора.

Прекращение производства по жалобе конкурсному кредитору лишило его возможности обжалования в обычном порядке судебного акта, принятого судом первой инстанции, и является, по сути, отказом в праве на судебную защиту, что недопустимо.

Вопреки доводам представителя руководителя должника, ссылавшегося на отсутствие какого-либо механизма исполнения судебного акта в случае

удовлетворения требования кредитора после завершения конкурсного производства, законодательство о банкротстве не ограничивает возможности кредиторов по удовлетворению своих требований и после завершения конкурсного производства (п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве). Кроме того, исполнимость судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя при ликвидации должника может быть достигнута посредством возобновления дела о банкротстве после пересмотра определения о завершении конкурсного производства по правилам гл. 37 АПК РФ.

Определение N 307-ЭС15-5270

9. Само по себе принятие судебным приставом-исполнителем постановления об обращении взыскания на имущество должника управляющей организации на получение денежных средств, поступающих от собственников помещений платежному агенту, не противоречит действующему законодательству.

Расчетный центр (платежный агент) на основании договора, заключенного с управляющей организацией, осуществлял деятельность по начислению и получению платы за коммунальные услуги, предоставленные собственникам помещений в многоквартирных домах, обслуживаемых управляющей организацией.

Службой судебных приставов возбуждено исполнительное производство о принудительном исполнении судебных актов о взыскании с управляющей компании денежных средств в пользу ресурсоснабжающей организации, осуществлявшей поставку коммунального ресурса в названные многоквартирные дома.

Получив сведения об отсутствии у управляющей организации денежных средств на расчетных счетах в банках и имущества, на которое можно обратить взыскание, судебный пристав-исполнитель вынес постановление об обращении взыскания на имущество должника - право получения денежных средств по договору, заключенному с расчетным центром. Расчетный центр, согласно указанному постановлению, должен был перечислять часть денежных средств, причитающихся управляющей организации, на расчетный счет службы судебных приставов до погашения задолженности.

Ссылаясь на то, что в результате неисполнения расчетным центром указанного постановления судебного пристава-исполнителя ресурсоснабжающей организации причинены убытки, возможность взыскания которых с управляющей организации утрачена, ресурсоснабжающая организация обратилась в суд с иском к расчетному центру о взыскании убытков.

В определении по данному делу Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

В целях надлежащего исполнения возбужденного исполнительного производства ст. 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее - Закон об исполнительном производстве) предусмотрены меры принудительного исполнения, совершаемые судебным приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества,

в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу.

Одной из таких мер в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 68 Закона об исполнительном производстве является обращение взыскания на имущественные права должника, в том числе на право получения платежей по исполнительному производству, в котором он выступает в качестве взыскателя, на право получения платежей по найму, аренде, а также на предусмотренные в этом пункте исключительные права, принадлежащие должнику.

При принятии постановления об обращении взыскания на имущественные права управляющей компании - право получения денежных средств по договору, заключенному с расчетным центром, судебный пристав-исполнитель обоснованно руководствовался ч. 3 ст. 68 Закона об исполнительном производстве, принимая во внимание возможность поступления денежных средств на счета управляющей компании по указанному договору.

Определение N 301-ЭС15-6372

10. При рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение решения третейского суда, вынесенного против лица, в отношении которого на момент рассмотрения заявления было возбуждено дело о банкротстве, суды должны исследовать вопрос о том, не влечет ли признание решения третейского суда вне рамок конкурсного производства необоснованное удовлетворение требований одного из кредиторов и нарушение прав и законных интересов других кредиторов.

Конкурсный кредитор обратился с кассационной жалобой на определение суда первой инстанции, удовлетворившее заявление компании о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, принятого после возбуждения дела о банкротстве, на основании которого в рамках дела о банкротстве требования компании включены в реестр требований кредиторов общества.

Суд кассационной инстанции оставил определение суда первой инстанции без изменения.

Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации указанные судебные акты были отменены, дело передано на новое рассмотрение в связи с тем, что судами нарушены принципы состязательности и равноправия сторон. Конкурсный кредитор, не являющийся ни стороной договора между компанией и обществом, ни стороной третейского разбирательства, фактически был лишен возможности совершения процессуальных действий при рассмотрении спора в суде первой инстанции, в частности заявления ходатайства о проведении судебной экспертизы по проверке подлинности решения третейского суда либо иного документа, истребования документов у сторон третейского разбирательства, истребования документов, подтверждающих легитимность третейского суда «ad hoc».

При новом рассмотрении дела заявленные требования компании о признании и приведении в исполнение решения третейского суда удовлетворены. При

этом суд отказал в рассмотрении заявления о фальсификации доказательств, в том числе и по основаниям, установленным ч. 5 ст. 159 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 244 АПК РФ, ч. 2 ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, п. 2 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений N 156, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26 февраля 2013 г., суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража полностью или в части в случае, если исполнение решения иностранного арбитража противоречило бы публичному порядку Российской Федерации.

Защита охраняемых законом интересов третьих лиц, в том числе в отношениях с неплатежеспособным должником, важная функция правосудия, являющаяся элементом публичного порядка государства.

Следовательно, при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка государства исполнения.

Защита интересов конкурсных кредиторов - третьих лиц в процессе признания и принудительного исполнения иностранного арбитражного решения осуществляется с учетом принципов и норм законодательства о несостоятельности.

В соответствии с пп. 28, 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. N 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов N 96, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 22 декабря 2005 г., введение процедур банкротства (наблюдение, конкурсное производство, финансовое оздоровление или внешнее управление) в целях защиты публичных интересов и имущественных интересов третьих лиц - кредиторов должника, находящегося в банкротстве, влечет наступление предусмотренных законом последствий (в том числе, возможность предъявления требований кредиторов к должнику по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей только с соблюдением установленного законом порядка; приостановление производств по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств; приостановление исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям и др.); лицу, подавшему искомое заявление о взы-

скании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам до даты введения процедуры наблюдения, предоставляется возможность либо остаться в рамках процесса по признанию и приведению в исполнение решения третейского суда, либо обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве.

Однако на возникновение публично-правовых последствий отношений процессуальное волеизъявление такого лица не влияет: исполнительный лист в ходе упомянутых процедур банкротства по такому отдельному делу не выдается в силу запрета на осуществление по подобным требованиям исполнительного производства в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления и в целях обеспечения баланса прав всех кредиторов должника.

Рассматривая заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, вынесенного против лица, в отношении которого на момент рассмотрения заявления было возбуждено дело о банкротстве, суды должны были исследовать вопрос о том, не влечет ли легализация решения третейского суда вне рамок конкурсного производства необоснованное удовлетворение требований одного из кредиторов и, как следствие, нарушение прав и законных интересов других кредиторов.

Исходя из указанных выше принципов и принимая во внимание, что дела о банкротстве направлены в том числе на защиту публичного порядка, равно как и интересов кредиторов должника, последние вправе оспаривать судебные акты, на которых основано заявленное в деле о банкротстве требование.

Доказывая нелегитимность решения третейского суда, конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства «prima facie», подтвердив существенность сомнений в наличии долга, поскольку в противном случае на него налагалось бы бремя доказывания отрицательных фактов, что недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения.

При этом другая сторона, настаивавшая на наличии долга, как участник третейского разбирательства должна представлять доказательства, подтверждающие факты его проведения и действительность решения третейского суда.

Определение N 305-КГ15-5805

Разрешение споров, возникающих из публичных правоотношений

11. Субсидия, полученная налогоплательщиком из бюджета субъекта Российской Федерации, источником финансового обеспечения которой являлись в том числе и целевые межбюджетные трансферты, предоставленные из федерального бюджета, не может рассматриваться как субсидия, предоставленная из федерального бюджета. Получение указанных бюджетных средств не влечет налоговые последствия, предусмотренные подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ.

В соответствии с постановлением администрации субъекта Российской Федерации обществу в рамках ведомственной целевой программы поддержки сельскохозяйственных производителей выделена субсидия

на возмещение затрат, связанных с оплатой приобретенных им товаров (работ, услуг).

По результатам выездной налоговой проверки налоговой инспекцией принято решение об отказе в привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, уменьшении налога на добавленную стоимость, излишне заявленного к возмещению, начислении пени за несвоевременную уплату налога на добавленную стоимость.

Основанием доначисления указанных сумм налога послужил вывод инспекции о нарушении обществом требований подп. 6 п. 3 ст. 170 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) в связи с тем, что налогоплательщик при получении субсидий из бюджета субъекта Российской Федерации на возмещение затрат, связанных с оплатой приобретенных товаров (работ, услуг), не восстановил налог, ранее принятый заявителем к вычету. При этом налоговым органом сделан вывод, что указанные субсидии предоставлены налогоплательщику из федерального бюджета и включали в себя суммы налога на добавленную стоимость.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налоговой инспекции недействительным в части уменьшения налога на добавленную стоимость, заявленного к возмещению, и начисления пени.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований общества отказано.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды квалифицировали полученные обществом средства в качестве средств федерального бюджета и указали, что субсидии на возмещение части затрат, связанных с оплатой приобретенных заявителем товаров (работ, услуг), включали в себя в том числе затраты по налогу на добавленную стоимость, следовательно, их получение в силу положений пп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ влечет обязанность по восстановлению ранее принятого к вычету налога на добавленную стоимость.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты, удовлетворила заявление общества и признала недействительным решение налогового органа по следующим основаниям.

Из положений подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ следует, что в случае если субсидии выделены из иных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на возмещение указанных затрат, то в отношении таких субсидий данная норма не применяется.

Согласно постановлению администрации Брянской области от 30 декабря 2011 г. N 1308 формирование средств на реализацию целевой программы в общей сумме производилось из трех источников: из собственных источников бюджета субъекта Российской Федерации; внебюджетных источников; иных источников (в том числе средств федерального бюджета).

Постановлениями Правительства Российской Федерации от 14 июля 2007 г. N 446 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья

и продовольствия на 2008 - 2012 годы», от 17 декабря 2010 г. N 1042 «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации» предусмотрено предоставление федеральных субсидий на поддержку сельского хозяйства субъектам Российской Федерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. N 2147-р утверждено распределение субсидий, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации, связанных с поддержкой экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации.

В соответствии с п. 2 ст. 40 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее - БК РФ) денежные средства считаются поступившими в доходы соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации с момента их зачисления на единый счет этого бюджета.

Пунктами 1 и 4 ст. 41 БК РФ предусмотрено формирование бюджета субъекта Российской Федерации из различных источников - налоговых и неналоговых поступлений, безвозмездных поступлений. Полученные из федерального бюджета субсидии являются одним из видов доходов бюджета субъекта Российской Федерации.

Таким образом, поступившие из федерального бюджета денежные средства в виде субсидий на поддержку производителей сельскохозяйственных товаров становятся собственными доходами бюджета субъекта Российской Федерации, имеющими целевое назначение.

Следовательно, субсидия, полученная налогоплательщиком из бюджета субъекта Российской Федерации, источником финансового обеспечения которой являлись в том числе и целевые межбюджетные трансферты, предоставленные из федерального бюджета, не может рассматриваться как субсидия, предоставленная из федерального бюджета. Получение же указанных бюджетных средств не влечет налоговые последствия, предусмотренные подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ.

С учетом изложенного оснований для вынесения налоговым органом решения в оспариваемой части не имелось.

Определение N 310-КГ15-8772

12. Обеспечение жилыми помещениями инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, вставших на учет после 1 января 2005 г., подлежит финансированию за счет субъектов Российской Федерации.

Во исполнение решения районного суда общей юрисдикции администрация муниципального образования предоставила гражданину, имеющему ребенка-инвалида, во внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение по договору социального найма.

Ссылаясь на то, что данная квартира выбыла из собственности муниципального образования, что повлекло причинение имущественных убытков в размере рыночной стоимости имущества, администрация муниципального образования обратилась в суд с иском о взыскании с Российской Федерации убытков, понесенных в связи с исполнением судебного акта.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Удовлетворяя иск, суды исходили из того, что действующее законодательство не содержит порядка финансирования полномочий, направленных на обеспечение жилыми помещениями инвалидов, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вставших на учет после 1 января 2005 г. Однако указанное обстоятельство не может служить основанием для отказа в выполнении государством взятых на себя публично-правовых обязательств.

Учитывая, что право граждан на получение бесплатного жилья установлено федеральным законом, судами сделан вывод о том, что расходные обязательства по предоставлению жилых помещений нуждающимся возникают именно у Российской Федерации. Понесенные администрацией убытки подлежат компенсации за счет средств федерального бюджета.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и отменила администрации муниципального образования в удовлетворении иска по следующим основаниям.

В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы социальной поддержки населения отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В силу подп. 24 ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов, в том числе социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов.

Осуществление указанных полномочий может дополнительно финансироваться за счет средств федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, в том числе и в соответствии с федеральными целевыми программами, но исключительно в порядке и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Согласно преамбуле Федерального закона от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее - Закон о социальной защите инвалидов) предусмотренные им меры социальной защиты инвалидов являются расходными обязательствами Российской Федерации, за исключением мер социальной поддержки и социального обслужи-

вания, относящихся к полномочиям государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статьей 17 Закона о социальной защите инвалидов предусмотрено, что инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жилым помещением в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 17 Закона о социальной защите инвалидов).

Положениями Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 14, 50) (далее - Закон N 131-ФЗ), а также положениями Жилищного кодекса Российской Федерации (ст. 14, 19) (далее - ЖК РФ) предусмотрено осуществление органами местного самоуправления полномочий по учету граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставление таким гражданам в установленном порядке жилых помещений по договорам социального найма из муниципального жилищного фонда.

При этом в целях реализации органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения федеральный законодатель предусмотрел, в частности, предоставление межбюджетных трансфертов из бюджетов субъектов Российской Федерации в форме дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов) (ст. 135 - 138 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее - БК РФ), п. 5 ч. 1 ст. 55, ст. 60 и 61 Закона N 131-ФЗ).

Содержащееся в п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ условие о предоставлении гражданам жилых помещений вне очереди, если такие граждане страдают тяжелыми видами хронических заболеваний (п. 4 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ), закрепляет только особенность реализации жилищных прав и не возлагает какие-либо дополнительные обязанности на органы местного самоуправления.

В силу ч. 3 ст. 52 ЖК РФ принятие на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется органом местного самоуправления.

Гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, жилые помещения по договорам социального найма предоставляются на основании решений органов местного самоуправления (ч. 3 ст. 57 ЖК РФ).

Следовательно, обеспечение жилыми помещениями инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, вставших на учет после 1 января 2005 г., подлежит финансированию за счет субъектов Российской Федерации.

Отнесение судами этих расходов к расходным обязательствам Российской Федерации прямо противоречит ст. 84 БК РФ.

Довод судов о невыделении администрации финансирования из федерального бюджета является несостоятельным, поскольку администрация не является непосредственным получателем средств из федерального бюджета.

От субъекта Российской Федерации не поступало претензий относительно недостаточности субвенций из федерального бюджета.

Администрация не обращалась к субъекту Российской Федерации за получением дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципального образования.

Определение N 309-ЭС15-9501

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

I. Вопросы квалификации

1. Лицо, изготовившее орудие преступления и тем самым содействовавшее его совершению, признано не соисполнителем преступления (убийства), а пособником.

Как указано в приговоре, осужденная Д. предложила В. совершить нападение на потерпевшего с целью завладения его имуществом. Согласно разработанному плану она приехала вместе с потерпевшим в обустроенное место, где ожидавший их осужденный В. потребовал от потерпевшего передать ему денежные средства. Между потерпевшим и осужденным В. завязалась борьба, в ходе которой Д. с целью подавления сопротивления нанесла потерпевшему удар бутылкой по голове, от чего образовались кровоподтек и ссадина в затылочной области. Понимая, что потерпевший может помешать завладеть имуществом, В. решил убить его и приказал Д. сделать из полотенца веревку. Затем В. изготовленной Д. веревкой связал ноги и руки потерпевшего и, сделав петлю, задушил последнего.

После этого нападавшие похитили деньги и различное имущество потерпевшего.

Указанные действия осужденных квалифицированы судом по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В апелляционной жалобе осужденная Д. просила приговор в части осуждения по ст. 105 УК РФ отменить, утверждая, что она не может нести ответственность как исполнитель и организатор убийства, поскольку в действиях В. имеет место эксцесс исполнителя.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировала действия осужденной Д. с пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как пособничество в убийстве, сопряженном с разбоем, а из осуждения В. по ч. 2 ст. 105 УК РФ также исключила п. «ж» - совершение убийства группой лиц.

В своем определении Судебная коллегия указала следующее.

Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие.

Такие обстоятельства по настоящему делу не установлены. Факт применения насилия осужденной Д. (удар бутылкой по голове) имел место, как установил суд, в процессе разбойного нападения, с целью подавления сопротивления потерпевшего и лишь в дальнейшем у осужденного В. возник умысел на его убийство.

Изготовление осужденной Д. веревки, с помощью которой В. связал потерпевшего и задушил, с учетом характера нападения, а также присутствия осужденной Д. в момент применения В. насилия, опасного для жизни потерпевшего (сдавление шеи локтевым суставом руки), свидетельствует о наличии в действиях Д. пособничества в убийстве потерпевшего. В связи с этим в действиях осужденных отсутствует квалифицирующий признак - совершение убийства группой лиц.

Определение N 127-АПУ15-10

II. Назначение наказания

2. Активное способствование раскрытию и расследованию преступления учитывается в качестве смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, независимо от мотивов, побудивших лицо к указанным действиям.

По приговору суда Т. осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного, изменила приговор в части назначенного Т. наказания, мотивировав свое решение следующим.

В силу п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ активное способствование раскрытию и расследованию преступления признается обстоятельством, смягчающим наказание виновного лица.

Суд при назначении наказания не признавал наличие у осужденного указанного смягчающего обстоятельства и сослался на то, что каких-либо активных действий, направленных на оказание помощи следствию, Т. не совершал. К моменту задержания Т. правоохранительным органам уже было известно о его причастности к преступлению. Из объяснений подсудимого в судебном заседании видно, что признаться в совершении преступления после его задержания он решил под давлением предъявленных ему улик.

Однако выводы суда о том, что под активными действиями, направленными на оказание помощи следствию, необходимо понимать такие действия, которые «единственно и неопровержимо» изобличают виновное лицо в содеянном, являются ошибочными.

Согласно закону активное способствование раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, если лицо представило органам дознания или следствия информацию о совершенном с его участием преступлении, ранее им не известную. Мотивы, побудившие лицо активно способствовать раскрытию и расследованию преступлений, не имеют правового значения.

Как видно из материалов дела, очевидцев совершения преступлений в отношении потерпевшей не было. Обстоятельствами, послужившими основанием подо-

зреть Т. в причастности к убийству потерпевшей, послужили факты сдачи им в скупку телефона и золотых изделий, принадлежавших потерпевшей. Иными доказательствами органы предварительного следствия на момент задержания Т. не располагали.

На первом допросе Т. дал подробные показания о происшедшем, а затем подтвердил их на месте совершения преступлений. При этом он сообщил информацию, которая не была известна органам следствия, в частности: указал место, где спрятал рюкзак потерпевшей, а при осмотре видеозаписей с камер наблюдений, расположенных рядом с местом совершения преступлений, пояснил, что на видеозаписях зафиксированы он и потерпевшая.

Из постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения видно, что преступные деяния описаны в них так, как об этом показал Т.

Признавая показания Т. достоверными, суд отметил, что они содержат такие детали происшедшего, которые могли быть известны лишь лицу, непосредственно совершившему преступление.

Таким образом, фактические обстоятельства по настоящему уголовному делу указывают на то, что Т. не только признал свою вину в совершении преступления, но еще до предъявления ему обвинения активно сотрудничал с органами предварительного следствия. В результате чего уголовное дело было раскрыто, расследовано и рассмотрено судом в кратчайшие сроки.

В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор и признала в качестве обстоятельства, смягчающего наказания Т. по п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, его активное способствование раскрытию и расследованию преступлений и смягчила наказание как по каждому преступлению, так и по совокупности преступлений.

Определение N 39-АПУ15-4

III. Процессуальные вопросы

3. В соответствии с требованиями ст. 1068 ГК РФ, если вред причинен работником юридического лица при исполнении им своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании заключенного трудового договора (служебного контракта), то ответственность за его возмещение возлагается на это юридическое лицо.

С. (врач-кардиолог) признан виновным в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей и осужден по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Постановлено взыскать с осужденного компенсацию морального вреда в размере 500 000 руб. в пользу потерпевшего.

Как следует из материалов дела, осужденный, работая врачом-кардиологом в районной больнице муниципального учреждения здравоохранения, состоял с этой организацией в трудовых отношениях, выполняя свои обязанности согласно должностной инструкции.

В соответствии с требованиями ст. 1068 ГК РФ, если вред причинен работником юридического лица

при исполнении им своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании заключенного трудового договора (служебного контракта), то ответственность за его возмещение возлагается на это юридическое лицо.

Следовательно, судебные решения о взыскании в пользу представителя потерпевшей морального вреда в размере 500 000 руб. с осужденного не основаны на законе.

Исходя из изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и последующие судебные решения в отношении осужденного в части взыскания компенсации морального вреда в размере 500 000 руб. в пользу потерпевшего и дело в этой части направила на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Определение N 18-УД15-50

4. В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, подлежат конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства.

Д. признан виновным помимо прочего в получении взятки в виде незаконного оказания услуг имущественного характера, в крупном размере и осужден по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ).

В соответствии со ст. 104.1 и 104.2 УК РФ постановлено взыскать с осужденного Д. в доход государства 5 762 788 руб., полученных в результате совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

В удовлетворении исковых требований о взыскании с осужденного 8 164 560 руб. в счет возмещения материального ущерба А. отказано.

В апелляционной жалобе А. утверждал, что суд без достаточных оснований исключил из осуждения Д. квалифицирующий признак вымогательства взятки, и настаивал на том, что со стороны осужденного было вымогательство, в связи с чем закон не лишает его права на получение возмещения вреда от причиненного преступления - денежной суммы в размере 5 762 788 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, апелляционную жалобу без удовлетворения, указав следующее.

Принятое судом решение соответствует содержащемуся в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ положению о том, что ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, подлежат конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства.

Несмотря на то обстоятельство, что в отношении А. отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 291 УК РФ, он не вправе претендовать на возвращение ценностей, переданных Д. в виде взятки.

Установив фактические обстоятельства содеянного, суд действиям Д. дал правильную правовую оцен-

ку, квалифицировав их по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ как получение взятки в крупном размере (5 762 788 руб.) от А. в виде услуг имущественного характера за совершение действий в пользу взяткодателя.

Оснований ставить под сомнение обоснованность исключения из осуждения Д. квалифицирующего признака «с вымогательством взятки» не имеется.

Определение N 48-АПУ15-17

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Арест в качестве обеспечительной меры принадлежащего полностью или в части должнику-гражданину жилого помещения, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания самого должника и членов его семьи, равно как и установление запрета на распоряжение этим имуществом, включая запрет на вселение и регистрацию иных лиц, сами по себе не могут быть признаны незаконными, если указанные меры приняты судебным приставом-исполнителем в целях воспрепятствования должнику распорядиться данным имуществом в ущерб интересам взыскателя.

Постановлением судебного пристава-исполнителя наложен арест на квартиру, принадлежащую на праве собственности должнику-гражданину, установлен запрет на совершение регистрационных действий в отношении указанного объекта недвижимости.

Не согласившись с названным постановлением, гражданин оспорил его в суде, ссылаясь на то, что квартира является для него единственным пригодным для постоянного проживания помещением, на которое в соответствии с абзацем вторым ч. 1 ст. 446 ГПК РФ не может быть обращено взыскание.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве» исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с данным федеральным законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

Перечень исполнительных действий, приведенный в указанной норме, не является исчерпывающим, и судебный пристав-исполнитель вправе совершать иные действия, необходимые для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов, если они соответствуют задачам и принципам исполнительного производства, не нарушают защищаемые федеральным законом права должника и иных лиц. К числу таких действий относится установление

запрета на распоряжение принадлежащим должнику имуществом (в том числе запрета на совершение в отношении него регистрационных действий).

В силу ч. 1, пп. 1 и 5 ч. 3 ст. 68 Федерального закона «Об исполнительном производстве» мерами принудительного исполнения являются действия, указанные в исполнительном документе, или действия, совершаемые судебным приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу. В частности, к таким мерам относятся обращение взыскания на имущество должника, в том числе на денежные средства и ценные бумаги, а также наложение ареста на имущество должника, находящееся у должника или у третьих лиц, во исполнение судебного акта об аресте имущества.

Исходя из п. 7 ч. 1 ст. 64, чч. 1, 3 и 4 ст. 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве» судебный пристав-исполнитель в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях, вправе наложить арест на имущество должника. Арест имущества должника включает запрет распоряжаться имуществом, а при необходимости - ограничение права пользования имуществом или изъятие имущества.

Арест на имущество должника применяется: для обеспечения сохранности имущества, которое подлежит передаче взыскателю или реализации; при исполнении судебного акта о конфискации имущества; при исполнении судебного акта о наложении ареста на имущество, принадлежащее должнику и находящееся у него или у третьих лиц.

Согласно абзацу второму ч. 1 ст. 446 ГПК РФ взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение, если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в названном абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

Согласно ч. 1 ст. 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» обращение взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его реализацию, осуществляемую должником самостоятельно, или принудительную реализацию либо передачу взыскателю.

Вместе с тем из оспариваемого постановления судебного пристава-исполнителя следует, что оно вынесено в целях обеспечения исполнения решения суда, арест выражен в запрете на совершение регистрационных действий в отношении объекта недвижимости, то есть в запрете распоряжения этим имуществом. Ограничение права пользования квартирой и обращение на нее взыскания, а именно изъятие квартиры и ее реализацию либо передачу взыскателю, данный арест не предусматривает.

При таких обстоятельствах арест является гарантией обеспечения прав и законных интересов взыскателя

и не может рассматриваться как нарушающий права и законные интересы должника-гражданина.

В связи с этим Судебная коллегия отменила принятые по делу судебные акты и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления.

Определение N 78-КГ15-42

2. Органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе устанавливать за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан, в том числе исходя из установленных законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации критериев нуждаемости.

Нормативным правовым актом органа государственной власти субъекта Российской Федерации утверждены Порядок определения (подтверждения) отдельным категориям граждан права на бесплатный или льготный проезд в автомобильном и электрифицированном транспорте городского сообщения и льготный проезд в автомобильном транспорте пригородного сообщения и Порядок определения (подтверждения) отдельным категориям граждан права на льготный проезд в автомобильном и электрифицированном транспорте городского сообщения и автомобильном транспорте пригородного сообщения.

Определен круг граждан, имеющих право на получение названных мер социальной поддержки.

Установлено, что указанные граждане имеют право на бесплатный или льготный проезд при условии, что среднедушевой доход семьи не превышает 1,5 величины прожиточного минимума на душу населения, установленной в субъекте Российской Федерации. При определении названной величины применяется округление до одного рубля. Превышение среднедушевого дохода над величиной прожиточного минимума на душу населения является основанием для отказа в определении (подтверждении) права на бесплатный или льготный проезд.

Прокурор обратился в суд с заявлением о признании недействующими приведенных нормативных положений, ссылаясь на то, что они противоречат действующему федеральному законодательству.

Решением областного суда в удовлетворении заявления прокурора отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение оставила без изменения, указав следующее.

В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Согласно чч. 2 и 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, которые не могут противоречить федеральным законам.

Статья 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ) к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств регионального бюджета, относит решение вопросов социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, а также социальной поддержки ветеранов труда, жертв политических репрессий, в том числе за счет предоставления субвенций местным бюджетам для выплаты пособий на оплату проезда на общественном транспорте, иных социальных пособий, а также для возмещения расходов муниципальных образований в связи с предоставлением законами субъекта Российской Федерации льгот отдельным категориям граждан (подп. 24 п. 2).

Согласно п. 2.1 указанной статьи органы государственной власти субъекта Российской Федерации в пределах своих полномочий при решении вопросов социальной поддержки отдельных категорий граждан вправе устанавливать законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации критерии нуждаемости.

Исходя из критерия нуждаемости субъект Российской Федерации вправе устанавливать за счет средств собственного бюджета дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право (ч. 3 ст. 26.3-1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ).

При этом финансирование полномочий, предусмотренных ст. 26.3-1, не является обязанностью субъекта Российской Федерации, осуществляется при наличии такой возможности (ч. 4 ст. 26.3-1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ).

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что субъект Российской Федерации, исходя из критерия нуждаемости, вправе предоставлять меры социальной поддержки, если они являются дополнительными к установленным федеральным законодательством мерам социальной поддержки, а также в отношении тех категорий граждан, которым необходима государственная социальная помощь и которые субъектом Российской Федерации определены самостоятельно вне зависимости от наличия такой категории граждан в федеральных нормативных правовых актах.

Такое право у субъектов Российской Федерации возникло с 1 января 2014 г. в связи с внесением соответствующих изменений Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. N 371-ФЗ.

В данном случае следует исходить из критерия адресности социальной поддержки граждан и достижения максимального социального эффекта оказания такой поддержки из бюджетов всех уровней на основании критерия нуждаемости граждан.

Поскольку с 1 января 2005 г. федеральное законодательство не предусматривает для граждан, указанных в оспариваемом нормативном правовом акте, предоставление социальной поддержки в виде бесплатного или льготного проезда в транспорте, Судебная коллегия признала правильным вывод суда первой инстанции о том, что оспариваемый акт регулирует вопросы о дополнительных мерах социальной поддержки, финансируемых исключительно из бюджета субъекта Российской Федерации.

При таких обстоятельствах оспариваемые предписания нормативного правового акта субъекта Российской Федерации федеральному законодательству не противоречат, прав, свобод и законных интересов указанных прокурором лиц не нарушают.

Определение N 10-АПГ15-11

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

1. Увольнение военнослужащего с военной службы предполагает исключение его из списков личного состава воинской части в сроки, установленные п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Решением Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 8 сентября 2014 г., с учетом внесенных изменений апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 18 ноября 2014 г., признан незаконным приказ командира воинской части об исключении А. из списков личного состава воинской части без обеспечения его жилым помещением по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

В кассационной жалобе представитель командира воинской части, утверждая об ошибочности вывода судов о том, что обеспечение А. служебным жилым помещением не могло явиться препятствием к его увольнению с военной службы и исключению в связи с этим из списков личного состава воинской части без согласия на это заявителя, просил отменить судебные постановления в части удовлетворенных требований.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению ввиду существенного нарушения судами норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что А., проходивший военную службу в закрытом военном городке на летней должности, в июне 2001 года был обеспечен по установленным нормам служебным жилым помещением.

В октябре 2002 года заявитель признан нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания по месту дислокации воинской части в г. Южно-Сахалинске.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 января 2007 г. N 61-р пос. Горячий Пляж Южно-Курильского района Сахалинской области исключен из числа закрытых военных городков.

После признания в марте 2008 года негодным по состоянию здоровья к летной работе А., имевший к тому времени общую продолжительность военной службы более 10 лет, обратился по команде с рапортом об увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с предоставлением ему жилого помещения по избранному месту жительства в г. Белгороде до исключения из списков личного состава воинской части. От назначения на другие воинские должности он отказался.

Решением жилищной комиссии воинской части от 12 мая 2008 г. А. признан нуждающимся в жилом помещении в г. Белгороде.

В ходе беседы в связи с предстоящим увольнением командованием было доведено до сведения А., что в связи с тем, что он обеспечен по месту военной службы служебным жильем, он будет уволен и исключен из списков личного состава воинской части с оставлением в списке нуждающихся в получении жилых помещений по избранному месту жительства.

Приказом воинского должностного лица от 24 сентября 2008 г. заявитель уволен с военной службы в запас и приказом командира воинской части от 10 июня 2014 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Перед изданием приказа об исключении из списков личного состава воинской части А. 30 апреля 2014 г. по своей инициативе сдал занимаемую служебную квартиру.

Признавая приказ об исключении из списков личного состава воинской части незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что А. признан нуждающимся в жилом помещении как по месту военной службы, так и в избранном месте жительства, служебное жилье по месту военной службы сдал, а согласия на исключение из списков личного состава воинской части до обеспечения жилым помещением в г. Белгороде не давал.

Такой вывод суда основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что А. был согласен с увольнением с военной службы, однако возражал против исключения из списков личного состава воинской части до обеспечения жилым помещением в избранном месте жительства, то есть нахождение на военной службе заявитель связывал не с ее прохождением, а с реализацией жилищных прав.

Между тем в соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по организационно-штатным мероприятиям в случае отсутствия у них по месту военной службы жилых помещений.

Запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков личного состава воинской части, в отсутствие его согласия на это, в силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. N 1237, пред-

усмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением.

При таких данных увольнение А. с военной службы предполагало исключение его из списков личного состава воинской части в сроки, установленные п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Основания для продолжения заявителем военной службы после признания его негодным к летной работе и отказа от назначения на другие воинские должности также отсутствовали.

Положения п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», а также п. 14 ст. 15 названного закона, согласно которым при наличии у военнослужащего по месту военной службы жилого помещения в случае перемены места жительства его сдача производится при получении жилого помещения по избранному месту жительства, не содержат указания на форму собственности жилищного фонда, в котором проживает увольняемый военнослужащий по месту военной службы.

Более того, в силу п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более, нуждающийся в улучшении жилищных условий, без его согласия не может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления ему жилого помещения по нормам жилищного законодательства; при желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту дислокации воинской части они увольняются с военной службы и обеспечиваются жилыми помещениями в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Следовательно, непредоставление заявителю жилья по избранному месту жительства при обеспеченности его по месту военной службы служебным жилым помещением по установленным нормам само по себе не является препятствием для увольнения в запас.

Для оценки правомерности такого увольнения суду требовалось установить возможность проживания А. в занимаемом жилом помещении, поскольку согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, обеспечиваемые служебными жилыми помещениями, заключают с Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) договор найма служебного жилого помещения, в котором определяется порядок предоставления служебного жилого помещения, его содержания и освобождения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 48 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. N 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», исходя из положений абзаца четырнадцатого п. 1 ст. 15, абзаца второго п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы при решении споров о правомерности увольнения с военной службы воен-

нослужащих, обеспеченных служебными жилыми помещениями, до реализации ими права на жилище по избранному постоянному месту жительства, отличному от места военной службы, суды должны учитывать условия заключенного военными служащими договора найма служебного жилого помещения (жилищного договора) и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

В суде установлено, что при получении А. в июне 2001 года служебного жилого помещения договор найма с ним не заключался, а при увольнении командование дало заявителю гарантии сохранения за ним этого помещения до обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Сдача А. служебного жилого помещения не свидетельствует о нарушении командованием его жилищных прав по месту службы, поскольку закон содержит запрет на увольнение определенной категории военнослужащих, к которой относится заявитель, без предоставления жилья по избранному месту жительства только в случае их необеспеченности жильем по месту военной службы и отсутствия согласия на увольнение.

К тому же, как следует из письменных объяснений врио командира воинской части, после сдачи заявителем служебного жилья оно никому не перепределялось, в него никто не вселялся, а заявителю было предложено занять служебное жилое помещение до обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Из изложенного следует, что увольнение А. с военной службы не предполагало необходимости освобождения им занимаемого по месту военной службы служебного жилого помещения до реализации жилищных прав по избранному месту жительства.

Таким образом, приказ об исключении заявителя из списков личного состава воинской части, изданный во исполнение приказа о его увольнении с военной службы, Судебная коллегия находит законным, а выводы судов об обратном ошибочными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в кассационном порядке обжалуемые судебные акты в части признания незаконным приказа об исключении заявителя из списков личного состава воинской части и приняла по делу новое решение об отказе А. в удовлетворении заявления.

По аналогичным обстоятельствам определением Судебной коллегии по делам военнослужащих от 13 октября 2015 г. N 208-КГ15-8 отменены решение Хабаровского гарнизонного военного суда от 31 октября 2014 г. и апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 22 января 2015 г. по заявлению К., в котором он просил признать незаконным приказ командующего войсками Восточного военного округа в части исключения его из списков личного состава воинской части ввиду увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без обеспечения жильем помещением по избранному месту жительства.

Вместе с тем, установив, что обстоятельства, связанные с сохранением за заявителем служебного жилого помещения до обеспечения жильем в избранном месте жительства, в судебном заседании первой инстанции выяснены не были, Судебная коллегия по делам военнослужащих направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Определение N 208-КГ15-6

2. Наличие у членов семьи нанимателя либо собственника жилого помещения права пользования всеми имеющимися в их распоряжении жилыми помещениями предопределяет обязанность жилищного органа по их учету при определении уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения.

Апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 11 декабря 2014 г. отменено решение Иркутского гарнизонного военного суда от 23 сентября 2014 г. об отказе П. в удовлетворении заявления, в котором она просила признать незаконным утвержденное командиром решение жилищной комиссии воинской части от 20 августа 2014 г. о снятии заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях.

По делу принято новое решение, которым признаны незаконными действия командира и председателя жилищной комиссии воинской части, связанные со снятием П. с жилищного учета, на указанных лиц возложена обязанность по рассмотрению вопроса о восстановлении заявителя на учете с составом семьи из 4 человек (она, муж, сын П.А. и невестка П.Е.).

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что П., проживающая по месту военной службы в г. Иркутске вместе с мужем и двумя сыновьями в квартире общей площадью жилого помещения 42 кв. м и жилой площадью 27,5 кв. м на основании решения жилищной комиссии с 1 апреля 1988 г. признана нуждающейся в улучшении жилищных условий ввиду обеспеченности жильем ниже учетной нормы, установленной решением исполкома областного Совета народных депутатов Иркутской области от 1 апреля 1990 г. N 180 (менее 12 кв. м жилой площади на одного члена семьи). Впоследствии, в июне 2010 года, квартира была передана им в общую долевую собственность, с долей каждого в праве 1/4.

Решением Думы г. Иркутска от 5 июля 2005 г. учетная норма жилого помещения в целях принятия на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилых помещений, установлена в размере 15 кв. м общей площади жилого помещения на одного человека.

В январе 2007 года один из сыновей П., П.А., приобрел в том же населенном пункте в собственность по договору купли-продажи квартиру общей площадью жилого помещения 61,2 кв. м, жилой площадью 44,7 кв. м.

В марте 2011 года П.А. распорядился приобретенной в собственность квартирой. В том же месяце

в квартире, занимаемой заявителем, была зарегистрирована супруга ее второго сына, которая впоследствии, 6 марта 2012 г., на основании судебного решения была признана членом семьи собственника жилого помещения.

После поступления в воинскую часть информации о нахождении у сына заявителя в собственности в период с января 2007 года по март 2011 года жилого помещения решением жилищной комиссии от 20 августа 2014 г. П. была снята с учета нуждающихся в жилых помещениях в связи с утратой оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма, и умышленным ухудшением жилищных условий.

Признавая названное решение законным, суд первой инстанции исходил из того, что после приобретения сыном заявителя квартиры П. подлежала исключению из списков нуждающихся в улучшении жилищных условий, поскольку на каждого члена ее семьи, исходя из суммарной площади двух квартир, приходилось более учетной нормы как жилой, так и общей площади жилого помещения.

Отменяя решение и принимая новое - о признании решения жилищной комиссии незаконным, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что наличие у сына заявителя в собственности жилого помещения не могло явиться основанием для снятия П. с жилищного учета, а могло повлиять лишь на количество членов семьи, состоящих на данном учете совместно с заявителем.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном толковании закона.

В суде установлено, что сын заявителя П.А., являющийся членом семьи нанимателя жилого помещения и признанный вместе с ней нуждающимся в улучшении жилищных условий, в январе 2007 года приобрел в собственность жилое помещение, не поставив об этом в известность жилищный орган и сохранив тем самым за собой вместе с П. и другими членами семьи право состоять на жилищном учете. В марте 2011 года он распорядился приобретенной в собственность квартирой, также не поставив об этом в известность жилищный орган.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 51 ЖК РФ одним из условий признания гражданина нуждающимся в жилом помещении является обеспечение его общей площадью жилого помещения для постоянного проживания на одного члена семьи менее учетной нормы либо отсутствие такого жилого помещения вовсе.

При этом согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ при наличии у гражданина и (или) членов его семьи нескольких жилых помещений, занимаемых по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования и (или) принадлежащих им на праве собственности, определение уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения осуществляется исходя из суммарной общей площади всех указанных жилых помещений.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что наличие у членов семьи нанимателя либо

собственника жилого помещения права пользования всеми имеющимися в их распоряжении жилыми помещениями предопределяет обязанность жилищного органа по их учету при определении уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения. Иное толкование данной нормы может привести к сверхнормативному обеспечению граждан жильем за счет государства.

В связи с этим заявление П. в жилищную комиссию о неосведомленности приобретения своим сыном в собственность жилого помещения не могло явиться основанием для исключения этого жилого помещения при определении уровня обеспеченности ее общей площадью жилого помещения. К тому же суд первой инстанции проверил указанное заявление в судебном заседании и обоснованно отверг его с приведением мотивов.

Из изложенного следует, что приобретенная в собственность П.А. квартира подлежала учету.

Поскольку суммарная общая площадь двух указанных жилых помещений составила 103,2 кв. м (42 кв. м + 61,2 кв. м), т.е. более учетной нормы в размере 15 кв. м, приходящейся на заявителя, ее супруга и двух сыновей, и не позволяла П. с января 2007 года находиться на жилищном учете, то вывод жилищного органа об утрате ею оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма, является правильным.

Данное обстоятельство в силу п. 2 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ является основанием для снятия заявителя с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по договору социального найма.

Последующее распоряжение в марте 2011 года сыном заявителя находящейся у него в собственности квартирой с сохранением намерения состоять на жилищном учете для получения жилого помещения за счет МВД России правомерно было расценено жилищным органом как намеренное ухудшение жилищных условий, которое в силу ст. 53 ЖК РФ не позволяет П. с членами ее семьи быть принятой на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до марта 2016 года.

При таких данных решение жилищной комиссии, утвержденное командиром воинской части, о снятии П. с жилищного учета основано на законе.

Тот факт, что П. принята на учет до 1 марта 2005 г., то есть до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации, не влияет на правильность принятого жилищной комиссией решения, поскольку, как обоснованно указал суд первой инстанции, обеспеченность заявителя жилой площадью на одного члена семьи после приобретения ее сыном в собственность квартиры также стала составлять более учетной нормы, что в соответствии с ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. N 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» является основанием для снятия ее с жилищного учета.

В связи с изложенным вывод суда первой инстанции о признании решения жилищной комиссии воинской части является законным, а утверждение суда апелляционной инстанции об обратном - ошибочным.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 11 декабря 2014 г., оставила в силе решение Иркутского гарнизонного военного суда от 23 сентября 2014 г.

Определение N 207-КГ15-5

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Изготовление и вручение сторонам по делу различных по содержанию судебных решений, отличных от принятых и ранее оглашенных в судебном заседании по результатам рассмотрения дела, повлекло досрочное прекращение полномочий судьи.

Квалификационная коллегия судей Челябинской области досрочно прекратила полномочия мирового судьи П. с лишением ее квалификационного класса судьи за совершение дисциплинарного проступка.

Решением Дисциплинарной коллегии в удовлетворении жалобы П. на решение квалификационной коллегии судей отказано.

Дисциплинарная коллегия отметила, что при рассмотрении гражданских дел судьей П. допущены грубые нарушения законодательства, выразившиеся в изготовлении и вручении сторонам различных по содержанию судебных решений, отличных от принятых и ранее оглашенных в судебном заседании по результатам рассмотрения дела.

Так, мировой судья П., рассмотрев гражданское дело по иску К. к Л. и ООО «Беркут-2», объявила резолютивную часть решения, в которой указала об удовлетворении исковых требований К. о взыскании с Л. в ее пользу процентов за неправомерное удержание денежных средств. Впоследствии судьей П. данная резолютивная часть решения была изъята из дела и изготовлена другая по содержанию, в которой указано о взыскании с Л. и ООО «Беркут-2» в пользу К. процентов за неправомерное удержание денежных средств. На основании последней резолютивной части решения было составлено мотивированное решение.

Тем самым, в нарушение положений ч. 1 ст. 200 ГПК РФ о том, что после объявления решения суд, принявший решение по делу, не вправе отменить либо изменить его, судья П., вопреки требованиям п. 1 ч. 1 ст. 201 ГПК РФ, без проведения судебного заседания, нарушила права участников судебного разбирательства, изменила первоначально принятое решение.

Кроме этого, судья П. по делу по иску о взыскании алиментов вынесла определение, которым восстановила С. срок для отмены судебного приказа, отменив судебный приказ и прекратив исполнительное производство по делу. Одновременно ответчику было разъяснено право на обращение в суд с требованием о взыскании алиментов в порядке искового производства.

Впоследствии мировой судья П. вынесла другое по содержанию определение, которым отказала С. в восстановлении срока для отмены этого же судебного приказа.

Дисциплинарная коллегия согласилась с мнением квалификационной коллегии судей о том, что до-

пущенные мировым судьей П. нарушения по своему характеру являются виновными и существенными. Они не могут рассматриваться как ошибки в толковании и применении норм права, то есть как судебные ошибки, поскольку носят очевидный характер и свидетельствуют о пренебрежительном отношении П. к соблюдению требований закона и норм судейской этики, умаляют авторитет судебной власти и в силу неоднократности и исключительности не дают оснований рассчитывать на добросовестное выполнение П. обязанностей судьи в будущем.

С учетом изложенного дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи П. признано соразмерным тяжести допущенных ею нарушений.

Решение N ДК15-71

2. Внепроцессуальное общение судьи с подсудимым по рассматриваемому им уголовному делу послужило основанием досрочного прекращения полномочий судьи.

Решением квалификационной коллегии судей Республики Калмыкия досрочно прекращены полномочия судьи Т. с лишением его квалификационного класса судьи за совершение дисциплинарного проступка.

Отказывая в удовлетворении жалобы Т. на решение квалификационной коллегии судей, Дисциплинарная коллегия указала следующее.

Квалификационной коллегией судей установлено внепроцессуальное общение судьи Т. с подсудимым Б. в период нахождения в производстве судьи уголовного дела, по которому Т. постановлен оправдательный приговор. Впоследствии судом апелляционной инстанции приговор был отменен с направлением дела на новое судебное рассмотрение, по результатам которого Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ.

В нарушение ст. 10 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» судья Т. информацию о внепроцессуальных отношениях с подсудимым гласности не предал, участников судебного разбирательства в известность не поставил, председателя суда не уведомил и от рассмотрения уголовного дела не устранился, что свидетельствует о явном пренебрежении судьей Т. нормами Кодекса судейской этики, умаляет авторитет судебной власти в целом, формирует в обществе негативное отношение к судебной системе, вызывает сомнения в его объективности, беспристрастности и справедливости.

Кроме того, анализ статистических данных о работе судьи Т. указывает на низкое качество отправления правосудия при незначительной судебной нагрузке.

Квалификационная коллегия, установив обстоятельства, свидетельствующие о нарушении судьей Т. норм Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и положений Кодекса судейской этики при рассмотрении уголовного дела в отношении Б., признала допущенные нарушения дисциплинарным проступком, влекущим досрочное прекращение полномочий судьи.

Учитывая характер совершенного проступка, а также то, что ранее решением квалификационной коллегии судей на судью Т. уже было наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания за грубое и систематическое нарушение законодательства при отправлении правосудия, Дисциплинарная коллегия посчитала наложенное дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи соразмерным совершенному деянию.

Решение N ДК15-58

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В каком порядке подлежат применению положения ч. 3.1 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» при взыскании исполнительского сбора с солидарных должников?

ОТВЕТ. В соответствии с чч. 1, 3 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее - Закон об исполнительном производстве) в случае неисполнения исполнительного документа в срок для добровольного исполнения на должника налагается денежное взыскание в виде исполнительского сбора, который устанавливается по общему правилу в размере семи процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества.

Частью 3.1 ст. 112 названного закона предусмотрено, что в отношении нескольких должников по солидарному взысканию в пользу одного взыскателя исполнительский сбор устанавливается в указанном выше размере с каждого из должников (часть введена Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. N 441-ФЗ).

Исполнение исполнительного документа, предусматривающего солидарное взыскание с должников, осуществляется в следующем порядке.

Возбужденные в отношении нескольких должников исполнительные производства по солидарному взысканию в пользу одного взыскателя объединяются в сводное исполнительное производство (ч. 1 ст. 34 Закона об исполнительном производстве).

При этом каждому солидарному должнику устанавливается обязанность оплатить в полном объеме сумму, указанную в исполнительном документе (без деления суммы долга на части, доли и т.п.), что соответствует нормам ст. 323 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

В случае, когда один (несколько) из солидарных должников исполнил требования исполнительного документа в срок для добровольного исполнения, исполнительский сбор не устанавливается и не взыскивается и с других солидарных должников в силу п. 1 ст. 325 ГК РФ, согласно которому исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитором. Обязательства всех солидарных должников перед кредитором прекращаются на основании п. 1 ст. 408 ГК РФ.

По смыслу чч. 3 и 3.1 ст. 112 Закона об исполнительном производстве, исполнительский сбор взыскивает-

ся однократно в размере семи процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества.

Если требования исполнительного документа не исполнены в срок для добровольного исполнения, то судебный пристав-исполнитель в отношении каждого солидарного должника выносит постановления о взыскании исполнительского сбора в установленном размере, подлежащие исполнению после полного удовлетворения требований взыскателя по исполнительному документу (ч. 3 ст. 110 Закона об исполнительном производстве).

Общая сумма взысканного исполнительского сбора со всех солидарных должников не должна превышать семи процентов от суммы, подлежащей взысканию по исполнительному документу, предусматривающему солидарное взыскание.

ВОПРОС 2. Относится ли к компетенции арбитражного суда рассмотрение заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (об оспаривании решения третейского суда), которым произведено солидарное взыскание долга с организации и гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, если в поданном в арбитражный суд заявлении содержится просьба о выдаче исполнительного листа (оспаривании решения третейского суда) только в отношении организации?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 2 ст. 27 АПК РФ дело может быть рассмотрено арбитражным судом с участием гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, в том случае, когда это прямо предусмотрено АПК РФ или иным федеральным законом.

Статья 31 АПК РФ называет дела об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов в качестве одной из категорий дел, разрешаемых арбитражными судами, но не упоминает о возможности рассмотрения этих дел с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Подобное упоминание также отсутствует в гл. 30 АПК РФ, устанавливающей правила рассмотрения арбитражными судами дел данной категории, которые ст. 33 АПК РФ не отнесены к специальной компетенции арбитражных судов.

Следовательно, рассмотрение дел об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов не входит в компетенцию арбитражного суда, если решение третейского суда состоялось в отношении гражданина, который не имеет статуса индивидуального предпринимателя.

Изложенное касается в том числе тех случаев, когда третейским судом было принято решение по требованию об исполнении солидарного обязательства, предъявленному в третейский суд одновременно к должнику-организации и к гражданину, поскольку возможность раздельного предъявления таких требований в арбитражный суд положениями гл. 30 АПК

РФ не предусмотрена, а в силу ч. 4 ст. 22 ГПК РФ при невозможности разделения связанных между собой требований, разрешение одного из которых отнесено к компетенции суда общей юрисдикции, дело подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции.

ВОПРОС 3: Как следует поступить суду, рассматривающему заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если в отношении одного из должников, являвшегося стороной третейского разбирательства, в том числе, должника по обязательству, обеспеченному поручительством, возбуждено дело о банкротстве и введена процедура наблюдения?

ОТВЕТ. В соответствии с положениями абзаца второго п. 1 ст. 63 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику.

При этом с указанной даты по ходатайству кредитора приостанавливается производство по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств (абзац третий п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве).

Приведенные положения Закона о банкротстве применяются и в отношении требований (дел) о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, поскольку разрешение таких требований государственным судом направлено на осуществление принудительного взыскания долга.

Следовательно, введение процедуры наблюдения в отношении одного из должников, участвовавшего в качестве ответчика в третейском разбирательстве, не препятствует продолжению рассмотрения государственным судом заявления о выдаче исполнительного листа, принятого к производству до введения этой процедуры, но может выступать основанием для приостановления производства по делу при наличии соответствующего ходатайства заявителя.

При отсутствии такого ходатайства и удовлетворении судом заявления о выдаче исполнительного листа участвующие в деле о банкротстве кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий не лишены права обжаловать указанный судебный акт в установленном процессуальным законодательством порядке, если он принят о правах и обязанностях этих лиц в деле о банкротстве.

В том случае, когда требование о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда было предъявлено в государственный суд после введения процедуры наблюдения в отношении должника, поданное заявление подлежит оставлению арбитражным судом без рассмотрения в отношении этого должника на основании п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ (для судов общей юрисдикции - производство по делу прекращается в соответствующей

части на основании абзаца второго ст. 220 ГПК РФ), а кредитор вправе заявить имеющееся требование в ином судебном порядке на основании ст. 71 Закона о банкротстве.

Данный подход применяется и в случае, если требование кредитора предъявлено одновременно к должнику по основному обязательству и к его поручителям, отвечающим в соответствии с п. 1 ст. 363 ГК РФ солидарно с таким должником. Поскольку предъявление требований в отношении должника по основному обязательству в рамках дела о банкротстве не прекращает обязательств поручителей, суд продолжает рассмотрение заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в отношении поручителей.

ВОПРОС 4. Относится ли требование об оспаривании отказа органа государственной власти или местного самоуправления в изменении вида разрешенного использования земельного участка, а также иные требования, связанные с применением норм земельного и градостроительного законодательства, предъявление которых не направлено на установление рыночной стоимости объекта недвижимости или на изменение кадастровой стоимости объекта недвижимости в связи с выявлением недостоверных сведений об объекте, к требованиям об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости?

ОТВЕТ. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 4 июня 2014 г. N 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами» (далее - Федеральный закон N 143-ФЗ) в чч. 1 и 5 ст. 24.19 Федерального закона от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» внесены изменения, направленные на исключение дел об оспаривании результатов определения кадастровой оценки из компетенции арбитражных судов.

Федеральный закон N 143-ФЗ установил также родовую подсудность указанных споров, дополнив ч. 1 ст. 26 ГПК РФ п. 8 о рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой оценки верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области и судом автономного округа по первой инстанции.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. N 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» (далее - постановление N 28) результаты определения кадастровой стоимости объекта недвижимости могут быть оспорены заявителем, а после 15 сентября 2015 г. - административным истцом в судебном порядке посредством предъявления следующих требований:

- об установлении в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости;
- об изменении кадастровой стоимости в связи с выявлением недостоверных сведений об объекте

оценки, использованных при определении его кадастровой стоимости, в том числе об исправлении технической и (или) кадастровой ошибки;

- об оспаривании решения или действия (бездействия) Комиссии.

Рассмотрение первых двух названных требований осуществляется в соответствии с правилами гл. 25 КАС РФ, последнего - по правилам гл. 22 КАС РФ.

В п. 5 постановления № 28 указано, что в целях соблюдения правил подсудности и подведомственности дел требования об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости не подлежат совместному рассмотрению с иными требованиями.

Требования, связанные с применением норм земельного и градостроительного законодательства, предъявление которых не направлено на установление рыночной стоимости объекта недвижимости или на изменение кадастровой стоимости объекта недвижимости в связи с выявлением недостоверных сведений об объекте, требованиями об оспаривании результатов кадастровой стоимости не являются.

К таким требованиям, в частности, относятся требования об оспаривании решения органа государственной власти или местного самоуправления об изменении или отказе в изменении вида разрешенного использования земельного участка, об оспаривании решений, действий (бездействия) органа кадастрового учета, а также требования, вытекающие из межведомственных споров, и др.

То обстоятельство, что орган, осуществляющий функции по государственной кадастровой оценке, определяет кадастровую стоимость объекта недвижимости при изменении вида разрешенного использования или уточнении площади объекта, не является основанием для квалификации перечисленных выше требований как требований об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости.

Указанные требования рассматриваются судом общей юрисдикции или арбитражным судом в соответствии с их компетенцией и разрешаются ими по правилам искового производства (подраздел II раздела II ГПК РФ, раздел II АПК РФ) либо по правилам гл. 22 КАС РФ или гл. 24 АПК РФ.

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ВОПРОС 5. Какие обязанности судья вправе возложить на лицо, признанное больным наркоманией либо потребляющим наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, при назначении административного наказания за совершение административного правонарушения в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах?

ОТВЕТ. Частью 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ судья наделяется правом возложения на лицо, признанное больным наркоманией либо потребляющим наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, обязанность пройти диа-

гностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

Согласно ст. 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

При этом судьи оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу (ст. 26.11 КоАП РФ).

На основании изложенного судья, разрешая дело об административном правонарушении, в зависимости от обстоятельств дела и исследованных доказательств принимает решение о необходимости возложения на лицо как совокупности соответствующих обязанностей, включая диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, так и альтернативных обязательств в виде медицинской и (или) социальной реабилитации.

ВОПРОС 6. Образует ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 КоАП РФ, повторное уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лица, на которое судом возложена обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ?

ОТВЕТ. Статьей 6.9.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лицом, на которое судом возложена обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. При этом лицо считается уклоняющимся от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации, если оно не посещает или самовольно покинуло медицинскую организацию или учреждение социальной реабилитации либо не выполнило более двух раз предписания лечащего врача.

Объективная сторона названного административного правонарушения характеризуется уклонением лица от прохождения диагностики, профилактических

мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации.

Как разъяснено в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», административное правонарушение считается оконченным с момента, когда в результате действия (бездействия) лица имеются все предусмотренные законом признаки состава административного правонарушения.

Противоправное деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ, может являться длящимся в зависимости от объективной стороны соответствующего деяния.

Так, длящимся правонарушением признается непосещение лицом, на которое судом возложена соответствующая обязанность, медицинской организации или учреждения социальной реабилитации.

Длящимся правонарушением также является самовольное оставление лицом, привлеченным к административной ответственности, медицинской организации или учреждения социальной реабилитации, поскольку такое деяние влечет непосещение лицом соответствующей организации или учреждения.

В указанных случаях лицо, привлеченное к административной ответственности за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, может быть привлечено к административной ответственности неоднократно в течение всего периода исполнения возложенной судом обязанности.

Определяя начало течения срока давности для правонарушения, связанного с невыполнением более двух раз предписания лечащего врача, следует учитывать содержание такого предписания. Так, нарушение предписания лечащего врача о необходимости посещать медицинское учреждение одновременно связано с непосещением лицом соответствующей организации или учреждения и в связи с этим является длящимся.

В подобных ситуациях лицо может быть привлечено к административной ответственности неоднократно в течение всего периода исполнения возложенной судом обязанности.

ВОПРОС 7. Образует ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 КоАП РФ, уклонение осужденного от обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию? Является ли составление должностным лицом уголовно-исполнительной инспекции протокола о соответствующем административном правонарушении основанием для его возвращения в связи с тем, что такой протокол составлен неправомочным лицом?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 72.1 Уголовного кодекса Российской Федерации при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания

в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

При этом ответственность лица, признанного больным наркоманией, за неисполнение указанных обязанностей установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лицом, на которое судом возложены такие обязанности в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Контроль за исполнением осужденным обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией (ч. 2 ст. 72.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Уголовно-исполнительные инспекции создаются как учреждения уголовно-исполнительной системы и исполняют уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде домашнего ареста (постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. N 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности»).

Должностные лица уголовно-исполнительных инспекций при выявлении фактов, указывающих на уклонение осужденного от обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, в рамках осуществления координации с иными субъектами антинаркотической деятельности, предусмотренной Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. N 690, направляют сведения о таких фактах должностному лицу, уполномоченному возбуждать дело об административном правонарушении.

Согласно ч. 1 ст. 28.1, п. 83 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ указанные обстоятельства являются основанием для составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.9.1 данного кодекса, должностным лицом органа по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В связи с этим в случае составления должностным лицом уголовно-исполнительной инспекции протокола об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ, судья, руководствуясь ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, выносит определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в связи с тем, что они составлены неправомочным лицом.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 31 - 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений,
а также в сфере рассмотрения дел
об административных правонарушениях

Практика международных
договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин <1>

<1> Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: И.В. против Дании. Сообщение N 51/2013. Решение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 2 марта 2015 г.

Тема сообщения: недостаточная обоснованность.

Вопрос существа: депортация в Китай.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своей рекомендации N 28 общего порядка, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, в которой он подтвердил,

что обязательства государств-участников применяются без дискриминации в отношении как граждан, так и неграждан, включая беженцев, лиц, ищущих убежище, трудящихся-мигрантов и лиц без гражданства, в пределах их территории или под фактическим контролем, даже если они не находятся в пределах территории. Как указал Комитет, государства-участники несут ответственность за все свои действия, затрагивающие права человека, вне зависимости от того, находятся ли затрагиваемые лица на их территориях (пункт 8.4 Решения).

Комитет напоминает, что в статье 1 Конвенции дискриминация в отношении женщин определяется как любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области. Комитет далее ссылается на свою рекомендацию N 19 общего порядка, в которой насилие в отношении женщин прямо квалифицируется как дискриминация в отношении женщин и указывается, что гендерное насилие представляет собой одну из форм дискриминации в отношении женщин и включает действия, причиняющие ущерб или страдания физического, психического или сексуального характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы. В отношении аргумента государства-участника о том, что в отличие от других договоров по правам человека в Конвенции прямо или косвенно не затрагиваются вопросы высылки при наличии угрозы пыток или других серьезных угроз жизни и личной неприкосновенности, Комитет напоминает, что в той же рекомендации он определил, что такое гендерное насилие затрудняет или сводит на нет осуществление женщинами ряда прав человека и основных свобод, к числу которых, среди прочих, относятся право на жизнь, право не подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, право на свободу и безопасность личности, а также право на равную защиту в рамках закона (пункт 8.5 Решения).

Комитет далее отмечает, что согласно международным нормам в области прав человека принцип невыдворения налагает на государства обязанность воздерживаться от возвращения лиц в юрисдикцию, в которой они могут подвергнуться серьезным нарушениям прав человека, в частности произвольному лишению жизни или пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Принцип невыдворения также является неотъемлемым элементом процедуры предоставления убежища и системы международной защиты беженцев <1>. Суть этого принципа заключается в том, что государство не может заставить человека вернуться на территорию, где он или она может подвергнуться преследованиям, в том числе по гендерным признакам и мотивам. Гендерные формы преследования представляют собой преследование, направленное против женщин как таковых или несоразмерно затрагивающее женщин (пункт 8.6 Решения).

<1> См. статью 33 (запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения (выдворения) Конвенции 1951 года о статусе беженцев.

Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом d) статьи 2 Конвенции государства-участники должны воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством. Эта обязанность действовать позитивно предполагает обязательство государств-участников защищать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства-участника: если государство-участник принимает решение в отношении лица под его юрисдикцией, неизбежным и предсказуемым последствием которого станет нарушение прав этого лица по Конвенции в другой юрисдикции, то государство-участник само может стать нарушителем Конвенции. Например, государство-участник само нарушит Конвенцию, если оно вышлет обратно то или иное лицо в другое государство в ситуации, когда можно было предвидеть, что это повлечет за собой серьезные акты гендерного насилия. Возможность предвидения последствий означала бы, что государство-участник допустило нарушение, даже несмотря на то что последствия наступят только через некоторое время. Степень серьезности гендерного насилия определяется обстоятельствами каждого конкретного дела и оценивается Комитетом в индивидуальном порядке исходя из существа дела при условии, что автор сообщения представил на рассмотрение Комитета достоверные доводы, достаточным образом обосновав свои утверждения <1> (пункт 8.7 Решения).

<1> См. сообщение N 33/2011, М.Н.Н. против Дании, решение о неприемлемости, принятое 15 июля 2013 г. (то есть после регистрации настоящего сообщения), пункт 8.10.

Комитет напоминает о том, что в соответствии с недавно принятой рекомендацией N 32 общего порядка по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин, статьи 1 - 3, пункт а) статьи 5 и статья 15 Конвенции устанавливают обязательство государств-участников обеспечивать, чтобы женщины не подвергались дискриминации на протяжении всего процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища с момента прибытия на границу. Женщины, ищущие убежище, вправе рассчитывать на соблюдение их прав в соответствии с Конвенцией; они имеют право на недискриминационное и уважительное отношение и уважение их достоинства на протяжении всей процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища (пункт 24). Комитет также напоминает о том, что гендерный подход должен применяться на всех этапах процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища и что ищущим убежище женщинам, в ходатайстве которых о предоставлении убежища отказано, необхо-

димо обеспечить достойное и недискриминационное возвращение (пункты 24 - 25) (пункт 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора сообщения о том, что она опасается гендерного насилия со стороны представителей организованных преступных групп в случае возвращения в Китай и что китайские органы власти не защитят ее от такого рода действий. Комитет также отмечает, что органы власти государства-участника признали несостоятельным ее заявление о том, что китайские органы власти не захотят или не смогут защитить ее от нападений со стороны гангстеров-ростовщиков, учитывая тот факт, что, находясь в Китае, она никогда не пыталась обратиться за какой-либо защитой. Комитет отмечает, что автор сообщения выражает несогласие с фактологическими выводами органов власти государства-участника о том, что она никогда не обращалась к китайским органам власти за помощью и не представила какого-либо очевидного доказательства того, что китайские органы власти были не в состоянии или не пожелали защитить ее от представителей организованной преступности (пункт 8.8 Решения).

Комитет далее принимает к сведению заявление автора сообщения о том, что она является жертвой гендерной дискриминации в отношении права на доступ к правосудию, поскольку по сравнению с ищущими убежище мужчинами большему числу ищущих убежище женщин органы власти государства-участника отказывают в предоставлении убежища по причине «явной необоснованности» ходатайства. Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что ее содержание в качестве жертвы гендерного насилия в датской тюрьме в течение нескольких месяцев без возможности пройти лечение в связи с полученной ею травмой представляет собой нарушение Конвенции государством-участником и государство-участник обязано надлежащим образом обеспечить принятие эффективных мер правовой защиты жертв гендерного насилия, а также возможность получения ими медицинских услуг и компенсации. ... Комитет отмечает, что автор сообщения, представленная адвокатом, не проинформировала Комитет о своем местонахождении, а также о том, была ли она депортирована в Китай. С учетом этих обстоятельств и в связи с отсутствием в деле какой-либо другой информации по данному вопросу Комитет считает, что автор сообщения не представила достаточного обоснования для целей приемлемости утверждения о том, что ее высылка из Дании в Китай подвергнет ее реальному, личному и предсказуемому риску серьезной формы гендерного насилия (пункты 8.8, 8.9 Решения).

Выводы Комитета: Комитет приходит к заключению, что сообщение является неприемлемым по смыслу пункта 2 с) статьи 4 Факультативного протокола (пункт 8.9 Решения).

Сообщение: Х. и У. против Грузии. Сообщение N 24/2009. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 13 июля 2015 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 6 его Общей ре-

комендации N 19 дискриминация по смыслу статьи 1 Конвенции включает в себя насилие в отношении женщин по признаку пола. Такая дискриминация не ограничивается деяниями, совершаемыми правительством или от его имени. Наоборот, в соответствии со статьей 2 (е) государства-участники также могут нести ответственность за действия частных лиц, если они не принимают надлежащих мер, для того чтобы не допустить насилия и нарушения прав или осуществить расследования и вынести наказание за насилие, а также за обеспечение компенсации (пункт 9) (пункт 9.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что Х. подала несколько жалоб на насилие в отношении нее и ее детей со стороны ее мужа в разные органы власти <1>. Все ее жалобы в полицию приводили к тому, что сотрудники полиции брали с ее супруга письменное обязательство не совершать больше насилия в отношении нее и ее детей, даже когда, по меньшей мере в одном случае, ей была выдана медицинская справка о том, что в результате избиения со стороны ее мужа ею получены поверхностные телесные повреждения. Комитет отмечает, что, несмотря на неоднократные письменные обязательства со стороны мужа, насилие в отношении авторов и других детей продолжало иметь место, при этом компетентные органы не принимали надлежащих мер, с тем чтобы его остановить. Рассмотрение первоначальной жалобы Х. было прекращено после того, как она ее забрала, и органы уголовного преследования приняли решение не проводить расследование, несмотря на серьезный характер и тяжесть обвинений. Все последующие жалобы Х. отклонялись, и органами уголовного преследования принимались решения о том, что в действиях мужа состав преступления отсутствует, в то время как судебные органы постановляли, что данные дела лишены оснований. Эти заявления не опровергались и не оспаривались государством-участником, которое просто отметило, что адвокат Х. не сумел опровергнуть доказательства, собранные работниками прокуратуры в процессе многочисленных следственных мероприятий, тем самым создавая весьма высокие требования в отношении бремени доказывания в деле о бытовом насилии <2> (пункт 9.6 Решения).

<2> Аналогичный подход см., в частности, В.К. против Болгарии, сноска 13 выше, пункт 9.9.

Комитет считает, что в своей совокупности вышеупомянутые неопровержимые факты свидетельствуют о том, что органы власти государства-участника не выполнили свои обязанности и не приняли соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, запрещающие насилие в отношении женщин в качестве одной из форм дискриминации в отношении женщин; не установили юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и не обеспечили с помощью компетентных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от дискриминации; не воздержались от совершения дискриминационных актов или действий в отношении женщин и не обеспечили, чтобы государственные органы и учреждения действовали

в соответствии с этим обязательством; не приняли все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны любого лица, организации или предприятия; и не приняли все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Он также считает, что вышеупомянутые факты указывают на то, что государство-участник не выполнило свои обязанности и не приняло все соответствующие меры, с тем чтобы изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипного восприятия роли мужчин и женщин (пункт 9.7 Решения).

Выводы Комитета: Действуя в соответствии со статьей 7 (3) Факультативного протокола и в свете вышеизложенных соображений, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и тем самым нарушило права авторов по смыслу статьи 2 (b) - (f), рассматриваемых в совокупности со статьями 1 и 5 (a) Конвенции, а также общей рекомендации N 19 Комитета (пункт 10 Решения).

Комитет выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации:

a) в отношении авторов сообщения: предоставить авторам надлежащую финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений их прав;

b) общие положения;

i) принять меры к тому, чтобы жертвам насилия в семье и их детям была предоставлена своевременная и адекватная помощь, в том числе жилье и психологическая поддержка;

ii) активизировать проведение кампаний по повышению информированности и ввести в действие политику абсолютной нетерпимости в том, что касается насилия в отношении женщин и, в частности, насилия в семье;

iii) ратифицировать Конвенцию о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием;

iv) обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, юристов и работников правоохранительных органов, включая работников прокуратуры, по вопросам применения Закона о предотвращении насилия в семье, в том числе по вопросам определения бытового насилия и гендерных стереотипов, а также надлежащую профессиональную подготовку по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности общей рекомендации N 19.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 5525/11 «Мифобова против России» (вынесено 5 февраля 2015 г., вступило в силу 5 мая 2015 г.).

Заявитель жаловалась на то, что ее принудительная госпитализация в психиатрический стационар представляла собой нарушение подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «...для законности принудительного заключения «лица, страдающего психическим расстройством», в психиатрический стационар по смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции должны быть соблюдены как минимум три условия. Во-первых, соответствующее лицо действительно должно страдать психическим расстройством, то есть, путем объективного медицинского исследования компетентному органу должно быть доказано наличие психического заболевания, за исключением экстренных случаев; во-вторых, психическое расстройство должно быть такого характера или такой степени, чтобы оправдать принудительную госпитализацию; в-третьих, обоснованность длительного ограничения свободы обусловлена продолжительностью такого расстройства» (пункт 51 постановления).

Судом обращено внимание на то, что «...подпункт «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции разрешает лишать «душевнобольных» свободы только при соблюдении материальных и процессуальных требований для такого лишения свободы. В сущности, при санкционировании принудительной госпитализации лиц, страдающих психическим расстройством, национальные власти должны установить, что психическое расстройство такого характера или такой степени оправдывает принудительную госпитализацию... С точки зрения процессуальных норм, они обязаны обеспечить, чтобы процедуры, приводящие к принудительной госпитализации лица, являлись «справедливыми и надлежащими» и исключали возможность произвола» (пункт 56 постановления).

Суд отметил, что «...в делах, касающихся принудительной госпитализации в психиатрические учреждения, основной гарантией защиты от произвольного правоприменения в отношении принадлежащих к уязвимой категории заявителей является надлежащее и эффективное представление их интересов» (пункт 59 постановления).

В данном деле Суд установил, что «... представитель Управления здравоохранения мэрии не выступала в качестве представителя заявителя и не защищала ее интересы в суде... [а] во время рассмотрения дела о принудительной госпитализации заявитель, которая, по мнению психиатров, страдала галлюцинациями и не могла критически оценивать свое состояние, частично сама представляла свои интересы» (пункты 60, 61 постановления).

Суд также установил, что «...в своей кассационной жалобе в областной суд заявитель прямо заявила, что хотела бы воспользоваться помощью адвоката, однако суд кассационной инстанции оставил ее просьбу без внимания... заявитель ясно заявила российским властям о своем желании участвовать в рассмотрении ее кассационной жалобы... Областной суд в своем определении действительно отметил, что заявитель «была надлежащим образом уведомлена о дате и времени судебного заседания, однако в суд не явилась»... при этом маловероятно, что она могла явиться в суд без разре-

шения и помощи администрации диспансера. Обязанность удостовериться в наличии у заявителя желания участвовать в судебном заседании и проверить оправданность соответствующих действий и решения психиатрического учреждения лежала именно на российском суде» (пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...компетентные российские органы власти не выполнили процессуальные требования в вопросе принудительной госпитализации заявителя, так как не исключили возможность произвольного правоприменения в рамках судебного разбирательства. Следовательно, принудительная госпитализация приравнивается к незаконному содержанию под стражей в значении подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 66 постановления).

См. приведенное ниже постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 41675/08 «Фанзиева против России» (вынесено 18 июня 2015 г., вступило в силу 18 сентября 2015 г.).

В сфере трудовых правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Сообщение: Анна Белоусова против Казахстана. Сообщение N 45/2012. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 13 июля 2015 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 6 его Общей рекомендации N 19 понятие «дискриминация» в значении, определенном в статье 1 Конвенции, охватывает гендерное насилие в отношении женщин, включая действия, которые, среди прочего, причиняют ущерб или страдания психического или сексуального характера, представляют собой угрозу таких действий или поношение. Кроме того, в соответствии с пунктом 17 этой рекомендации равенство в области занятости может быть серьезно нарушено, когда женщины подвергаются насилию по признаку пола, например, сексуальным домогательствам на рабочем месте, и такая дискриминация не ограничивается мерами, принимаемыми правительствами или от их имени. Напротив, в соответствии со статьей 2(е) Конвенции государства-участники могут также нести ответственность за действия частных лиц, если они не проявляют должной осмотрительности для предотвращения нарушения прав или для расследования актов насилия и наказания за них, а также за предоставление компенсации, как указано в пункте 9 рекомендации (пункт 10.4 Мнения).

В связи с этим Комитет напоминает, что в пункте 36 Общей рекомендации N 28 указано, что в соответствии с подпунктом (е) статьи 2: Государства-участники должны также принимать меры, обеспечивающие ликвидацию дискриминации в отношении женщин и равноправие женщин и мужчин на практике. К этим мерам относятся меры, которые обеспечивают женщи-

нам возможность обращаться с жалобами о нарушении их прав, предусмотренных Конвенцией, и получать доступ к эффективным средствам правовой защиты ... Обязательства, возложенные на государства-участники, требуют от них установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами, обеспечивать с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от любого акта дискриминации и принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица (пункт 10.8 Мнения).

Комитет подчеркивает, что полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принимать меры с целью ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и изменять и преобразовывать гендерные стереотипы и упразднить противоправную стереотипность роли мужчин и женщин - коренные причину и следствие дискриминации в отношении женщин. Гендерные стереотипы закрепляются с помощью различных средств и институтов, включая законы и правовые системы, и могут закрепляться как государственными субъектами во всех ветвях и на всех уровнях власти, так и частными субъектами <1> (пункт 10.10 Мнения).

<1> См. там же, пункт 8.8.

Комитет напоминает, что в соответствии с пунктами 17 и 18 его общей рекомендации N 19 равноправие в области занятости может быть серьезно ущемлено, когда женщины подвергаются гендерному насилию, например, сексуальным домогательствам на рабочем месте, которые включают такие проявления нежелательного сексуально мотивированного поведения, как физический контакт и приставания, прямые или косвенные замечания сексуального характера и принуждение к вступлению в половую связь, выраженное словами или действиями. Такое поведение может быть унижительным и может создать проблему для здоровья и безопасности. Оно является дискриминационным, когда женщина имеет разумные основания полагать, что ее возражения нанесут ущерб ее положению в области занятости, включая на[е]м на работу или продвижение по службе, или когда такое поведение создает враждебную обстановку на рабочем месте (пункт 10.12 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что автор работала техническим сотрудником в начальной школе в селе Перцевка с 1999 года и что ее трудовой договор продлевался ежегодно на каждый учебный год без исключения вплоть до 2011 года. В январе 2011 года А., который был назначен новым директором школы в декабре 2010 года, предложил автору вступить с ним в интимную связь и завуалированно дал понять, что продолжение ее работы будет зависеть от принятия его предложения. Комитет принимает к сведению версию автора о том, что сексуальные домогательства со стороны А. продолжались и что в мае 2011 года, когда она по-прежнему категорически отказалась вступить в интимную

связь с А., последний также попытался вымогать у нее деньги, потребовав сумму в 10 000 тенге, и после того, как автор отказалась заплатить эту сумму, ее трудовой договор не был продлен. Комитет отмечает далее, что ни государство-участник, ни один из органов, в которые автор подала жалобы, не представили никакого разъяснения причин внезапного непродления ее трудового договора. Комитет должным образом рассмотрел довод государства-участника о том, что трудовой договор с автором не был продлен по причине закрытия школы, однако отмечает, что, по данным автора, школа продолжала работать после мая 2011 года, по крайней мере, до сентября 2012 года, причем данное заявление не было оспорено государством-участником (пункт 10.2 Мнения).

Комитет признает, что именно органы и суды государства-участника должны оценивать факты и доказательства по конкретным делам <1>. Вместе с тем в данном деле для того, чтобы определить, имела ли автор возможность осуществлять на практике принцип равенства между женщинами и мужчинами и свои права человека и основные свободы, Комитет должен решить два вопроса: проявили ли органы государства-участника должную осмотрительность при расследовании утверждений автора и нарушило ли государство-участник свое обязательство по эффективной защите автора от насилия по признаку пола (пункт 10.5 Мнения).

<1> См., например, сообщение N 28/2010, Р.К.Б. против Турции, Мнения, принятые 24 февраля 2012 года, пункт 8.4.

Комитет отмечает, что первым органом, расследовавшим жалобы автора на сексуальные домогательства со стороны А., была комиссия в составе трех человек Рудненского городского отдела образования. В ходе расследования эта комиссия не предложила автору представить ее версию данной истории. Второе расследование было проведено 9 июня 2011 года другой комиссией, созданной Рудненским городским отделом образования, которая пришла к выводу о том, что утверждения автора являются безосновательными. ... Комитет отмечает заявление автора о том, что ей не была предоставлена надлежащая возможность разъяснить свои жалобы. Кроме того, в связи с жалобой автора от 13 июня 2011 г. следователь Управления внутренних дел города Рудного принял 21 июня 2011 г. решение не возбуждать уголовное дело по жалобе автора, несмотря на тот факт, что два свидетеля показали, что они слышали разговор между автором и А., в ходе которого тот упомянул интимную связь и потребовал денег (пункт 10.6 Мнения).

Комитет отмечает, что после рассмотрения апелляции автора в связи с отказом в возбуждении уголовного дела Прокуратура города Рудного передала дело автора в Управление внутренних дел города Рудного на доследование. Впоследствии, 16 августа 2011 г., тот же следователь вновь принял решение не возбуждать уголовное дело. После этого автор несколько раз обжаловала решение не возбуждать уголовное дело, однако это не привело ни к каким результатам. Комитет отмечает заявление автора о том, что национальные органы

не приняли во внимание показания двух свидетелей и аудиозапись требований А. Комитет также отмечает довод автора о том, что в ходе производства по гражданскому иску, возбужденному против нее А., национальные суды отказались без каких-либо на то оснований опросить нескольких свидетелей, которые могли дать показания в пользу автора, или приобщить к делу в качестве доказательства аудиозапись требований А. ... Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что аудиозапись была изучена, однако государство-участник не представило никакой информации о том, как именно была изучена эта запись и была ли подтверждена ее подлинность (пункт 10.7 Мнения).

В свете вышеизложенного Комитет придерживается мнения о том, что в данном деле органы и суды государства-участника не уделили должного внимания жалобе автора по факту гендерного насилия, которое проявилось в форме сексуальных домогательств на рабочем месте, равно как и подтверждающим эту жалобу доказательствам, и что, таким образом, они не выполнили свою обязанность учитывать гендерные факторы при рассмотрении жалобы. Кроме того, в контексте данного дела национальные органы и суды не уделили должного внимания ясным и очевидным свидетельствам нарушения обязательства о предоставлении равных возможностей в области занятости. Будучи в подчинении у А., автор находилась в уязвимом положении, и продление ее трудового договора полностью зависело от усмотрения А. (пункт 10.8 Мнения).

В данном деле органы власти не расследовали причины, по которым трудовой договор автора не был продлен после более чем 10 лет службы. ... Рудненский городской суд привел тот факт, что автор не подавала жалоб на якобы имевшие место сексуальные домогательства пока продолжала работать, а сделала это только после своего увольнения, в качестве обстоятельства, снижающего доверие к ее обвинению. В обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии желания учесть уязвимость положения автора как женщины, являющейся единственным кормильцем в семье и при этом находящейся в подчинении у А., и с учетом сделанного выше вывода Комитет подтверждает, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 2(е), толкуемой в совокупности со статьей 1, Конвенции, и что учреждения государства-участника не уделили должного внимания с учетом гендерных аспектов дела жалобе автора о гендерном насилии на рабочем месте и доказательствам, подкрепляющим эту жалобу, и что, таким образом, они не уделили должного внимания ясным и очевидным доказательствам нарушения обязательства о предоставлении равных возможностей в области занятости. Комитет придерживается мнения о том, что, не расследовав жалобу автора о сексуальных домогательствах оперативным, надлежащим и эффективным образом, несмотря даже на то, что производство по гражданскому иску, возбужденному А. против автора, было завершено менее чем за три недели, и не рассмотрев дело автора с учетом гендерных аспектов, национальные учреждения допустили, чтобы на ход их рассуждений при принятии решений повлияли стереотипы (пункт 10.10 Мнения).

Что касается жалобы автора на нарушение государством-участником ее прав по статье 11 Конвенции, то в свете информации, представленной автором и государством-участником, Комитет считает, что жалоба автора касается вопросов, охватываемых пунктами 1(а) и (f) статьи 11 Конвенции. В свете своих выводов о нарушении статьи 2(е), толкуемой в совокупности со статьей 1, Конвенции, Комитет отмечает утверждение автора о том, что в январе 2011 года директор школы А. пригласил ее для беседы. Во время этой беседы он завуалированно дал понять, что продолжение ее работы будет зависеть от ее вступления в интимную связь с ним, на что она ответила категорическим отказом. После этого А. продолжал преследовать автора, проявляя сексуальные домогательства, и, поскольку она продолжала отвечать отказом, предложил ей заплатить ему 10 000 тенге, если она хочет сохранить работу в школе. Учитывая, что автор отказалась удовлетворить эти требования, она была уведомена в мае 2011 года о том, что ее трудовой договор не будет продлен на следующий учебный год. Школа продолжала работать до сентября 2012 года. Комитет отмечает заявление автора о том, что вследствие прекращения действия ее трудового договора и производства по гражданскому иску, возбужденному против нее А. после направления ею жалоб на домогательства, результатом которого стало постановление Рудненского городского суда, предписывающее ей выплатить А. компенсацию и принести ему извинения на общем собрании коллектива школы, она впала в депрессию и обратилась за психологической помощью в кризисный центр защиты женщин от насилия. В связи с этим Комитет отмечает, что 29 марта 2012 г. автору был поставлен диагноз депрессии и посттравматического стрессового расстройства (пункт 10.11 Мнения).

Комитет придерживается мнения о том, что оказанное на автора давление и характер угроз и домогательств, а также попытки вымогательства денег обусловлены тем, что она является женщиной, находившейся в подчиненном и бесправном положении, и представляют собой нарушение принципа равного обращения. Комитет считает, что обязательство работодателя воздерживаться от дискриминации по признаку пола, включая домогательства, не закончилось с расторжением трудового договора автора. Комитет отмечает, что А. возбудил в отношении автора гражданский иск за клевету, результатом рассмотрения которого стал судебный приказ автору выплатить А. компенсацию за моральный ущерб и публично извиниться перед ним. Вследствие этого автор впала в депрессию и стала страдать от посттравматического стрессового расстройства. В этих обстоятельствах Комитет считает, что обращение А. с автором, выразившееся в требовании, чтобы она вступила в интимную связь с ним - ее руководителем, - если она хочет продолжать работать в школе, и в отказе продлить ее трудовой договор на следующий учебный год, явилось нарушением прав автора на труд и на равное обращение и представляло собой дискриминацию по признаку пола в соответствии с пунктами 1(а) и (f) статьи 11 Конвенции. В результате автор пострадала от нарушения ее прав, предусмотренных в этих положениях,

которое не было устранено учреждениями государства-участника оперативным, надлежащим и эффективным образом (пункт 10.13 Мнения).

Выводы Комитета: Действуя в соответствии со статьей 7(3) Факультативного протокола и в свете вышеизложенных соображений, Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 2(е), толкуемой в совокупности со статьями 1, 5(а) и пунктами 1(а) и (f) статьи 11 Конвенции, и рекомендует государству-участнику:

а) в отношении автора сообщения: предоставить соответствующее возмещение, включая надлежащую финансовую компенсацию, за моральный и материальный ущерб, причиненный автору в результате нарушения ее прав в соответствии с Конвенцией, в том числе компенсацию:

i) за потерю дохода в период с сентября 2011 года по сентябрь 2012 года, когда начальная школа в селе Перцевка была закрыта;

ii) за судебные расходы и издержки, понесенные в связи с многочисленными жалобами автора на А., а также за все расходы, понесенные в связи с гражданским иском, возбужденным А.;

iii) за страдания, обусловленные сексуальными домогательствами и попытками вымогательства, а также публичным извинением, которое автор была вынуждена принести А., что в совокупности послужило причиной ее страданий от депрессии и посттравматического стрессового расстройства;

b) в общем:

i) безотлагательно принять всеобъемлющее законодательство, в частности в области трудовых отношений, в целях борьбы с сексуальными домогательствами на рабочем месте в соответствии с общей рекомендацией N 19 Комитета, которое должно включать всеобъемлющее определение понятия сексуальные домогательства на рабочем месте в соответствии с международными нормами и стандартами, предусмотрев эффективные процедуры подачи и рассмотрения жалоб, средства правовой защиты и санкции;

ii) обеспечить, чтобы при осуществлении положений статьи 351 Уголовного кодекса от потерпевших не требовалось подписание какого-либо заявления, если такое заявление может фактически являться препятствием для реализации их права на доступ к правосудию;

iii) принять меры и провести мероприятия, необходимые для повышения уровня информированности широкой общественности, в том числе в сельской местности, о сексуальных домогательствах на рабочем месте как уголовно наказуемом деянии, а также способствовать проведению в жизнь политики по борьбе с такого рода домогательствами, охватывая как государственные, так и частные сферы занятости;

iv) проводить регулярное и учитывающее гендерные особенности обучение судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней, а также юриспруденции и общих рекомендаций Комитета, в целях обеспечения устранения влияния стереотипных представлений на процесс принятия решений;

v) принять эффективные меры к обеспечению практического осуществления Конвенции всеми национальными судами и другими государственными учреждениями, с тем чтобы предоставить женщинам эффективную защиту от всех форм дискриминации по признаку пола в области занятости;

vi) ратифицировать Конвенцию о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, принимая во внимание сотрудничество государства-участника с Советом Европы (пункт 11 Мнения).

Комитет по правам инвалидов <1>

<1> Комитет по правам инвалидов (далее - Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Сообщение: А.Ф. против Италии. Сообщение N 9/2012. Сообщение принято Комитетом по правам инвалидов (далее - Комитет) 27 марта 2015 г.

Тема сообщения: процесс набора персонала; дискриминация в процессе применения национального законодательства о праве инвалидов на трудоустройство; факты и доказательства.

Вопрос существа: труд и занятость.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии со статьями 27 а), е), g) и i) Конвенции о правах инвалидов (далее - Конвенция) государства-участники несут обязанность запрещать дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; принимать на работу инвалидов в государственном секторе; обеспечивать инвалидам разумное приспособление для рабочего места (пункт 8.3 Решения).

Комитет напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному случаю осуществляется судами государств - участников Конвенции, только если не будет выявлено, что оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии <1> (пункт 8.4 Решения).

<1> См. Юнгелин против Швеции (сноска 7 выше), пункт 10.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: ... Комитет считает, что автор не представил каких-либо аргументов, которые позволили бы Комитету сделать вывод о том, что положения национального законодательства и его применение представляют собой нарушение его индивидуальных прав, предусмотренных Конвенцией. Комитет также считает, что Государственный совет тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Университетом Модены и Реджо-Эмилии, прежде чем сделать

вывод о том, что отказ в приеме на работу автора не носил дискриминационный характер. Комитет считает, что автор не представил каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная Государственным советом оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет постановляет, что вынесенное решение было основано на объективных и разумных соображениях (пункт 8.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет по правам инвалидов полагает, что представленные ему факты не представляют собой нарушения статьи 27 Конвенции (пункт 9 Решения).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

См. приведенное выше X. и Y. против Грузии. Сообщение N 24/2009. Решение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин 13 июля 2015 г.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 63053/09 «Мисюкевич против России» (вынесено и вступило в силу 30 апреля 2015 года).

Заявитель жаловался, что условия его содержания под стражей в ходе предварительного следствия нарушали статью 3 Конвенции.

Власти Российской Федерации предоставили одностороннюю декларацию. В частности, они признали, что условия содержания под стражей в следственном изоляторе не соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции, и выразили готовность выплатить заявителю 3765 евро в качестве справедливой компенсации. Они также ходатайствовали перед Судом об исключении жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, согласно статье 37 Конвенции (пункт 12 постановления).

Европейский Суд установил, что «даже если метод расчета, используемый Властями Российской Федерации в отношении жалоб на условия содержания под стражей, не отвечает в точности руководящим принципам, установленным Судом в «пилотном» постановлении <1> ...важно то, что предлагаемые суммы не являются несправедливыми по сравнению с суммой, присуждаемой Европейским Судом в подобных делах» (пункт 19 постановления).

<1> См. постановление Европейского Суда от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против России» (Ananyev and Others v. Russia), жалобы N N 42525/07 и 60800/08.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «целесообразным является исключение жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в части, касающейся вышеуказанной жалобы» (пункт 21 постановления).

Заявитель также жаловался, что его право на справедливое судебное разбирательство было нарушено

в связи с отсутствием его защитника на судебном заседании кассационной инстанции. Он ссылался на пункт 1 и подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что в соответствии со статьей 51 УПК РФ «предоставление юридической помощи является обязательным, если подозреваемый или обвиняемый явным образом не отказался от нее, за исключением определенной категории дел, когда от этого права вообще нельзя отказаться... [В] настоящем деле интересы заявителя в производстве в суде первой инстанции представлял адвокат Ф., и не имелось указаний на то, что заявитель намеревался отказаться от юридической помощи в суде кассационной инстанции» (пункт 28 постановления).

Суд также подчеркнул, что «...любой отказ должен был быть заявлен в письменном виде, и об этом должна была быть сделана отметка в протоколе данного следственного действия... [С]ледовательно, тот факт, что защитник, представлявший интересы заявителя в суде первой инстанции, не присутствовал на заседании суда кассационной инстанции, не подразумевает отказа от юридической помощи» (пункт 28 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...поскольку заявитель был лишен юридической помощи в суде кассационной инстанции, областной суд мог воспользоваться другими процедурами ... [О]н мог или назначить другого адвоката... или отложить заседание в целях обеспечения присутствия адвоката позднее» (пункт 30 постановления).

Суд пришел к выводу, что принцип справедливого судебного разбирательства не был соблюден и в связи с этим имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 43231/04 «Копаницин против России» (вынесено 12 марта 2015 г., вступило в силу 12 июня 2015 г.).

Заявитель жаловался, в частности, на то, что условия его содержания под стражей в следственном изоляторе являлись бесчеловечными и унижающими достоинство, а также что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия... не имело соответствующего и достаточного обоснования.

Власти Российской Федерации признали, что заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе в условиях, не соответствующих требованиям статьи 3 Конвенции, а также без надлежащего обоснования в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, и предложили выплатить Копаницину Д.Ю. 4810 евро в качестве справедливой компенсации. Однако заявитель отказался от предложенной суммы, посчитав ее недостаточной.

Европейский Суд в связи с этим пришел к выводу, что «... даже если указанная сумма не соответствует в точности суммам, присуждаемым Судом в аналогичных случаях, важно то, что указанная сумма не является необоснованной в сравнении с ними...[С] учетом вышеизложенного будет целесообразным прекратить производство по жалобе в части, касающейся бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержа-

ния заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/1 в городе Москве в период с 23 июля по 10 сентября 2004 года и отсутствия соответствующих и достаточных оснований для его содержания под стражей в ходе предварительного следствия» (пункты 29, 32 постановления).

Заявитель [также] жаловался на нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия являлось незаконным, так как основания для него, указанные внутригосударственными судами, не имели отношения к делу и не являлись достаточными.

Европейский Суд отметил, что «... выражения «законный» и «в соответствии с предусмотренной законом процедурой» в пункте 1 статьи 5 относятся к национальному законодательству и определяют обязательство по соблюдению его материально-правовых и процессуальных норм... заявитель не оспаривал тот факт, что все периоды его содержания под стражей были санкционированы постановлениями суда. Он также отмечает, что при вынесении таких постановлений соответствующие суды действовали в рамках своей компетенции. Не имеется никаких оснований предполагать, что указанные постановления являлись недействительными или незаконными в соответствии с внутригосударственным законодательством в той мере, в какой они санкционировали содержание заявителя под стражей» (пункт 36 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «...данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 37 постановления).

Кроме того, заявитель жаловался, что рассмотрение его жалобы в Суд прокурором и задержки его переписки ... привели к нарушению его права на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «...жалоба, направленная заявителем в Суд, попала в прокуратуру города Москвы, где была вскрыта и рассмотрена должностным лицом, которое направило заявителю несколько ответов, утверждая, что жалоба в Суд являлась преждевременной и что она не соответствовала критерию приемлемости, установленному Конвенцией» (пункт 42 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...вскрытие и рассмотрение письма прокурором имело сдерживающ[е]е воздействие в отношении осуществления права заявителя на подачу индивидуальной жалобы, с целью разубедить или воспрепятствовать подаче им жалобы. Следовательно, Власти государства-ответчика не исполнили свои обязательства, предусмотренные статьей 34 Конвенции» (пункт 43 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 13810/04 «Шамардаков против России» (вынесено 30 апреля 2015 г., вступило в силу 30 июля 2015 г.).

Заявитель утверждал, со ссылкой на пункт 1 и подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, что он был ли-

шен права на справедливое судебное разбирательство вследствие использования национальными судами доказательств, полученных в результате жестокого обращения в его отношении и в отсутствие адвоката во время его задержания милицией.

Европейский Суд напомнил, что «...использование в поддержку уголовного дела показаний, полученных вследствие нарушения статьи 3 - нарушение квалифицируется как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение - автоматически лишает судебное разбирательство справедливости в целом и обуславливает нарушение статьи 6» (пункт 154 постановления).

Суд установил, что «...несмотря на то, что был допрошен свидетель, показания которого были даны в поддержку алиби заявителя, суд отказался учитывать эти показания и, следовательно, аргументы, представленные заявителем в качестве алиби, на том основании, что они противоречили показаниям, данным заявителем в милиции вскоре после его задержания» (пункт 155 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...независимо от влияния, которое первоначальные показания заявителя, данные в милиции в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, могли оказать на исход разбирательства против него, их сохранение в материалах дела лишило справедливости данное разбирательство в целом... [Т]аким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 157, 158 постановления).

В отношении использования показаний, полученных в отсутствие адвоката, Суд отметил, что «... в соответствии с общепринятыми международными нормами обвиняемый должен (как только он лишается свободы) иметь возможность воспользоваться помощью адвоката, независимо от проведения допросов... справедливое судебное разбирательство требует возможности получения обвиняемым всего спектра мер, которые относятся к консультированию. В связи с этим, обсуждение дела, организация защиты, поиск доказательств в пользу обвиняемого, подготовка к допросам, поддержка обвиняемого в данной ситуации и контроль условий содержания под стражей являются основными элементами защиты, к которым должен обращаться адвокат» (пункт 164 постановления).

Судом обращено внимание на то, что «... решени[е] Конституционного [С]уда <1>, на которое ссылаются Власти... только подкрепляет принцип, сформулированный в кодексе, в результате которого эффективное осуществление своих прав подозреваемым напрямую зависит от его фактического статуса, а также тот факт, что данный аспект усматривается следственными действиями как один из признаков среди многих других в данном отношении» (пункт 165 постановления).

<1> Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

Европейский Суд пришел к выводу, что «...если установлено, что ограничение права заявителя на доступ к адвокату не было обосновано, не имеется, в принципе, необходимости определять, какое воздействие данное ограничение оказало на справедливость судебного разбирательства в целом, поскольку само понятие справедливости, закрепленное в статье 6 Конвенции, требует, чтобы обвиняемый мог воспользоваться помощью адвоката с начальных стадий допроса в милиции, если ограничение этого права не действует в исключительном порядке и по уважительной причине... [П]ри таких обстоятельствах... имело место нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 в сочетании с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя доступа к адвокату на момент представления своих показаний в милиции» (пункты 167, 168 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 39317/05 «Яиков против России» (вынесено 18 июня 2015 г., вступило в силу 18 сентября 2015 г.).

Яиков В.В., являясь душевнобольным, совершил преступление, после чего был задержан по подозрению в совершении убийства.

Заявитель утверждал, в частности, что помещение его в психиатрический стационар на стадии предварительного следствия по возбужденному против него уголовному делу являлось незаконным по смыслу статьи 5 Конвенции.

Суд отметил, что «помещение заявителя в психиатрический стационар являлось «законным», в узком смысле толкования данного термина, в виде формального соответствия факта поступления заявителя в стационар процессуальным и материальным нормам национального законодательства. Суд также соглашается с доводом о том, что именно национальные суды, действуя на основании находящихся в их распоряжении материалов и экспертных заключений по каждому конкретному делу, должны определять тип психиатрического учреждения, подходящий для обвиняемого» (пункт 60 постановления).

Европейский Суд отметил, что «... в контексте подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции правомерность помещения заявителя в психиатрический стационар в соответствии с национальным законодательством сама по себе не является решающим фактором. Также необходимо установить, соответствовало ли помещение заявителя в психиатрический стационар цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, направленной на недопустимость произвольного лишения свободы» (пункт 61 постановления).

Суд установил, что «медицинское обследование, назначенное национальным судом, было проведено в марте - июле 2004 года, а 16 июля 2004 года медицинские эксперты порекомендовали поместить заявителя в психиатрическое учреждение специализированного типа с интенсивным наблюдением по причине «обострения его заболевания». Заявитель поступил в стационар 13 января 2006 года. Суд также отмечает, что до принятия окончательного решения в январе 2006 года никаких других медицинских освидетельствований

в отношении необходимости продолжать содержание заявителя в психиатрическом учреждении специализированного типа с интенсивным наблюдением либо в отношении возможности применения любой другой, более мягкой меры пресечения, не назначалось, несмотря на тот факт, что заявитель в своей кассационной жалобе на помещение его в стационар высказал мнение о том, что в этом больше нет необходимости. Соответственно, заявитель поступил в стационар в январе 2006 года на основании медицинского заключения, датированного июлем 2004 года, то есть выданного примерно за полтора года до помещения заявителя в стационар» (пункт 64 постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу о том, что «... принимая во внимание неактуальность медицинского заключения, на основании которого заявитель был помещен в психиатрический стационар, отсутствие гарантий в соответствии с национальным законодательством, требующих пересмотра необходимости применения принудительных мер медицинского характера до их фактического осуществления, а также задержку осуществления перевода заявителя в период рассматриваемых событий, Суд считает, что содержание заявителя под стражей производилось в нарушение принципа, установленного подпунктом «е» пункта 1 статьи 5, согласно которому факт наличия психического заболевания, требующего помещения в стационар, должен устанавливаться в момент фактического осуществления данной принудительной меры медицинского характера» (пункт 66 постановления).

Также заявитель жаловался на то, что продолжительность судебного разбирательства по его делу не соответствовала требованию «разумного срока», установленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «период, рассматриваемый при определении длительности судебного разбирательства по уголовному делу, начинается в день, когда лицу «предъявлены обвинения» в самостоятельном и материально-правовом значении этого термина. Заканчивается рассматриваемый период в день, когда лицо признано виновным или уголовное дело прекращено» (пункт 72 постановления).

Период, который необходимо принимать во внимание по настоящему делу, начался 19 сентября 2003 г., когда заявитель был задержан и заключен под стражу, и закончился 25 декабря 2008 г., когда вынесенное постановление [о применении к нему принудительных мер медицинского характера в психиатрическом учреждении специализированного типа с интенсивным наблюдением] вступило в законную силу. Из этого следует, что период, который необходимо принимать во внимание, составляет 5 лет, 3 месяца и 8 дней. Данный период охватывает этап проведения расследования и рассмотрения дела судами двух инстанций: первой и кассационной, дважды рассматривавшим дело.

Суд отметил довод властей Российской Федерации о том, что существенная задержка в судебном разбирательстве была вызвана состоянием здоровья заявителя и что данная задержка имела место не по вине властей. Совокупная задержка, имевшая место, составила по меньшей мере четырнадцать месяцев. Три психиатрические экспертизы, включая одну, проведенную по ини-

циативе адвоката заявителя, заняли в общей сложности около двенадцати месяцев (пункт 76 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «за исключением восьмимесячной задержки, вызванной упущениями, имевшими место в ходе расследования, когда суды дважды возвращали дело заявителя прокурору для устранения процессуальных недостатков, Власти продемонстрировали достаточно добросовестное отношение к рассмотрению дела. Этап проведения расследования длился один год и один месяц. Первый этап рассмотрения дела в суде, включая кассационное производство, длился около шести месяцев. Второй этап рассмотрения дела судом, включая кассационное производство, длился около семи месяцев» (пункт 77 постановления).

Оценив в целом сложность дела, поведение сторон и общую длительность судебного разбирательства, Суд установил, что длительность разбирательства по настоящему делу не выходит за пределы срока, который может считаться разумным в контексте настоящего дела (пункт 78 постановления). Таким образом, нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции по настоящему делу допущено не было.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 33803/04 «Михальчук против России» (вынесено 23 апреля 2015 г., вступило в силу 23 июля 2015 г.).

Заявитель жаловался на то, что содержание его под стражей в ходе предварительного следствия не имело относимых и достаточных оснований по смыслу пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Суд установил, что второй период содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия продлился с 28 апреля 2003 г., когда он был взят под стражу, до 14 июля 2004 г., когда районный суд вынес ему обвинительный приговор за уголовные правонарушения. Общая продолжительность содержания под стражей, таким образом, составила один год, два месяца и семнадцать дней.

Суд повторно установил, что обоснование относительно тяжести обвинений «не может само по себе служить оправданием длительного периода содержания под стражей. Это тем более относится к делам вроде настоящего, в которых квалификация фактов - и, соответственно, наказания, которое грозило заявителю, - осуществлялась прокуратурой, а суд не рассмотрел вопрос о том, подтверждали ли полученные доказательства разумное подозрение, что заявитель якобы совершил преступление» (пункт 52 постановления).

Суд отметил, что «несмотря на то, что продление срока лишения свободы необходимо для оценки риска побега или рецидива у него, данную необходимость не следует оценивать с чисто абстрактной точки зрения, принимая во внимание лишь тяжесть преступления. Также длительный срок содержания под стражей не должен превосходить наказание в виде лишения свободы» (пункт 54 постановления).

Суд ранее отмечал, что «нельзя прийти к выводу о склонности человека к совершению новых преступлений только по причине отсутствия у него работы» (пункт 55 постановления).

Суд установил, что внутригосударственные суды не провели оценку личной ситуации заявителя, а также не привели особых оснований, подкрепленных доказательствами, для содержания его под стражей (пункт 56 постановления).

Европейский Суд напомнил, что, «принимая решение о продлении срока содержания лица под стражей или освобождении его из-под стражи, власти обязаны в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции рассмотреть альтернативные способы обеспечения явки лица в суд. ... В настоящем деле в большинстве своих решений внутригосударственные суды установили, что они не усматривали оснований отменять меру пресечения или применять более мягкую меру пресечения. Однако они не объяснили в своих решениях, почему такие альтернативные меры не могли обеспечить должное отправление правосудия» (пункт 57 постановления).

Суд пришел к выводу, что «не рассмотрев отдельные факты или надлежащим образом не рассмотрев меры пресечения, а также ссылаясь главным образом на тяжесть обвинений, органы власти продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, будучи «относимыми», не могут считаться «достаточными». Они, таким образом, не смогли обосновать длительное лишение заявителя свободы в течение более одного года и двух месяцев. В этих обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, велось ли производство «необходимой тщательностью» (пункт 58 постановления). Таким образом, имело место нарушение требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 41675/08 «Фанзиева против России» (вынесено 18 июня 2015 г., вступило в силу 18 сентября 2015 г.).

Заявитель жаловалась, со ссылкой на статью 2 Конвенции, на то, что ее дочь выбросили из окна сотрудники милиции и что по данному факту не было проведено эффективного расследования.

Европейский Суд напомнил, что «...в тех случаях, когда смерть наступает в условиях, потенциально предполагающих ответственность государства, статья 2 налагает на государство обязанность всеми имеющимися в его распоряжении способами, в судебном или ином порядке, отреагировать на данную ситуацию таким образом, чтобы законодательные и административные нормы, установленные в целях защиты права на жизнь, были должным образом соблюдены, а любые нарушения права на жизнь - пресечены и наказаны» (пункт 51 постановления).

Суд отметил, что «...уголовное дело по факту смерти [дочери заявителя] так и не было возбуждено... несмотря на возражения заявител[я], национальные власти необъяснимым образом отказывались расследовать обстоятельства смерти в отделении милиции и сосредоточили свои усилия на розыске неизвестного сотрудника милиции» (пункт 52 постановления).

Судом обращено внимание на то, что «...в контексте российской правовой системы так называемая «доследственная проверка» сама по себе не способна

привести к наказанию виновных, поскольку предпосылками для выдвижения обвинений против подозреваемых являются возбуждение уголовного дела и начало проведения уголовного расследования, материалы которых впоследствии могут быть рассмотрены судом» (пункт 53 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...отказ возбудить уголовное дело в ситуации, когда лицо скончалось или серьезно пострадало во время нахождения под стражей в милиции, сам по себе являлся серьезным нарушением национальных процессуальных норм, способным поставить под сомнение действительность любых собранных доказательств... [т]ем самым, по делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте» (пункт 53 постановления).

Что касается предполагаемого нарушения права дочери заявителя на жизнь, то Европейский Суд отметил, что он считает наиболее убедительной версию о том, что ее смерть «...стала результатом ее неудачной попытки сбежать из отделения милиции» (пункт 56 постановления).

Однако Судом было также обращено внимание на то, что «...обязательство по защите здоровья и благополучия лиц, находящихся в заключении, явно включает в себя обязательство по защите жизни арестованных и задержанных лиц от обозримых рисков... существуют определенные основные меры предосторожности, которые должны применять сотрудники милиции в целях сведения к минимуму любого потенциального риска» (пункт 57 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «... было бы чрезмерным требовать от государств установку решеток на каждое окно в отделениях полиции для предотвращения столь трагических событий, какие имели место по настоящему делу... [Т]ем не менее, это не освобождает государства от их обязанности по защите жизни арестованных и задержанных от обозримых рисков в соответствии со статьей 2 Конвенции... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции» (пункты 59, 60 постановления).

Заявитель также жаловалась на то, что в отделении милиции ее дочь подверглась жестокому обращению и что по данному факту не было проведено эффективного расследования в нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...[п]ринимая во внимание обязательство властей нести ответственность за вред, причиненный лицам, находящимся под их контролем в период пребывания под стражей, и в отсутствие убедительных и правдоподобных объяснений Властей по настоящему делу, Суд полагает, что из поведения Властей он может сделать соответствующие логичные выводы, и считает установленным согласно требуемому стандарту доказывания в рамках рассмотрения дел о нарушении положений Конвенции тот факт, что телесные повреждения [дочери заявителя] явились результатом обращения, за которое несут ответственность власти Российской Федерации» (пункт 73 постановления).

Следовательно, Суд установил, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте.

Что касается процессуального аспекта указанной выше статьи, то Европейский Суд подчеркнул, что «...важными факторами для проведения эффективного расследования, рассматриваемыми как критерии решимости властей в отношении выявления и судебного преследования виновных лиц, являются его срочность и разумная оперативность... В рамках настоящего дела власти начали расследование... спустя два месяца после предполагаемого жестокого обращения... Подобная задержка сама по себе была способна повлиять на ход расследования» (пункт 77 постановления).

Судом обращено внимание на то, что «...органы, отвечающие за расследование факта превышения должностных полномочий, которое неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, и тем самым затянулось на годы и все еще не принесло каких-либо значимых результатов, для выявления виновного лица сделали крайне мало. Например, распоряжение об изучении материалов дела... оставалось невыполненным почти пять лет... Более того, представляется, что когда следователи все же решили осуществить определенные мероприятия, они сосредоточили свои усилия на бесцельных действиях» (пункт 78 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что расследование, проведенное по факту жестокого обращения с дочерью заявителя, не являлось тщательным, адекватным и эффективным и тем самым по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 12993/05 «Александр Дмитриев против России» (вынесено 7 мая 2015 г., вступило в силу 7 августа 2015 г.).

Заявитель жаловался, что условия его содержания под стражей в следственном изоляторе нарушили статью 3 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «...что в каждой камере, в которой содержался заявитель, количество заключенных не превышало количества спальных мест... заявитель не смог конкретизировать свое описание якобы бесчеловечных и унижающих достоинство условий его содержания под стражей... а также подтвердить свои заявления о переполненности камер какими-либо соответствующими документами, такими как, например, письменные заявления других заключенных, содержащихся совместно с ним» (пункты 37, 39 постановления).

Соответственно Суд пришел к выводу, что «...общие условия содержания заявителя под стражей... [не] достигли того порога жестокости, который характеризует соответствующее обращение как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции... Следовательно, соответствующая жалоба заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции является явно необоснованной» (пункты 40, 41 постановления).

Заявитель также жаловался на отсутствие в его распоряжении, в нарушение статьи 13 Конвенции, эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении его жалоб на условия содержания под стражей.

Суд отметил, что «... жалоба по статье 13 Конвенции может быть подана только в совокупности с «небезосновательной» материально-правовой жалобой... жалобы заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции... являются явно необоснованными и, вследствие этого, неприемлемыми. ... Следовательно, жалоба, поданная в соответствии со статьей 13 Конвенции, также является явно необоснованной» (пункты 42, 43 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что продолжительность его содержания под стражей в ходе предварительного следствия противоречила пункту 3 статьи 5 Конвенции.

Суд напомнил, что именно «...национальные судебные органы должны обеспечить, чтобы в рамках каждого конкретного дела продолжительность содержания под стражей обвиняемого не превышала разумный срок. Для этого они должны, уделяя должное внимание принципу презумпции невиновности, исследовать все факты, которые могут свидетельствовать «за» или «против» наличия общественного интереса, оправдывающего отступление от правила, закрепленного в статье 5 Конвенции, и изложить их в своих решениях по ходатайствам об освобождении» (пункт 55 постановления).

Европейский Суд установил, что «...национальные суды не оценили личную ситуацию заявителя и не привели подтверждающиеся доказательными выводами конкретные обоснования в пользу содержания его под стражей» (пункт 57 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «...без рассмотрения конкретных фактов и возможности применения альтернативных «мер пресечения», а ссылаясь, главным образом, на тяжесть предъявленных обвинений, органы власти продлевали срок содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия по основаниям, которые, хоть и являются «соответствующими», тем не менее, не могут считаться «достаточными»... Следовательно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции» (пункты 59, 60 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 16412/06 «Александр Валерьевич Казаков против России» (вынесено 4 декабря 2014 г., вступило в силу 20 апреля 2015 г.).

Заявитель жаловался, со ссылкой на статью 6 Конвенции, что суд первой инстанции не обеспечил присутствие свидетеля стороны обвинения и свидетелей стороны защиты.

Европейский Суд установил, что «...суд первой инстанции направил судебное извещение по известному адресу [свидетеля обвинения]... Однако, когда свидетель не явился в суд - после телефонного звонка, сделанного предположительно его женой, сообщившей суду, что он уехал в служебную командировку - суд не предпринял дополнительных мер по выяснению обстоятельств отсутствия свидетеля, обошелся без повторного вызова его в суд и приступил к оглашению его показаний» (пункт 32 постановления).

Суд отметил, что он «...не считает, что задержка в судопроизводстве с целью получения показаний сви-

детеля - тем более для прояснения вопроса его появления на суде, где заявитель был обвинен в серьезном преступлении и ему грозил большой срок тюремного заключения - явилась непреодолимым препятствием для своевременности проводимого разбирательства» (пункт 33 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «... к оценке показаний других обвиняемых должна применяться более высокая степень контроля, поскольку положение, в котором находятся сообщники во время дачи показаний, отличается от показаний обычных свидетелей. Они не дают свои показания под присягой, то есть не заявляют об истинности своих заявлений, что в ином случае могло бы подвергнуть их наказанию за умышленную дачу ложных показаний» (пункт 35 постановления).

Суд установил, что «...показания, которые были даны [свидетелем обвинения] во время предварительного следствия и зачитанные городским судом, являлись если не единственным, то, по крайней мере, решающим доказательством против заявителя. Они, совершенно очевидно, являлись весомым доказательством и без них шансы стороны обвинения значительно бы уменьшились» (пункт 35 постановления).

Учитывая тот факт, что «... органы власти не приложили надлежащих усилий для обеспечения присутствия [свидетеля обвинения] на суде, что... заявителю не была предоставлена возможность допросить свидетеля, чьи показания имели решающее значение для установления того, был ли виновен заявитель в преступлении, в котором он был позже признан виновным, и что... органы власти не смогли компенсировать трудности, которые испытала сторона защиты ввиду принятия показаний [свидетеля обвинения] в качестве доказательства», Суд посчитал, что имело место нарушение пунктов 1 и 3 (г) статьи 6 Конвенции (пункт 37 постановления).

Что касается жалоб заявителя на то, что национальные суды отказали ему в допросе свидетелей защиты в суде, Европейский Суд отметил, что «...справедливость уголовного производства в отношении заявителя была подорвана ограничениями, наложенными на права стороны защиты ввиду отсутствия возможности встретиться со свидетелем стороны обвинения... Таким образом [нет необходимости] отдельно рассматривать, была ли справедливость судопроизводства также нарушена невозможностью заявителя допросить свидетелей стороны защиты» (пункт 38 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся по адресу: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

Управление систематизации
законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда
Российской Федерации

Обобщена судебная практика рассмотрения судами в 2015 году дел об усыновлении детей иностранными гражданами и россиянами, проживающими за рубежом.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
27 апреля 2016 г.

**ОБЗОР
ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ В 2015 ГОДУ ОБЛАСТНЫМИ
И РАВНЫМИ ИМ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ
ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ ИЛИ ЛИЦАМИ
БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, А ТАКЖЕ ГРАЖДДАНАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСТОЯННО
ПРОЖИВАЮЩИМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Верховным Судом Российской Федерации проведено обобщение практики рассмотрения судами в 2015 году дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (далее - международное усыновление).

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении указанной категории дел судами в целом соблюдаются требования действующего законодательства, регулирующего вопросы усыновления детей, а также учитываются разъяснения, данные Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 20 апреля 2006 г. N 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 17 декабря 2013 г. N 37.

Статистические данные

Результаты проведенного обобщения свидетельствуют о том, что тенденция к снижению количества дел указанной категории, которая имела место в предыдущие годы (2011 - 2014 годы), в 2015 году сохранилась.

Так, в 2015 году с вынесением решения областными и равными им судами рассмотрено 670 дел о международном усыновлении (из них с удовлетворением требования - 663 дела), что на 29,3% меньше, чем в 2014 году и на 46,3% меньше, чем в 2013 году. По сравнению с 2012 годом в 2015 году количество дел о международном усыновлении, рассмотренных с вынесением решения, уменьшилось на 72,4%, а по сравнению с 2011 годом - на 78,2%.

Рисунок (не приводится)

При этом следует отметить, что количество дел об усыновлении детей российскими гражданами остается стабильно высоким.

Так, в 2015 году с вынесением решения судами рассмотрено 14 185 дел по заявлениям граждан Российской Федерации об усыновлении детей, из которых с удовлетворением требования - 14 085 дел, что в 21 раз больше, чем за этот же период рассмотрено с удовлетворением заявления дел о международном усыновлении детей (663 дела).

В 2015 году наибольшее количество дел о международном усыновлении с вынесением решения рассмотрено Санкт-Петербургским городским судом (71 дело), Кемеровским областным судом (70 дел), Приморским краевым судом (59 дел), Пермским краевым судом (40 дел), Ленинградским областным судом (30 дел), Челябинским областным судом (29 дел).

Как и в предыдущие два года (2013 - 2014 годы), в 2015 году чаще всего российских детей усыновляли граждане Италии (57% дел, рассмотренных с удовлетворением заявления), граждане Испании (17,5%) и граждане Франции (5,9%).

Абсолютное большинство дел данной категории рассмотрены в установленный частью 1 статьи 154 ГПК РФ двухмесячный срок со дня поступления заявления в суд, и только по 6 делам (из 692 дел, оконченных в 2015 году) этот срок был нарушен.

Принятие заявления об усыновлении

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что судьями правильно разрешается вопрос о возможности принятия заявления об усыновлении к производству суда.

Как показало обобщение судебной практики, заявления о международном усыновлении, с которыми усыновители обращались в суды в 2015 году, нередко по форме и содержанию не отвечали как общим требованиям, предъявляемым статьей 131 ГПК РФ к исковому заявлению, так и специальным требованиям, закрепленным в статье 270 ГПК РФ, а также положениям статьи 271 ГПК РФ, устанавливающим перечень необходимых документов, которые должны быть приложены к заявлению об усыновлении.

Такие заявления оставались судьями без движения, заявителям предоставлялся срок для устранения недостатков. При невыполнении в установленный срок указаний судьи заявление возвращалось заявителю на основании части 2 статьи 136 ГПК РФ.

Например, на основании указанной нормы судьями Волгоградского областного суда 17 раз возвращались заявления об усыновлении. При этом заявление одной супружеской пары возвращалось 5 раз, другой пары - 3 раза, третьей пары - 2 раза, остальные 7 заявлений - по одному разу. Впоследствии, после повторного обращения в суд и устранения недостатков, 9 ранее возвращенных заявлений об усыновлении были приняты к производству суда и рассмотрены по существу (всего Волгоградским областным судом в 2015 году с вынесением решения рассмотрено 26 дел о международном усыновлении).

Основаниями для оставления заявлений без движения в 2015 году, как и в 2014 году, как правило, являлись непредставление заявителями (их представителями) вместе с заявлением всех необходимых документов, предусмотренных статьей 271 ГПК РФ (в частности, разрешения компетентного органа соответствующего государства на въезд усыновляемого ребенка в это государство и его постоянное жительство на территории этого государства; документа о постановке на учет граждан в качестве кандидатов в усыновители; справок с места работы о заработной плате

либо копии декларации о доходах или иного документа о доходах; заключения компетентного органа государства, гражданами которого являются усыновители, об условиях их жизни и о возможности быть усыновителями; документа о прохождении в установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей), либо представление документов, не отвечающих установленным требованиям (например, несоблюдение порядка проставления апостиля, предусмотренного статьей 4 Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов; представление документов с истекшими сроками их действия, не в подлинниках, а в копиях, не переведенных на русский язык либо содержащих неправильный перевод).

С учетом того, что международное усыновление, как правило, осуществляется при содействии представительства иностранного государственного органа или организации по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации, получивших соответствующие разрешения на осуществление деятельности по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации, указанные выше недостатки заявлений об усыновлении и документов, прилагаемых к ним, свидетельствуют об имеющихся недочетах в работе данных представительств по надлежащей подготовке необходимых материалов иностранных граждан для обращения в суд с заявлением об усыновлении ребенка.

При принятии заявления об усыновлении детей судьи учитывали положения статьи 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. N 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», согласно части 1 которой запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей.

Так, в 2015 году на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ со ссылкой на статью 4 названного выше Федерального закона от 28 декабря 2012 г. N 272-ФЗ правильно отказано в принятии двух заявлений, поданных лицами, имеющими гражданство США (Верховный Суд Республики Татарстан, Ростовский областной суд).

Соблюдение судами положений статьи 273 ГПК РФ.
Учет мнения ребенка (статья 57 Семейного кодекса Российской Федерации)

Согласно статье 273 ГПК РФ дела об усыновлении ребенка должны рассматриваться с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя ор-

гана опеки и попечительства, прокурора, а также ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет.

Обобщение судебной практики показало, что указанное требование закона в 2015 году (как и в 2014 году) неукоснительно соблюдалось областными и равными им судами.

Исходя из положений статьи 57 Семейного кодекса Российской Федерации (далее - СК РФ), которыми закреплено право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного разбирательства, суды во всех случаях выясняли мнение детей, достигших возраста десяти лет, по вопросу их усыновления непосредственно в судебном заседании. При этом суды учитывали, что в соответствии со статьей 57 и пунктом 1 статьи 132 СК РФ для усыновления ребенка, достигшего указанного возраста, необходимо его согласие.

Например, при рассмотрении Владимирским областным судом дела об усыновлении гражданами Италии двоих детей (брата и сестры) старше десяти лет девочка дала согласие на ее удочерение при условии, что она будет удочерена вместе с братом, поскольку разлучаться с ним не хочет, между тем мальчик выразил несогласие на его усыновление. Учитывая данные обстоятельства и приняв отказ усыновителей от заявленных требований, суд прекратил производство по делу.

В случае, когда усыновители желали изменить фамилию, имя и отчество усыновленного ребенка, достигшего возраста десяти лет, суды, исходя из положений пункта 4 статьи 134 СК РФ, выявляли также и согласие ребенка на возможность внесения указанных изменений.

По ряду дел в судебном заседании опрашивались дети младше десятилетнего возраста, если суд приходил к выводу о том, что усыновляемый ребенок достиг достаточной степени развития и способен в силу этого сформулировать свои собственные взгляды по вопросу его усыновления.

В этих целях Иркутским областным судом, в частности, выяснялось мнение руководителя детского учреждения, где находится ребенок, представителя органа опеки и попечительства. Позиция данных лиц по указанному вопросу основывалась на результатах проведенного в детском учреждении тестирования ребенка, заключениях врачей, педагога-психолога и социального педагога относительно того, достиг ли ребенок достаточной степени развития и способен ли он сформулировать свои собственные взгляды, а также не отразится ли негативно опрос ребенка в суде на его психическом или физическом состоянии.

Мнение детей в возрасте до десяти лет по вопросу их усыновления путем их опроса в судебном заседании выяснялось, в частности, также Верховным Судом Республики Коми, Приморским краевым судом, Владимирским, Волгоградским, Калининградским, Нижегородским и Смоленским областными судами, судом Еврейской автономной области.

Например, Верховным Судом Республики Коми из 15 детей указанного возраста в судебном заседании было опрошено 5 детей (всего в 2015 году на основа-

нии решения Верховного Суда Республики Коми усыновлен 21 ребенок).

Указанная практика является правильной, поскольку она согласуется с положениями статьи 57 СК РФ и статьи 12 Конвенции о правах ребенка и позволяет рассмотреть дело об усыновлении максимально с учетом интересов конкретного ребенка.

Соблюдение условий передачи детей на международное усыновление (пункт 4 статьи 124 СК РФ)

Учитывая, что в соответствии с пунктом 4 статьи 124 СК РФ иностранные граждане и лица без гражданства вправе усыновить российских детей, если невозможно передать усыновляемого ребенка на воспитание в семье граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам этого ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников, а также если истекли двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, суды проверяли указанные обстоятельства при рассмотрении каждого дела об усыновлении.

В этих целях суды, в частности, проверяли, какие меры были приняты органами опеки и попечительства, региональным и федеральным операторами по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи родственников детей, если таковые имелись, а также в семьи граждан Российской Федерации, когда и кому из российских граждан предлагался ребенок, по каким причинам указанные лица отказались от принятия ребенка на воспитание в семью (на усыновление, под опеку (попечительство), в приемную семью), с какого времени сведения о ребенке находятся в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и правильно ли были указаны сведения о ребенке (о его возрасте, состоянии здоровья), размещались ли сведения о ребенке в средствах массовой информации.

Указанные обстоятельства, как правило, устанавливались судом путем исследования письменных доказательств, представляемых органами опеки и попечительства, федеральным и региональным операторами.

В необходимых случаях суд опрашивал в судебном заседании лиц, которые знакомы со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания в иных формах, а также родственников ребенка.

Названные лица в целях их опроса вызывались в судебное заседание, в частности, Верховным Судом Республики Коми, Верховным Судом Республики Бурятия, Забайкальским и Красноярским краевыми судами, Санкт-Петербургским городским судом, Волгоградским, Иркутским, Калининградским, Ленинградским и Смоленским областными судами, судом Еврейской автономной области.

При рассмотрении ряда дел суд, рассматривающий дело об усыновлении, в соответствии со статьей 62 ГПК РФ, поручал суду по месту жительства родственников усыновляемых детей либо лиц, которые знакомы со сведениями о ребенке и отказались от его усыновле-

ния или семейного воспитания, опросить этих лиц по обстоятельствам рассматриваемого дела.

Например, Верховным Судом Республики Коми в 2015 году по 6 делам из 19 дел о международном усыновлении, рассмотренных этим судом в 2015 году с вынесением решения, направлялись судебные поручения о допросе родственников усыновляемого ребенка по месту их жительства.

В тех случаях, когда суды выясняли, что до подачи усыновителями заявления в суд об усыновлении надлежащие меры по установлению родственников ребенка приняты не были, суды предлагали органам опеки и попечительства принять меры к установлению родственников ребенка.

Например, при рассмотрении Липецким областным судом дела об усыновлении ребенка гражданами Италии суд предложил органу опеки и попечительства установить родственников (совершеннолетних братьев, сестер, дедушек, бабушек, прабабушек, прадедушек, тетей, дядей) ребенка и опросить их о возможности устройства ребенка в их семье. Органы опеки и попечительства представили суду списки установленных родственников (совершеннолетние брат и сестра, два дяди и одна тетя), а также их письменные заявления, в которых родственники ребенка указали на невозможность взять ребенка в свои семьи, а также на то, что они не возражают против усыновления ребенка.

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что, как и в предыдущие годы, в большинстве случаев отказ российских граждан от принятия детей на воспитание в свои семьи был обусловлен состоянием здоровья передаваемых на усыновление детей, наличием у них отягощенной наследственности. В некоторых случаях на такой отказ влияли возраст детей, его внешние данные, пол, неблагоприятный социальный статус его родителей.

Родственники детей, как правило, отказывались взять ребенка на воспитание в свою семью со ссылкой на тяжелое материальное положение, отсутствие надлежащих жилищных условий, преклонный возраст, наличие собственных несовершеннолетних детей, а также на состояние здоровья усыновляемых детей.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о том, что имеется возможность передать детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей, суды принимали решение об отказе в удовлетворении заявления об усыновлении детей иностранными гражданами либо прекращали производство по делу в связи с отказом заявителей от заявления.

Так, Смоленский областной суд по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии отказал в удовлетворении заявления об усыновлении, поскольку при рассмотрении дела судом в том числе была установлена возможность устройства ребенка в семью его тети - родной сестры отца ребенка, которая в судебном заседании выразила намерение взять ребенка на воспитание в свою семью. В этих целях указанный родственник ребенка подала заявление

на установление опеки над ребенком и ею получены необходимые для этого документы, она забирала ребенка к себе на каникулы и в выходные дни. Кроме того, она пояснила, что родители ребенка в конце августа 2015 года навещали его в доме-интернате, планируют восстановиться в родительских правах, они подарили ему мобильный телефон и перезваниваются с ребенком. Ребенок, со слов родственников, не хочет уезжать за границу, о чем заявил родителям и тете. Другая тетя ребенка в судебном заседании также пояснила, что неоднократно навещала ребенка в детском учреждении, последний раз вместе с его родителями. Ребенок узнал маму, был рад встрече, спрашивал, когда родители его заберут, плакал, говорил, что не хочет уезжать за границу, в Италию. Данный родственник также подтвердила, что сестра отца ребенка приняла решение оформить опеку над ним и ее супруг не возражает против этого.

Решением Забайкальского краевого суда также отказано в удовлетворении заявления граждан Испании об усыновлении несовершеннолетнего в связи с тем, что в ходе судебного разбирательства было установлено, что не все предусмотренные законом условия для передачи ребенка на воспитание в семью иностранных граждан были соблюдены, а именно не исчерпаны все возможные меры и способы к устройству усыновляемого в семьи российских граждан, поскольку сведения о ребенке активно предлагались для ознакомления российским гражданам лишь в 2012 году. Кроме того, в судебном заседании был допрошен гражданин Российской Федерации, в семье которого воспитывается родная сестра усыновляемого, который пояснил, что они с супругой на протяжении длительного времени обсуждают возможность взять этого ребенка под опеку и в настоящее время они собирают документы на установление опеки. С учетом названных обстоятельств суд правильно пришел к выводу о том, что передача несовершеннолетнего на усыновление гражданам Испании в указанном случае не будет соответствовать интересам ребенка и повлечет нарушение как его прав, так и прав граждан Российской Федерации.

При рассмотрении Красноярским краевым судом дела об усыновлении ребенка гражданами Испании было установлено, что у несовершеннолетней есть родственник - ее дядя, сведений о котором в материалах личного дела ребенка не имелось, и его мнение относительно возможности принять ребенка на воспитание органами опеки и попечительства до обращения заявителей в суд не выяснялось. Поскольку дядя несовершеннолетней в судебном заседании выразил твердое намерение принять девочку в свою семью на воспитание и удочерить ее, каких-либо препятствий для этого судом установлено не было, а также учитывая, что органом опеки и попечительства дано заключение о том, что удочерение либо установление над несовершеннолетней опеки дядей ребенка и его супругой будет отвечать интересам ребенка, суд, приняв отказ граждан Испании от заявления об удочерении ребенка, прекратил производство по делу.

Иркутским областным судом был выявлен факт обращения (после возбуждения судом дела по заявле-

нию граждан Испании об усыновлении несовершеннолетнего) тети усыновляемого ребенка в органы опеки и попечительства с заявлением о передаче племянника на воспитание в ее семью. В связи с этим по ходатайству представителя органа опеки и попечительства определением Иркутского областного суда производство по делу было приостановлено до разрешения вопроса об установлении опеки над усыновляемым ребенком указанным лицом. Впоследствии производство по делу было прекращено ввиду отказа граждан Испании от заявления об усыновлении. Причиной, послужившей основанием для отказа от заявления, явилось установление над ребенком опеки с назначением ему в качестве опекуна его тети.

В другом случае Иркутский областной суд, рассматривая одно из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии, установил, что после возбуждения гражданского дела об усыновлении в отношении усыновляемого ребенка установлено отцовство гражданином Российской Федерации и мальчик из детского учреждения передан на воспитание в семью своего биологического отца. Приняв отказ заявителей от заявления, суд также прекратил производство по данному делу.

По двум делам, находившимся в производстве Забайкальского краевого суда, об усыновлении детей гражданами Испании, усыновители также отказались от заявленных требований в связи с устройством усыновляемых детей в семьи их родственников. В одном случае усыновляемого ребенка пожелал взять на воспитание его старший брат, а в другом случае намерение взять ребенка в свою семью выразил дядя ребенка.

Указанные факты свидетельствуют о том, что на момент подачи заявления об усыновлении в суд органами опеки и попечительства не были приняты исчерпывающие меры для выявления всех родственников ребенка и устройства ребенка в семьи этих родственников.

При рассмотрении дел об усыновлении суды проверяли, имеется ли согласие родителей на усыновление ребенка, а также в какой форме дано такое согласие (статья 129 СК РФ). Усыновление без согласия родителей допускалось судами с соблюдением требований статьи 130 СК РФ, при этом в случае усыновления ребенка, родители которого были лишены родительских прав, суды, исходя из требований пункта 6 статьи 71 СК РФ, также проверяли, истек ли шестимесячный срок со дня вынесения решения суда о лишении родителей родительских прав.

Так, Кемеровским областным судом было приостановлено производство по делу об усыновлении ребенка гражданами Италии, поскольку на момент рассмотрения дела в областном суде не истек шестимесячный срок со дня вынесения решения суда о лишении его родителей родительских прав.

Алтайский краевой суд, установив, что мать усыновляемых детей обратилась в районный суд с заявлением о восстановлении в родительских правах, также приостановил производство по делу об усыновлении детей гражданами Италии (до разрешения гражданского дела по заявлению матери усыновляемых о восстановлении ее в родительских правах).

Разрешение вопроса о возможности усыновления детей отдельно от их братьев и сестер (пункт 3 статьи 124 СК РФ)

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении заявления об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, также оставшихся без попечения родителей, в отношении которых вопрос об усыновлении заявителями не ставился, суды исходили из положений пункта 3 статьи 124 СК РФ, согласно которым усыновление братьев и сестер разными лицами не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей.

В связи с этим суды, в частности, проверяли, имеются ли у усыновляемого ребенка несовершеннолетние братья и сестры (как полнородные, так и неполнородные), относятся ли они к категории детей, оставшихся без попечения родителей, проживал ли усыновляемый ребенок совместно с братьями и сестрами, находятся они на время рассмотрения дела в одном либо в разных детских учреждениях, знает ли усыновляемый ребенок о существовании у него братьев и сестер, общаются ли дети между собой, испытывают ли они взаимную привязанность друг к другу, могут ли дети по состоянию здоровья жить и воспитываться вместе.

Имели место случаи, когда усыновители, узнав о существовании у усыновляемого ребенка брата или сестры, принимали решение об усыновлении обоих детей.

Так, при рассмотрении судом Еврейской автономной области дела об усыновлении двух братьев гражданами Испании было установлено, что первоначально заявители хотели усыновить одного ребенка. Ожидая заседание суда, они получили информацию о том, что у мальчика есть брат. Поскольку они всегда хотели иметь больше одного ребенка, то решили усыновить двух братьев. После знакомства со вторым ребенком и посещения детей в детском доме желание усыновить обоих детей у них укрепилось. Суд, исследовав обстоятельства дела и установив, что усыновление двух братьев отвечает интересам детей, препятствий для их воспитания в одной семье не имеется, принял решение об удовлетворении заявления об усыновлении этих детей.

Если у усыновляемого ребенка имелись несовершеннолетние братья (сестры), находящиеся на воспитании в семье опекуна, суды проверяли, предлагали ли органы опеки и попечительства гражданам Российской Федерации, являющимся опекунами братьев (сестер) усыновляемого ребенка, принять усыновляемого на воспитание в свою семью (в том числе на усыновление). Если указанные лица отказывались принять ребенка на воспитание, суды выясняли причины такого отказа, в том числе и путем допроса указанных лиц в судебном заседании.

Например, Верховным Судом Республики Бурятия при рассмотрении одного из дел об усыновлении было установлено, что у усыновляемого ребенка имеется сестра, которая взята под опеку. В целях проверки возможного устройства ребенка в семью, в которой воспитывается его сестра, опекун был вызван в судебное заседание, однако в суд он не явился, представив письменное заявление об отказе взять ребенка в свою семью.

Калининградским областным судом по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии

было установлено, что в письменном заявлении бабушка усыновляемого ребенка отказалась принять его на воспитание в свою семью в связи с преклонным возрастом и материальным положением. Вместе с тем, поскольку судом было установлено, что у усыновляемого имеется старший брат, который ранее находился вместе с усыновляемым в одном детском учреждении и затем был передан под опеку указанной бабушке, что, по мнению суда, свидетельствовало о том, что последняя, несмотря на возраст и имущественное положение, согласилась взять в свою семью старшего внука, суд принял решение о вызове бабушки в судебное заседание в целях выяснения обстоятельств, связанных с причинами ее отказа взять на воспитание младшего внука. В судебном заседании бабушка подтвердила, что забрала из детского дома лишь старшего внука, оформив над ним опеку, и отказалась взять в семью младшего внука, так как в силу возраста и состояния здоровья ни физически, ни материально не сможет вырастить двоих детей, просила органы опеки и попечительства передать младшего внука в хорошую семью. При этом она пояснила, что ей были разъяснены все меры социальной поддержки, предоставляемые в связи с приемом в семью ребенка. Из ее пояснений также следовало, что старший внук не испытывает привязанности к младшему брату и не навещает его в детском учреждении, она не возражает против усыновления младшего внука заявителями - иностранными гражданами.

Суд, установив, что не имеется возможности передать ребенка на воспитание его бабушке либо в семьи других его родственников, а также граждан Российской Федерации, не являющихся родственниками ребенка, братья не испытывают взаимной привязанности друг к другу, принял решение об удовлетворении заявления об усыновлении.

Таким образом, как свидетельствует обобщение судебной практики, заявление об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, удовлетворялось судом только в том случае, если суд приходил к выводу о том, что усыновление ребенка отдельно от братьев и сестер отвечает интересам детей и не причинит им психологической травмы.

Применение судами положений статьи 127 СК РФ

При рассмотрении всех дел о международном усыновлении суды проверяли, не имеется ли обстоятельств, предусмотренных статьей 127 СК РФ, в силу которых заявители не могут быть усыновителями.

В этих целях суды, в частности, исследовали финансовое и материальное положение усыновителей, их жилищные условия, проверяли обстоятельства, связанные с наличием у них судимости, выясняли, как они характеризуются по месту их жительства, не лишались ли они родительских прав, не отстранялись ли от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, не прерывали ли ранее процесса усыновления в связи с добровольным отказом от усыновления.

Оценивая финансовое и материальное положение усыновителей, суды, в частности, выясняли, какие должности занимают усыновители, каковы условия их

трудового контракта, каков их годовой доход за вычетом всех необходимых налогов и сборов, имеются ли у заявителей какие-либо долговые обязательства.

При оценке личности усыновителей в необходимых случаях в целях разрешения вопроса о том, не окажут ли те или иные личностные качества усыновителей негативное влияние на воспитание детей, к участию в деле привлекались психологи, а также проводилось дополнительное психологическое обследование усыновителей.

Так, в ходе рассмотрения Самарским областным судом одного из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии суду было представлено заключение о результатах психологического обследования усыновителей, проведенного на территории Российской Федерации, в котором было указано на ряд имеющихся у усыновителей психологических проблем и дана рекомендация о необходимости проведения расширенного психологического тестирования. Учитывая данное заключение, а также принимая во внимание, что ранее у супругов, проходивших психологическое тестирование, таких психологических проблем выявлено не было, суд принял решение о проведении повторного психологического обследования усыновителей, в ходе которого у усыновителей не было установлено каких-либо психологических проблем, наличие которых могло бы явиться препятствием для усыновления ими ребенка. Заявление об усыновлении ребенка данными усыновителями судом было удовлетворено.

При решении вопроса об отсутствии у заявителей заболеваний, препятствующих усыновлению ими ребенка, суд руководствовался приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 июня 2014 г. N 290н «Об утверждении порядка медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся усыновить (удочерить), взять под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также формы заключения о результатах медицинского освидетельствования таких граждан» и Перечнем заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. N 117.

Также судами проверялось, не истек ли с момента выдачи медицинских заключений о состоянии здоровья заявителей шестимесячный срок (пункт 6 Правил подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. N 423, пункт 6 Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2000 г. N 275).

В тех случаях, когда заявители в качестве доказательств отсутствия у них заболеваний, препят-

ствующих усыновлению ими ребенка, представляли медицинские заключения, выданные в стране их проживания, отвечающие требованиям российского законодательства (как по форме, так и по содержанию), ряд судов признавали такие заключения в качестве допустимых и достаточных доказательств отсутствия у заявителей заболеваний, препятствующих усыновлению ими ребенка.

Так, Архангельский областной исследовал вопрос о состоянии здоровья заявителей и об отсутствии у них заболеваний, препятствующих им быть усыновителями, на основании заключений, составленных медицинскими учреждениями по месту жительства усыновителей, поскольку представленные заявителями заключения о состоянии здоровья соответствовали требованиям российского законодательства, оснований не доверять указанным заключениям у суда не имелось и каких-либо возражений от лиц, участвующих в деле, относительно их необъективности и несоответствия действительности в суд не поступало (по всем делам из 21 дела, рассмотренного данным судом с вынесением решения, заявители являлись гражданами Италии).

Рязанский и Иркутский областные суды также придерживались указанной практики.

Например, в 2015 году Иркутским областным судом по 13 из 26 дел, рассмотренных этим судом с удовлетворением заявления, заявители представили медицинские заключения, выданные врачами-специалистами в стране их проживания, отвечающие требованиям российского законодательства. В остальных случаях заявители прошли медицинское освидетельствование на территории Российской Федерации. При этом по всем делам суд отражал в решениях дату, полное наименование и место нахождения медицинского учреждения, выдавшего заключение о состоянии здоровья заявителей.

Полагаем, что, если заявители представили медицинское заключение о состоянии своего здоровья, отвечающее требованиям российского законодательства, суды вправе в необходимых случаях (например, в целях уточнения тех или иных диагнозов) предложить усыновителям пройти дополнительное медицинское обследование в медицинском учреждении Российской Федерации.

Наиболее распространенными недостатками представляемых усыновителями медицинских заключений являлись их выдача либо подписание не уполномоченными на то лицами.

Например, при принятии Верховным Судом Чувашской Республики заявления об удочерении, поданного гражданами Италии, было установлено, что медицинское заключение о состоянии здоровья усыновителей и об отсутствии у них заболеваний, препятствующих удочерению, подписано лишь одним врачом - хирургом, в связи с чем заявление было оставлено без движения и заявителям предоставлен срок для устранения недостатков.

В случае, когда заявители проживали одной семьей со своими родителями или другими родственниками, а также если в семье воспитывались другие несовершеннолетние дети, при подготовке дела к судебному

разбирательству суды возлагали на заявителей обязанность представить медицинские заключения компетентных врачей государства, где они имеют постоянное место жительства, о состоянии здоровья также и указанных лиц в целях установления отсутствия у них заболеваний, которые бы делали невозможным проживание с ними в семье малолетних детей.

Учитывая, что в соответствии с подпунктом 12 пункта 1 статьи 127 СК РФ усыновителями не могут быть лица, которые не прошли подготовку в порядке, установленном пунктом 6 данной статьи (за исключением близких родственников ребенка, а также лиц, которые являются или являлись усыновителями и в отношении которых усыновление не было отменено, и лиц, которые являются или являлись опекунами (попечителями) детей и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей), судами выяснялся вопрос о прохождении заявителями психолого-педагогической и правовой подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Обобщение судебной практики показало, что иностранные граждане проходили подготовку кандидатов в приемные родители на территории государства, в котором они постоянно проживают.

Решая вопрос о том, надлежащим ли образом пройдена указанная подготовка, суды исследовали программу, по которой проводилась подготовка кандидатов в приемные родители, в том числе на предмет соответствия содержания ее разделов и трудоемкости требованиям, утвержденным приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 августа 2012 г. № 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации».

Представленные заявителями документы о прохождении ими подготовки кандидатов в приемные родители, как правило, отвечали требованиям российского законодательства. Однако имели место случаи, когда заявители не представляли документы о полномочиях организаций, проводивших подготовку, на проведение подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и выдачу свидетельства о прохождении такой подготовки. В такой ситуации судьи предлагали заявителям устранить указанный недостаток.

Разрешение вопроса о возможности усыновителей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие (пункт 2 статьи 124 СК РФ)

В соответствии с пунктом 2 статьи 124 СК РФ усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований абзаца третьего пункта 1 статьи 123 СК РФ, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

В целях соблюдения интересов усыновляемых детей суды при рассмотрении дел о международном усыновлении выясняли, какие условия будут созданы усыновителями для гармоничного развития ребенка, готовы ли заявители усыновить ребенка с теми или иными заболеваниями, особенно в тех случаях, когда усыновляемый ребенок является инвалидом (7,5% усыновленных иностранными гражданами в 2015 году детей на время вынесения решения суда об усыновлении имели инвалидность).

В связи с этим суды учитывали рекомендации, данные усыновителям в отношении возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка, содержащиеся в заключениях компетентного органа иностранного государства, в социально-психологических отчетах по результатам обследования условий жизни кандидатов в усыновители, в постановлениях суда об пригодности граждан Итальянской Республики к усыновлению детей.

Вопрос о соответствии возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка рекомендованным усыновителям проверялся судами, как правило, на стадии принятия заявления. В случае выявления несоответствия возраста или состояния здоровья ребенка рекомендациям, данным заявителям, им в порядке статьи 136 ГПК РФ предоставлялся разумный срок для представления суду дополнительного заключения соответствующего компетентного органа иностранного государства о возможности усыновления ими ребенка указанного возраста и состояния здоровья.

Например, судьей Верховного Суда Республики Башкортостан на стадии принятия заявления к производству суда было установлено, что заявители просят усыновить мальчика, который имеет ряд заболеваний. Между тем из отчета о пригодности к национальному и международному усыновлению, составленного психологом-психотерапевтом, следовало, что супруги не чувствуют себя готовыми взять детей с тяжелыми физическими или психическими патологиями из-за опасения неизвестности будущего, супруги желают удочерить девочку в возрасте от 0 до 6 лет. Судья правильно оставил указанное заявление без движения, предложив заявителям представить обновленные сведения о том, ребенка какого пола рекомендуют социально-медицинские службы им для усыновления, а также представить заключение о готовности заявителей к усыновлению ребенка с указанными заболеваниями.

Судья Волгоградского областного суда, установив при принятии одного из заявлений об усыновлении к производству суда, что возраст и состояние здоровья усыновляемого заявителями ребенка не соответствуют рекомендациям, данным усыновителям в стране их проживания (заявителями ставился вопрос об усыновлении ребенка в возрасте 9 лет 4 месяцев и имеющего ряд заболеваний, в то время как согласно отчету о психосоциальном обследовании семьи заявителей супругам рекомендован для принятия в семью ребенок в возрасте от 0 до 7 лет, с легкими, поддающимися лечению заболеваниями), также оставил заявление об усыновлении без движения, указав заявителям на необходимость устранить его недостатки, в том числе представить заключение компетентного органа стра-

ны проживания заявителей о возможности усыновления ими ребенка указанного возраста и с имеющимися у него заболеваниями.

В судебном заседании судьи опрашивали усыновителей о готовности усыновить ребенка с имеющимися у него заболеваниями в том числе и в случаях, когда состояние здоровья усыновляемого ребенка отвечало рекомендациям, которые были даны усыновителям. При этом усыновителям задавались, в частности, вопросы относительно того, что им известно об имеющихся у ребенка заболеваниях, их тяжести и о последствиях, а также о методах лечения, понятен ли им диагноз, установленный ребенку, были ли переведены медицинские документы детей на родной язык заявителей, каковы прогнозы на излечение данных заболеваний, в каком объеме и на каких условиях (бесплатно, страховка и т.п.) будет оказана медицинская помощь ребенку в стране проживания усыновителей (проведение необходимой операции, приобретение лекарственных препаратов и т.п.), как относятся члены семьи усыновителей, в том числе несовершеннолетние дети, если таковые имеются у усыновителей, к усыновлению ребенка с тяжелыми заболеваниями.

Так, при рассмотрении Волгоградским областным судом дела об усыновлении ребенка гражданами Италии было установлено, что ребенок имеет серьезное заболевание, ему на постоянной основе назначен прием лекарственных средств. В судебном заседании заявителем пояснили, что не обладали информацией о наименовании лекарственных препаратов, принимаемых ребенком. Учитывая указанное обстоятельство, тяжесть поставленных ребенку диагнозов, а также данные истории развития ребенка и прогнозы его дальнейшего развития, суд обязал заявителей представить обновленный социально-психологический отчет компетентного органа иностранного государства с описанием готовности заявителей усыновить ребенка с имеющимися у него заболеваниями, а также с изложением сведений о наличии физической и финансовой возможности супругов оказывать ребенку надлежащий уход.

Поскольку у заявителей имелось двое биологических детей, суд также обязал заявителей представить обновленную информацию о психологической и эмоциональной готовности биологических детей стать братом и сестрой усыновляемого ребенка с имеющимися у него заболеваниями, а также медицинские заключения о состоянии здоровья биологических детей и об отсутствии у них заболеваний, которые делали бы невозможным проживание с ними в семье усыновляемого ребенка. Кроме того, с учетом заболевания усыновляемого ребенка суд обязал заявителей представить информацию от компетентного органа иностранного государства о том, имеются ли по месту жительства усыновителей медицинские учреждения по профилю заболевания, которым страдает усыновляемый ребенок, возможно ли обеспечить ему медицинское наблюдение, а также немедленное оказание медицинской помощи в случае нуждаемости ребенка в ней.

В целях всестороннего исследования вопроса о возможности и готовности заявителей к усыновлению ребенка, страдающего теми или иными заболеваниями, судами принимались и иные меры.

Так, Саратовским областным судом при рассмотрении дел о международном усыновлении в судебном заседании оглашались диагнозы ребенка, содержащиеся в медицинском заключении экспертной медицинской комиссии органа управления здравоохранения области, и у заявителей выяснялось, данный ли перечень заболеваний им был сообщен при ознакомлении с ребенком, а также заслушивался врач детского учреждения, в котором воспитывался усыновляемый. Если данного ребенка не представилось возможным устроить в семью российских граждан в связи с их отказом от усыновления этого ребенка из-за его медицинских диагнозов, суд ставил в известность об этом иностранных усыновителей. По вопросам умственного и физического развития ребенка в судебном заседании также заслушивались представители детского учреждения, в котором находится усыновляемый ребенок.

В ряде случаев усыновителям предлагалось пройти психологическое исследование на территории Российской Федерации.

Например, Иркутским областным судом по делам, где заявители усыновляли детей, имеющих проблемы со здоровьем, либо усыновители имели биологических или усыновленных детей, а также в ряде иных случаев в порядке подготовки дела об усыновлении к судебному разбирательству заявителям предлагалось пройти на территории г. Иркутска психологическое исследование и представить заключение государственного автономного учреждения Иркутской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи». Заключения, сделанные специалистами указанного учреждения по результатам психологического исследования, как правило, содержали выводы относительно готовности иностранных граждан быть усыновителями детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья, установления детско-родительских отношений между усыновителями и усыновляемым ребенком (детьми), о готовности со стороны заявителей приложить все усилия для обеспечения лечения, воспитания усыновляемого ребенка (детей). Указанные заключения отражены и проанализированы в решениях Иркутского областного суда.

В тех случаях, когда заявители ранее усыновляли детей (в том числе российских детей) и вновь желают усыновить ребенка, судами исследовались обстоятельства того, насколько успешно такие кандидаты в усыновители справляются со своими родительскими обязанностями в отношении ранее усыновленных детей.

В этих целях усыновители представляли сведения об условиях жизни и воспитания усыновленных детей в их семье, составленные компетентным органом иностранного государства. Если ранее заявителями был усыновлен ребенок, являющийся гражданином Российской Федерации, судами проверялось, своевременно ли представлялись отчеты об условиях жизни и воспитания ребенка.

Иркутским областным судом по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии в судебном заседании был опрошен несовершеннолетний сын заявителей, достигший десятилетнего возраста, который был ранее усыновлен заявителями. Ребенок подтвер-

дил тот факт, что он знает о процедуре международного усыновления, осуществляемого его родителями, не возражает против появления у него младшей сестры, с которой они очень хорошо общаются. Ему очень нравится роль старшего брата, и он вместе с родителями готовил комнату для будущей сестры.

Исследованные в судебном заседании документы содержали информацию о том, что между супругами и ребенком установилась прочная детско-родительская привязанность, у мальчика есть все необходимое для благополучного и счастливого детства, он окружен любовью, заботой и вниманием родителей. Заявители готовы к усыновлению второго ребенка в семейном, воспитательном, образовательном и психологическом плане, поскольку успешно справляются со своими родительскими обязанностями в отношении сына. Решением областного суда заявление граждан Италии об удочерении было удовлетворено.

При рассмотрении дел о международном усыновлении суды исследовали вопрос об установлении психологического контакта между заявителями и усыновляемым ребенком.

В этих целях суды, в частности, выясняли вопросы о том, какова была длительность и периодичность общения заявителей и ребенка на территории Российской Федерации, поддерживали ли заявители связь с ребенком в период своего отъезда (например, посредством интернета, телефона).

Свердловский областной суд при исследовании указанного вопроса истребовал также письменное мотивированное заключение педагога-психолога (специалиста детского учреждения по месту нахождения ребенка, непосредственно наблюдавшего за общением ребенка и кандидатами в усыновители) и выводы в этой части отражал в своих решениях по делам о международном усыновлении детей.

По одному из дел о международном усыновлении, рассмотренных Иркутским областным судом, несмотря на то, что усыновители - граждане Испании ранее общались с усыновляемыми детьми (двумя братьями), руководитель детского учреждения, где воспитывались дети, в судебном заседании заявил ходатайство о предоставлении дополнительного времени для общения детей с усыновителями, которое судом было удовлетворено. Сами заявители также не возражали против предоставления дополнительного времени для общения, поскольку за полгода, пока они не видели детей, те сильно изменились, подросли, стали более активными, усыновителям заново пришлось устанавливать контакт с каждым из братьев. Убедившись по результатам общения, что усыновление отвечает интересам детей, руководитель детского учреждения дал письменное согласие на усыновление братьев. Решением областного суда заявление об усыновлении двух братьев было удовлетворено.

В другом случае Иркутский областной суд, рассматривая дело об усыновлении гражданами Италии двоих детей (брата и сестры), также принял решение о необходимости предоставления дополнительного времени общения для установления более тесного контакта между усыновляемыми детьми и заявителями, в связи с чем судебное заседание было отложено.

После дополнительного общения на территории детского учреждения установление детско-родительских отношений, а также психологическая совместимость и личностный интерес кандидатов в усыновители и усыновляемых друг к другу были подтверждены показаниями педагога-психолога детского учреждения, актами общения, фотографиями и детскими рисунками. С учетом установленных по делу обстоятельств суд удовлетворил заявление об усыновлении детей.

В ряде случаев, в результате дополнительного общения усыновителей с детьми в период, когда заявление об усыновлении было принято судом к своему производству, суд выявлял, что заявители фактически не установили контакта с детьми, что делало невозможным усыновление.

Так, определением Иркутского областного суда был принят отказ граждан Испании от заявления об усыновлении двух братьев (четырёх и пяти лет), причиной которого послужило неустановление ими контакта с детьми при личном общении. Данное обстоятельство нашло свое подтверждение в суде. Так, в первом судебном заседании представителем детского учреждения, в котором воспитывался младший брат, было заявлено ходатайство об отложении рассмотрения дела по существу и предоставлении супружеской паре дополнительного времени для общения с обоими детьми, поскольку, согласно его пояснениям, несмотря на то, что младший ребенок ранее шел на общение с заявителями, радовался их приезду, он все же не воспринимал их как будущих родителей - тех лиц, которые пользуются у него авторитетом. Ребенок баловался, убежал из комнаты, где проходило общение, на просьбы и замечания супругов не реагировал, кандидаты с поведением ребенка справиться не могли, не проявляли родительских навыков, нервничали.

Указанное ходатайство судом было удовлетворено, судебное заседание отложено для возможности более тесного и продолжительного общения кандидатов в усыновители с обоими детьми с целью формирования привязанности и установления детско-родительских отношений. Однако и в дальнейшем взаимопонимания между детьми и заявителями достигнуть не удалось. Супруги не смогли расположить к себе детей, не нашли к ним подход, в силу чего руководители детских учреждений, где воспитывались дети, не дали письменного согласия на усыновление своих воспитанников данной супружеской парой. При этом и сами заявители не отрицали, что контакт с детьми не установлен и что они переоценили свои возможности относительно принятия в свою семью сразу двух детей указанного возраста. Производство по делу судом было прекращено.

Всестороннее исследование вопроса о характере общения кандидатов в усыновители и ребенка руководителем детского учреждения, где находится ребенок, органом опеки и попечительства, а также судом, рассматривающим дело об усыновлении, необходимо в целях выяснения обстоятельств, свидетельствующих о том, что заявители установили контакт с ребенком, изучили характер ребенка, оценили свои возможности по воспитанию ребенка с учетом его личностных осо-

бенностей, возраста и состояния здоровья, их желание усыновить именно этого ребенка является осознанным и обдуманым.

Неадекватное исследование указанных обстоятельств может привести к отмене решения суда об усыновлении.

Так, в сентябре 2015 года Волгоградским областным судом принято решение об удовлетворении заявления граждан Испании об усыновлении ребенка. Однако после вступления указанного решения суда в законную силу усыновители ребенка из детского учреждения не забрали и в октябре 2015 года обратились в Волгоградский областной суд с заявлением об отмене усыновления, в обоснование которого сослались на то, что после вынесения судом решения об усыновлении ребенка отношения между ними и мальчиком стали более холодными и отдаленными, мальчик игнорировал их, проявлял независимый и сильный характер, который они не могли контролировать, что привело их к мысли о том, что они не смогут справиться с воспитанием этого ребенка.

Представитель граждан Испании в судебном заседании пояснил, что на протяжении девяти месяцев, с момента знакомства заявителей с мальчиком и до вынесения судом решения об усыновлении, супруги выражали желание усыновить мальчика. Решение об отмене усыновления ими было принято по истечении нескольких дней общения с ребенком после вынесения судом решения об усыновлении. При этом поведение ребенка при встречах с заявителями, как во время знакомства, так и после вынесения судом решения об усыновлении, не изменялось, соответствовало его возрасту и уровню развития. Претензии супругов относительно характера мальчика, касались, в частности, обстоятельств несовпадения интересов супругов с интересами ребенка. Так, если супруги предлагали мальчику порисовать или поиграть в настольные игры, он выражал желание бегать или играть в мяч.

Согласно пояснениям представителя детского учреждения, во время нахождения ребенка в детском учреждении он проявил себя с положительной стороны, как здоровый, жизнерадостный, энергичный ребенок, в его поведении с заявителями не наблюдалось ничего необычного, позволяющего усомниться в возможности справиться с его воспитанием, однако после вынесения судом решения об усыновлении граждане Испании, пообщавшись несколько дней с мальчиком, отказались от него и не забрали его из детского дома.

Исследовав обстоятельства дела и установив, что после вынесения решения об усыновлении заявители отказались забрать мальчика из детского учреждения и выразили нежелание воспитывать ребенка и исполнять свои родительские обязанности, суд отменил усыновление ребенка.

Поскольку, по мнению Волгоградского областного суда, указанный факт свидетельствует о неадекватной подготовке представителем иностранной ассоциации в области международного усыновления заявителей к усыновлению, судом в адрес Министерства образования и науки Российской Федерации направлена соответствующая информация.

Приведение решений об усыновлении к немедленному исполнению (статья 212 ГПК РФ). Вынесение судами частных определений (статья 226 ГПК РФ)

Обобщение судебной практики показало, что в 2015 году три решения суда о международном усыновлении приведены к немедленному исполнению (Верховный Суд Республики Калмыкия, Ставропольский краевой суд и Оренбургский областной суд).

В двух случаях приведение решения к немедленному исполнению было вызвано необходимостью незамедлительного обследования и лечения усыновленных детей в связи с их состоянием здоровья. По третьему делу суд удовлетворил ходатайство о приведении решения к немедленному исполнению с учетом конкретных обстоятельств дела, а также того факта, что один из усыновителей является родным дядей усыновленного ребенка.

В 2015 году по делам о международном усыновлении судами вынесено 8 частных определений: по одному частному определению вынесено Алтайским краевым судом и Иркутским областным судом, по два частных определения - Пермским краевым судом, Санкт-Петербургским городским судом и Челябинским областным судом.

Частные определения, например, были вынесены:

в адрес территориальных подразделений соответствующих региональных министерств в связи с нарушением требований закона в части сроков постановки на учет детей, оставшихся без попечения родителей, нарушениями, допущенными при заполнении анкеты ребенка (невнесение в названный документ данных о близких совершеннолетних родственниках ребенка);

в адрес регионального государственного бюджетного учреждения здравоохранения (специализированный дом ребенка) в связи с непринятием данным учреждением своевременных мер, направленных на защиту прав несовершеннолетнего, находящегося в данном учреждении, что привело к невозможности в течение длительного времени осуществить устройство ребенка в семью путем его усыновления;

в адрес начальника отдела опеки и попечительства управления социальной защиты населения в связи с непредставлением сведений о наличии у усыновляемого ребенка совершеннолетних родственников, а также их письменных заявлений о согласии (несогласии) на усыновление ребенка, сведений о принятых мерах по устройству усыновляемого ребенка в семью граждан Российской Федерации с приложением подтверждающих документов, заключения органа опеки и попечительства по месту проживания братьев усыновляемого ребенка о возможности (невозможности) усыновления ребенка отдельно от его братьев, согласия брата усыновляемого ребенка на его усыновление;

в адрес главы администрации муниципального образования в связи с недостоверными сведениями, изложенными в заключении об обоснованности и о соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка, об обстоятельствах личного общения заявителей с ребенком, а также в связи с ненадлежащей организацией учета кандидатов в усыновители и процесса предоставления им сведений о детях, которые могут быть переданы на усыновление.

Обязанность работодателя предлагать при сокращении вакансии не нарушает права сотрудников.

 КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
 от 29 марта 2016 г. N 467-О

**ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ
 ГРАЖДАНИНА ГРАНКИНА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА
 НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ
 ПРАВ ЧАСТЬЮ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 81 И ЧАСТЬЮ
 ПЕРВОЙ СТАТЬИ 180 ТРУДОВОГО КОДЕКСА
 РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина А.В. Гранкина к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.В. Гранкин, уволенный по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации (сокращение численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя), оспаривает конституционность следующих положений Трудового кодекса Российской Федерации:

части третьей статьи 81, согласно которой увольнение по основанию, предусмотренному пунктом 2 или 3 части первой данной статьи, допускается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья; при этом работодатель обязан предлагать работнику все отвечающие указанным требованиям вакансии, имеющиеся у него в данной местности; предлагать вакансии в других местностях работодатель обязан, если это предусмотрено коллективным договором, соглашениями, трудовым договором;

части первой статьи 180, обязывающей работодателя при проведении мероприятий по сокращению численности или штата работников организации предложить работнику другую имеющуюся работу (вакантную должность) в соответствии с частью третьей статьи 81 данного Кодекса.

По мнению заявителя, оспариваемые нормы противоречат статьям 2, 7, 18, 37 (часть 3) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не обязывают работодателя предлагать увольняемому по сокращению штата работнику все вакантные должности и позволяют работодателю про-

извольно выбирать, какие вакантные должности предлагать увольняемому работнику.

Оспариваемые нормы применены в деле заявителя судами общей юрисдикции.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные А.В. Гранкиным материалы, не находит оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, право принимать необходимые кадровые решения в целях осуществления эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом принадлежит работодателю, который обязан при этом обеспечить закрепленные трудовым законодательством гарантии трудовых прав работников, в частности связанные с проведением мероприятий по изменению структуры, штатного расписания, численного состава работников организации (Постановление от 24 января 2002 года N 3-П; определения от 24 сентября 2012 года N 1690-О и от 23 декабря 2014 года N 2873-О).

В силу части третьей статьи 81 и части первой статьи 180 Трудового кодекса Российской Федерации работодатель вправе расторгнуть трудовой договор с работником по пункту 2 части первой статьи 81 названного Кодекса в связи с сокращением численности или штата работников организации при условии исполнения обязанности (одновременно с предупреждением о предстоящем увольнении) по предложению всех имеющихся у работодателя в данной местности вакантных должностей, соответствующих квалификации работника, а также вакантных нижестоящих должностей или нижеоплачиваемой работы. Неисполнение указанной обязанности влечет признание увольнения незаконным.

Соблюдение работодателем процедуры увольнения может быть проверено в судебном порядке, при этом обязанность доказывания соответствующего обстоятельства возлагается на работодателя (пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»).

Таким образом, оспариваемые нормы, вопреки утверждению заявителя, обязывают работодателя предлагать увольняемому работнику все имеющиеся у него в данной местности вакансии, соответствующие квалификации работника либо нижестоящие или нижеоплачиваемые, являются элементами правового механизма увольнения по сокращению численности или штата работников, носят гарантийный характер и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2010 года N 915-О-О, от 27 января 2011 года N 13-О-О, от 24 октября 2013 года N 1539-О, N 1540-О и N 1541-О).

Проверка же того обстоятельства, были ли исполнены работодателем при увольнении заявителя требования оспариваемых норм Трудового кодекса Российской Федерации, не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации.

Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гранкина Андрея Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

Изъятие с целью уничтожения по решению суда остатков винодельческой продукции с длительными сроками выдержки по истечении 2 месяцев с момента прекращения действия лицензии признано неконституционным.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 30 марта 2016 г. N 9-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПУНКТА 5 СТАТЬИ 20 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА ЭТИЛОВОГО СПИРТА,
АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ
ПРОДУКЦИИ И ОБ ОГРАНИЧЕНИИ
ПОТРЕБЛЕНИЯ (РАСПИТИЯ) АЛКОГОЛЬНОЙ
ПРОДУКЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ОБЩЕСТВА
С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «СГИВ»**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «СГИВ». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно пункту 5 статьи 20 Федерального закона от 22 ноября 1995 года N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в течение двух месяцев с момента аннулирования лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции или прекращения действия соответствующей лицензии, за исключением лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, лицензиат имеет право на хранение остатков этилового спирта, алко-

гольной и спиртосодержащей продукции, на возврат их поставщику, на поставку остатков алкогольной и спиртосодержащей продукции иной имеющей лицензию на закупку, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции организации, которые осуществляются под контролем лицензирующего органа, за исключением случаев, если такая продукция подлежит изъятию в соответствии с пунктом 1 статьи 25 данного Федерального закона.

1.1. Оспаривающее конституционность названного законоположения ООО «СГИВ» имело лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке произведенных этилового спирта и спиртосодержащей продукции сроком действия до 31 октября 2012 года. В выдаче новых лицензий на осуществление той же деятельности заявителю было отказано в связи с выявленными нарушениями требований к соискателю лицензии.

16 июля 2013 года Межрегиональное управление Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Северо-Кавказскому федеральному округу возбудило в отношении ООО «СГИВ» дело об административном правонарушении, выразившемся в хранении без соответствующей лицензии произведенной им спиртосодержащей продукции (коньячного дистиллята). В рамках проведенного административного расследования на обнаруженный в помещениях ООО «СГИВ» коньячный дистиллят 18 июля 2013 года был наложен арест и тогда же составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 14.17 КоАП Российской Федерации (в настоящее время - часть 3 той же статьи в редакции Федерального закона от 21 декабря 2013 года N 365-ФЗ).

Арбитражный суд Республики Дагестан решением от 18 октября 2013 года (оставлено без изменения постановлением Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2013 года) отказал в привлечении ООО «СГИВ» к административной ответственности и снял арест с коньячного дистиллята, находившегося с 18 июля 2013 года на ответственном хранении его директора. При этом суд первой инстанции посчитал, что общество приняло все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и что реальная возможность реализовать остатки коньячного дистиллята в установленные законом сроки, с тем чтобы не допустить их безлицензионного хранения, у него отсутствовала.

Рассмотрев кассационную жалобу Межрегионального управления Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Северо-Кавказскому федеральному округу, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа пришел к выводу, что принятие ООО «СГИВ» мер для продления срока действия соответствующей лицензии и для реализации остатков коньячного дистиллята не свидетельствует о законности их хранения по истечении двух месяцев с момента прекращения ее действия, и постановлением от 10 сентября 2014 года оставил судебные акты, принятые арбитражными судами первой и апелляционной инстанций, без изменения в части отказа в привлечении ООО «СГИВ» к административной ответственности,

в остальной же части их отменил и направил дело в отмененной части на новое рассмотрение в Арбитражный суд Республики Дагестан.

Решением Арбитражного суда Республики Дагестан от 19 ноября 2014 года возвращенный ООО «СГИВ» коньячный дистиллят после снятия с него ареста был передан Межрегиональному управлению Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Северо-Кавказскому федеральному округу для решения вопроса о его переработке или уничтожении в установленном для продукции, находящейся в незаконном обороте, порядке. Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд постановлением от 16 февраля 2015 года оставил данный судебный акт без изменения. При этом он отказал ООО «СГИВ» в удовлетворении ходатайства о приостановлении производства по делу и об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 мая 2015 года указанные судебные акты оставлены без изменения, а жалоба ООО «СГИВ» - без удовлетворения. Законность и обоснованность данных судебных актов подтверждена Верховным Судом Российской Федерации (постановление от 26 октября 2015 года).

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе объединения граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

По мнению ООО «СГИВ», оспариваемое им законоположение в части установления двухмесячного срока с момента прекращения действия ранее выданных организации лицензий на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в рамках которого организация обязана реализовать оставшуюся у нее продукцию, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 8, 17, 34, 35 и 55, поскольку - при отсутствии в правовом регулировании возможности продления данного срока, по истечении которого остатки законно произведенной продукции безвозмездно изымаются для переработки или уничтожения, - не позволяет организации получить за нее оплату, соразмерную затратам на ее про-

изводство. При этом, как следует из представленных заявителем материалов, спорная правовая ситуация в его деле связана с коньячным дистиллятом, т.е. с винодельческой продукцией (пункт 23 статьи 2 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»), имеющей длительный цикл производства, включая стадию выдержки (хранения в специальной производственной таре до достижения свойств дистиллятов, определенных техническими документами организации), который был начат в период действия соответствующей лицензии и остался незавершенным по истечении двух месяцев, предусмотренных оспариваемой нормой для реализации ее остатков.

Таким образом, пункт 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку содержащееся в нем положение, ограничивая двумя месяцами срок, который с момента прекращения действия лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции дается юридическому лицу для реализации имеющихся у него остатков такой продукции, позволяет признавать их находящимися в незаконном обороте, а потому подлежащими изъятию и уничтожению - применительно к винодельческой продукции, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных данным положением, не достигает срока, необходимого для завершения ее производства согласно требованиям технологического процесса, притом что само производство было начато в период действия соответствующей лицензии.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, а также признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (статья 8), относит к числу прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых является обязанностью государства (статья 2), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), а также право частной собственности, которое, согласно ее статье 35, охраняется законом (часть 1), включает в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), притом что никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (часть 3).

Как следует из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17, 18, 45 (часть 1) и 74 (часть 1), в России должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования экономической системы в целом, что предполагает необходимость стимулирования свободной рыночной экономики, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как ее основных субъектов, и принятия государством специальных мер, направленных на защиту их прав и законных интересов и тем самым - на достижение конституционной цели оптимизации государственного регулирования экономических отношений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года N 10-П, от 24 июня 2009 года N 11-П и др.).

В государстве, выстраивающем экономические связи на рыночных принципах, собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы общества и личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года N 11-П и от 24 марта 2015 года N 5-П).

Конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере; при этом - исходя из фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства - вмешательство государства в отношения собственности, в том числе связанные с осуществлением не запрещенной законом экономической деятельности, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению; во всяком случае правовое регулирование в этой сфере не должно посягать на само существование права или свободы и приводить к утрате их реального содержания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года N 1-П, от 25 апреля 2011 года N 6-П, от 10 декабря 2014 года N 31-П, от 22 декабря 2015 года N 34-П и др.).

Вместе с тем право на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право частной собственности не являются абсолютными и в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении требований необходимости, пропорциональности и соразмерности. Корреспондирующие приведенному конституционному предписанию положения содержатся в международно-правовых актах, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе в пункте 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека, пункте 3 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также статье 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, из которой следует, что каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности (и, соответственно, свободы пользования имуществом, в том числе для осуществления предпринимательской деятельности), а лишение имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права, недопустимо, что, однако, не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами.

Таким образом, федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий регулирование права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и права частной собственности (статья 71, пункты «в», «ж», «о»), обязан обеспечивать разумный баланс частных и публичных интересов в этой сфере и соблюдать вытекающее из ее статьи 55 (часть 3) требование о возможности ограничений прав и свобод человека и гражданина только соразмерно конституционно значимым целям. Кроме того, при выборе средств и способов правового воздействия на субъектов предпринимательской деятельности федеральный законодатель должен учитывать как сложившуюся в России отраслевую систему правового регулирования и общие принципы соответствующих отраслей права - публичного или частного, так и социальные, экономические и иные факторы, определяющие объективные пределы его конституционных полномочий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года N 10-П).

3. Исходя из того что государственное регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции осуществляется в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов Российской Федерации, обеспечения безопасности указанной продукции, нужд потребителей в ней, а также в целях контроля за соблюдением законодательства, норм и правил в регулируемой области, Федеральным законом «О государственном регулировании

производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» установлены правовые основы как производства этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в целях их продажи и получения прибыли, а также для собственных нужд, так и оборота соответствующей продукции, а именно закупки (в том числе импорта), поставок (в том числе экспорта), хранения, перевозок и розничной продажи, на которые распространяется действие данного Федерального закона (пункт 1 статьи 1, подпункты 15 и 16 статьи 2).

Закрепляя в числе требований к производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции обязательность их лицензирования, названный Федеральный закон устанавливает порядок выдачи лицензий на осуществление соответствующих видов деятельности, приостановления, возобновления, прекращения их действия, аннулирования лицензий, а также порядок обжалования решений лицензирующего органа (статьи 18 - 20 и 22). Так, согласно его статье 20 действие лицензии на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции прекращается по истечении срока действия такой лицензии и в случае ликвидации лицензиата или в случае принятия лицензирующим органом решения о досрочном прекращении действия такой лицензии на основании заявления лицензиата; лицензирующий орган в срок не более чем 14 дней со дня установления факта прекращения действия лицензии осуществляет снятие остатков готовой продукции, сырья и полуфабрикатов, используемых для ее производства, а также пломбирование оборудования и коммуникаций в целях недопущения производства и реализации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (пункт 2); в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, за исключением лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, лицензиат имеет право на хранение остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, на возврат их поставщику, на поставку остатков алкогольной и спиртосодержащей продукции иной имеющей лицензию на закупку, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции организации, которые осуществляются под контролем лицензирующего органа (пункт 5).

3.1. В силу пункта 1 статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция в целях пресечения их незаконных производства и (или) оборота подлежат изъятию из незаконного оборота на основании решений уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации органов и должностных лиц, в частности, в случае, если их производство и (или) оборот, включая хранение, осуществляются без соответствующей лицензии. Данное предписание - по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, - распространяется и на остатки произведенных этилового спирта, алкоголь-

ной и спиртосодержащей продукции, которые не были реализованы лицензиатом по истечении двух месяцев с момента прекращения действия лицензии.

Изъятые этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, а также предметы, используемые для их незаконных производства и (или) оборота, в том числе сырье, полуфабрикаты, производственная, транспортная, потребительская тара (упаковка), в силу пункта 2 статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» подлежат вывозу и хранению вне места изъятия в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (абзац первый); порядок их уничтожения по решению суда также определяется Правительством Российской Федерации (абзац второй). Полномочие по определению порядка вывоза и хранения вне мест изъятия изъятых или конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции возложено на Правительство Российской Федерации также частью 13 статьи 27.10 КоАП Российской Федерации. Во исполнение этих предписаний Правительством Российской Федерации издано постановление от 28 сентября 2015 года N 1027 «О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Способы уничтожения изъятых или конфискованных по решению суда этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции утверждены приказом Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 14 декабря 2015 года N 424.

Изъятие остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот, включая хранение, которых осуществляются без соответствующей лицензии, производится, в частности, в рамках применения такой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как изъятие вещей (статья 27.1 КоАП Российской Федерации), в данном случае - по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 14.17 КоАП Российской Федерации (производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии), совершение которого влечет административную ответственность в виде административного штрафа в размере от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей с конфискацией продукции, оборудования, сырья, полуфабрикатов, транспортных средств или иных предметов, использованных для производства и оборота соответствующей продукции, либо без таковой.

В силу части 3 статьи 29.10 КоАП Российской Федерации в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах, если в отношении них не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации. Поскольку при отказе в привлечении лица к административной ответственности, в частности по мотиву пропуска срока давности привлечения к административной ответственности, административное наказание в виде конфискации предмета ад-

министративного правонарушения применено быть не может, суд, установив, что вещи, изъятые в рамках применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, изъятые из оборота или находились в незаконном обороте, в том числе этиловый спирт, алкогольная или спиртосодержащая продукция, в резолютивной части своего решения указывает, что такие вещи возврату не подлежат, и определяет дальнейшие действия с ними; например, в отношении этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции - в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 года N 10).

В судебной практике данное Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации разъяснение, в соответствии с которым при вынесении постановления о прекращении дела об административном правонарушении суд решает вопрос о судьбе изъятых вещей, распространяется как на этиловый спирт, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, производство и оборот которых осуществлялись без соответствующей лицензии, так и на продукцию, произведенную (либо находящуюся в процессе производства) в период действия лицензии, но не реализованную в двухмесячный срок с момента истечения срока ее действия.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования положение, содержащееся в пункте 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», означает, что по истечении двух месяцев с момента прекращения действия выданной юридическому лицу лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции остатки соответствующей продукции подлежат на основании решений уполномоченных органов и должностных лиц обязательному (при необходимости - принудительному) безвозмездному изъятию с последующим уничтожением по решению суда. Такой порядок, исключающий возмещение их стоимости бывшим собственникам, - при формальном соблюдении конституционного требования о прекращении права собственности только по судебному решению - влечет для юридического лица прекращение права собственности на принадлежащее ему имущество, которое в данном случае не является санкцией за совершение им административного правонарушения и по своему содержанию сопоставимо с гражданско-правовым институтом принудительного изъятия имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу.

3.2. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме указанных в законе случаев, в том числе когда производится отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадле-

жать данному лицу (подпункт 2 пункта 2 статьи 235); если по основаниям, допускаемым законом, в собственности лица оказалось имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, это имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на имущество, если законом не установлен иной срок (пункт 1 статьи 238); в случаях, когда имущество не отчуждено собственником в сроки, указанные в пункте 1 статьи 238 данного Кодекса, такое имущество, с учетом его характера и назначения, по решению суда, вынесенному по заявлению государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит принудительной продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику стоимости имущества, определенной судом; при этом вычитаются затраты на отчуждение имущества (пункт 2 статьи 238).

Из приведенных положений гражданского законодательства следует, что прекращение права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, но оборот которого возможен, по общему правилу, должно быть возмездным. Пункт 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», рассматриваемый как основание для безвозмездного изъятия остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции с последующим их уничтожением по решению суда, во всяком случае не вступает в коллизию с этими законоположениями применительно к остаткам соответствующей продукции, которая произведена (введена в оборот) юридическим лицом без соответствующей лицензии (при наличии лицензии, действие которой приостановлено в установленном порядке), т.е. которая, если из закона не вытекает иное, не обладает необходимыми признаками объекта права собственности (статьи 128, 129, 136 и 218 ГК Российской Федерации), что подлежит установлению в судебном порядке.

Что касается этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, произведенных юридическим лицом в соответствии с действующим законодательством и при наличии необходимой лицензии, срок действия которой истек позднее, отвечающих обязательным требованиям в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, то на эти специфические объекты гражданского оборота, в отношении которых установлено специальное правовое регулирование, обусловленное необходимостью защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов Российской Федерации, обеспечения безопасности указанной продукции, нужд потребителей в ней, также могут не в полной мере распространяться правила о возмездном изъятии у лица имущества, которое в силу закона не может ему принадлежать, предусмотренные подпунктом 2 пункта 2 статьи 235 и статьей 238 ГК Российской Федерации. Баланс интересов общества и государства в данном

случае обеспечивается предоставлением юридическому лицу на основании специальных норм Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» двухмесячного (с момента прекращения действия лицензии) срока на реализацию остатков произведенной продукции, который - имея в виду его обязанность адекватно планировать свою хозяйственную деятельность в пределах действия ранее полученной лицензии и необходимость соблюдения лицензионных требований в целях получения новой, а также при должном соотношении цены и качества произведенной продукции - является разумным и достаточным для реализации остатков такой продукции, полный цикл производства которой не выходит за рамки этого срока.

Однако данный вывод не может быть автоматически распространен на продукцию, произведенную и оборот которой осуществляются в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» и технологический процесс производства которой предполагает стадию выдержки, т.е., согласно подпункту 15.1 его статьи 2, хранение в специальной производственной таре до достижения своей дистиллятов, определенных техническими документами организации. Реализация такого рода продукции до достижения готовности - притом что ее вкусовые качества, как правило, имеют выраженный индивидуальный характер, обусловленный первичными свойствами сырья, в том числе связанными с местом его происхождения, а также особенностями специальной производственной тары и иными нюансами, - крайне затруднительна, тем более что приобрести ее могут только лица, имеющие соответствующую лицензию.

Как показывает правоприменительная практика, изъятые в рамках применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 14.17 КоАП Российской Федерации, не реализованные в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии остатки этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, произведенной лицензиатом в период действия лицензии на их производство, хранение и поставку, но не прошедшей полный цикл производства, передаются по решению суда (как это имело место в деле ООО «СГИВ») уполномоченным в соответствии с законодательством Российской Федерации органам для решения вопроса об их уничтожении в порядке, установленном для продукции, находящейся в незаконном обороте, хотя такой их режим из статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» прямо не вытекает (они не были произведены без лицензии, проходят стадию выдержки, т.е. производственного хранения, в соответствии с государственными стандартами и техническими услови-

ями и под контролем уполномоченного органа, а потому не находятся в незаконном обороте).

Следовательно, при отказе в предоставлении на новый срок лицензии на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции производители продукции, полный цикл производства которой включает стадию выдержки, - тем более что согласно названному Федеральному закону этот срок может составлять более пяти лет (подпункт 10.1 статьи 2) и тем самым превышать максимальный (пятилетний) срок, на который выдается лицензия (абзац первый пункта 17 статьи 19), - фактически обрекаются на потерю принадлежащего им имущества. Вместе с тем производители такой продукции - учитывая их обязанность как субъектов предпринимательской деятельности действовать разумно и добросовестно и соблюдать лицензионные требования - сами в состоянии прогнозировать, возможно ли получение ими лицензии на новый срок. Поэтому, если, начиная новый цикл производства, лицензиат действовал неосмотрительно, именно он и должен нести риски наступления неблагоприятных последствий своего производственного решения, тем более что оно принимается в сфере, подлежащей специальному государственному регулированию. В случае же, когда лицензиат к моменту начала нового цикла производства продукции, включающего стадию выдержки, срок которой явно выходит за пределы действующей лицензии, не знал и не мог знать (в силу не зависящих от него обстоятельств, например изменения требований, предъявляемых к соискателю лицензии) о возможных проблемах с получением лицензии на производство данной продукции на новый срок, безвозмездное изъятие такой продукции - притом что ее производство осуществляется в соответствии с обязательными требованиями - и последующее ее уничтожение по решению суда не могут рассматриваться как имеющие разумное обоснование.

Таким образом, положение пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», будучи распространенным на винодельческую продукцию, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных данным законоположением для реализации остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, не достигает срока, необходимого для завершения полного цикла ее производства, притом что само производство было начато в период действия лицензии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований, - по смыслу, придаваемому данному законоположению правоприменительной практикой при создающем неопределенность в действующем правовом регулировании этих отношений отсутствии специальных механизмов решения судом вопросов о правовой судьбе такой продукции по завершении двух месяцев с момента истечения срока действия лицензии на ее производство, хранение и поставку, - несоразмерно ограничивает гарантированные статьями 34 (часть 1) и 35 (части

1 - 3) Конституции Российской Федерации право на осуществление предпринимательской деятельности и право частной собственности тех производителей, которые действовали разумно и осмотрительно и, начиная ее производство, не могли предполагать, что лицензия на новый срок не будет ими получена.

Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации - внести в правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, касающиеся винодельческой продукции с длительными сроками выдержки.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать: остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственному или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию; при этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя; как только затраты на хранение нереализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1) и 35 (части 1 - 3), в той мере, в какой содержащееся в нем положение в системе действующего правового регулирования допускает по истечении двух месяцев с момента прекращения действия выданной юридическому лицу лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции принудительное безвозмездное изъятие с целью уничтожения по решению суда остатков принадлежащей ему винодельческой продукции, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных для ее реализации, не достигает необходимого в соответствии с требованиями технологического процесса срока, притом что само про-

изводство было начато в период действия лицензии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований и что, начиная его, лицензиат не мог предполагать, что лицензия на новый срок не будет им получена.

2. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации - внести в правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, касающиеся винодельческой продукции с длительными сроками выдержки.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать: остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию; при этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя; как только затраты на хранение нереализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

3. Правоприменительные решения по делу общества с ограниченной ответственностью «СГИВ», основанные на положении пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в той мере, в какой оно признано настоящим Постановлением не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд РФ признал не противоречащими Конституции РФ положения Жилищного кодекса РФ о взносах на капитальный ремонт.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 12 апреля 2016 г. N 10-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 169, ЧАСТЕЙ 4 И 7
СТАТЬИ 170 И ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 179 ЖИЛИЩНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ
С ЗАПРОСАМИ ГРУПП ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием представителей групп депутатов Государственной Думы - депутатов Государственной Думы В.Г. Соловьева и Г.П. Хованской, адвокатов С.А. Попова и А.В. Синицына, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф. Вяткина, представителя Совета Федерации - кандидата юридических наук Ю.А. Шарадина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились запросы двух групп депутатов Государственной Думы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросах законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П. Маврина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю. Барщевского, а также представителей: от Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации - О.В. Сперанского, от Министерства юстиции Российской Федерации - М.А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Две группы депутатов Государственной Думы, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, оспаривают конституционность ряда положений Жилищного кодекса Российской Федерации, регулирующих отношения по организационному и финансовому обеспечению проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

1.1. Предметом первого в порядке очередности запроса, подписанного 94 депутатами Государственной Думы (А.А. Агеев, А.Г. Аксаков, М.В. Брючак и др.), является часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которой средства, полученные региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора; при этом законом субъекта Российской Федерации может быть установлено, что такое использование средств допускается только при условии, если указанные многоквартирные дома расположены на территории определенного муниципального образования или территориях нескольких муниципальных образований.

Заявители просят признать часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации не соответствующей статьям 19 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет использовать средства фонда капитального ремонта - при отсутствии волеизъявления формирующих этот фонд на счете регионального оператора собственников помещений в многоквартирных домах - для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в других многоквартирных домах, и приводят в обоснование своей позиции следующие доводы:

оспариваемые законоположения фактически возлагают на собственников помещений в многоквартирном доме, формирующих фонд капитального ремонта на счете регионального оператора, обязанность по содержанию не принадлежащего им имущества, в то время как в силу статей 210 и 249 ГК Российской Федерации и части 1 статьи 39 Жилищного кодекса Российской Федерации бремя содержания имущества (в том числе общего имущества в многоквартирном доме) несет собственник этого имущества (участник долевой собственности, собственник помещения в многоквартирном доме), что предполагает непосредственное исполнение данной обязанности самим собственником, а не переложение ее на третьих лиц, т.е. на собственника помещения в многоквартирном доме может быть возложена обязанность по оплате расходов на капитальный ремонт общего имущества именно в данном многоквартирном доме;

по смыслу части 1 статьи 174 и части 3 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, регио-

нальный оператор сам не формирует фонд капитального ремонта и потому может использовать средства данного фонда для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества только в конкретном многоквартирном доме; направляя же средства фонда капитального ремонта без согласия формирующих этот фонд собственников помещений в многоквартирном доме на капитальный ремонт общего имущества в другом многоквартирном доме, региональный оператор тем самым использует соответствующие средства не по целевому назначению; в результате собственники помещений в многоквартирных домах, формирующие фонд капитального ремонта на счете регионального оператора, оказываются в неравном положении с собственниками помещений в многоквартирных домах, формирующими фонд капитального ремонта на специальном счете, средства которого расходуются исключительно на ремонт принадлежащего им имущества.

1.2. Вторая группа депутатов Государственной Думы (А.Н. Абалаков, М.Ю. Авдеев, В.А. Агаев и др. - всего 90 человек) оспаривает конституционность следующих положений Жилищного кодекса Российской Федерации:

части 1 статьи 169, как возлагающей на собственников помещений в многоквартирном доме обязанность уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 той же статьи и частью 8 статьи 170 данного Кодекса;

части 4 статьи 170, определяющей перечень вопросов, которые должны быть решены общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, выбравшим в качестве способа формирования фонда капитального ремонта его формирование на специальном счете;

части 7 статьи 170, как наделяющей орган местного самоуправления полномочием принять решение о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в отношении многоквартирного дома, собственники помещений в котором в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта.

По мнению заявителей, часть 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, возлагая предусмотренную ею обязанность в том числе на лиц, которые приобрели право собственности на жилые помещения в многоквартирном доме в результате приватизации, фактически освобождает публично-правовые образования - бывших наймодателей от исполнения сохраненной за ними статьей 16 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 года N 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» обязанности по осуществлению капитального ремонта домов и тем самым порождает правовую неопределенность, препятствующую созданию органами публичной власти необходимых условий для реализации права граждан на жилище, а следовательно, противоречит статьям 4 (часть 2), 15 (часть 1), 19 (часть 1) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации; кроме того, обязательные взносы на капиталь-

ный ремонт, поступающие на счет регионального оператора, по существу, являются налогом (что косвенно подтверждается письмом Министерства финансов Российской Федерации от 18 июня 2015 года N 14-01-07/35436), в то время как в силу статьи 57 Конституции Российской Федерации граждане обязаны платить только законно установленные налоги, определенные в Налоговом кодексе Российской Федерации и принятых в соответствии с ним федеральных законах, к числу которых Жилищный кодекс Российской Федерации не относится.

Нарушение положениями частей 4 и 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации предписаний статьи 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации заявители усматривают в том, что ими допускается произвольное - вне зависимости от воли собственников помещений в многоквартирных домах, которые по объективным причинам не смогли выбрать способ формирования фонда капитального ремонта, - распоряжение органом местного самоуправления их ежемесячными взносами на капитальный ремонт, что противоречит также статье 209 ГК Российской Федерации.

Кроме того, заявители хотя прямо и не указывают часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в числе оспариваемых ими законоположений, но, излагая свою позицию, приводят аргументы в обоснование ее несоответствия Конституции Российской Федерации, которые в целом совпадают с доводами авторов первого запроса.

Принимая во внимание, что положения Жилищного кодекса Российской Федерации, на проверку конституционности которых настаивают обе группы депутатов Государственной Думы, хотя и различны по содержанию, но касаются одного и того же предмета, а именно регулируют отношения по организационному и финансовому обеспечению проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по их запросам в одном производстве.

1.3. Таким образом, с учетом предписаний Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в том числе его статей 3, 36, 74 и 85, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются следующие взаимосвязанные положения Жилищного кодекса Российской Федерации:

часть 1 статьи 169 - постольку, поскольку ею устанавливается в качестве общего правила обязанность собственников помещений в многоквартирном доме уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме;

часть 4 статьи 170, определяющая перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме в связи с избранием ими в качестве способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме аккумуля-

лирования соответствующих денежных средств на специальном счете;

часть 7 статьи 170 - постольку, поскольку ею предусматривается принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме на счете регионального оператора в случае, если собственники помещений в многоквартирном доме в установленный законом срок не выбрали способ формирования фонда капитального ремонта или если выбранный ими способ не был реализован;

часть 4 статьи 179, допускающая возможность использования средств, полученных региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, и предоставляющая субъекту Российской Федерации право ограничить такую возможность условием расположения указанных многоквартирных домов на территории определенного муниципального образования или нескольких муниципальных образований.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и защищаются равным образом все формы собственности; право частной собственности относится к основным правам человека и подлежит защите со стороны государства наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, которые обеспечиваются правосудием, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления (статья 8, часть 2; статья 18). Исходя из этого статья 35 Конституции Российской Федерации предписывает, что право частной собственности охраняется законом (часть 1); каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права - общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом; никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; государство вправе обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием имущества собственности в соответствии с общими интересами (статья 1 Протокола N 1).

При осуществлении на основании статьи 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации

правового регулирования права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом федеральному законодателю надлежит руководствоваться фундаментальными принципами верховенства права и юридического равенства, в силу которых вмешательство государства в эти отношения не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года N 9-П, от 31 января 2011 года N 1-П и др.).

Действуя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий, федеральный законодатель должен иметь в виду и вытекающее из взаимосвязанных положений статей 7 (часть 1), 8 (часть 2) и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требование о необходимости соотношения принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц, в силу которого собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и законные интересы третьих лиц. Тем самым, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право собственности в пределах, определенных Конституцией Российской Федерации, предполагает не только возможность реализации собственником составляющих это право правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и несение бремени содержания принадлежащего ему имущества, в том числе в целях предотвращения причинения вреда другим лицам; соответственно, регламентируя содержание права собственности и обеспечивая защиту прав и законных интересов других лиц, а также принадлежащих им благ посредством возложения на собственников дополнительных обязанностей и обременений, связанных с обладанием имуществом, федеральный законодатель должен учитывать особенности этого имущества (постановления от 31 мая 2005 года N 6-П и от 22 апреля 2011 года N 5-П; определения от 16 апреля 2009 года N 495-О-О, от 24 декабря 2012 года N 2353-О и др.).

Применительно к помещениям (в том числе жилым) в многоквартирном доме как объектам права собственности, обладающим значительной спецификой, следует принимать во внимание неразрывную физическую связь помещения как части объема здания, ограниченной строительными конструкциями, и конструктивных элементов здания как объемной строительной системы, включающей в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенной, если речь идет о жилом здании, для проживания и (или) деятельности людей (пункты 6 и 14 части 2 статьи 2 Федерального закона от 30 декабря 2009

года N 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»). Этим во многом предопределяется их общая правовая судьба: поскольку сам факт существования и сохранность каждого из помещений в многоквартирном доме обусловлены существованием и состоянием самого дома (здания), наличие права собственности на помещения в многоквартирном доме обуславливает и наличие права общей долевой собственности собственников этих помещений на общее имущество в таком доме, в том числе на общие нежилые помещения, несущие конструкции дома, сети и системы инженерно-технического обеспечения (статья 290 ГК Российской Федерации и статья 36 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Соответственно, исходя из того что участники общей долевой собственности обязаны соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению (статья 249 ГК Российской Федерации), несение расходов по содержанию общего имущества в многоквартирном доме (фактически - здания и его конструктивных элементов), включая расходы на капитальный ремонт, для каждого из собственников помещений в этом доме - не просто неотъемлемая часть бремени содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК Российской Федерации), но и обязанность, которая вытекает из факта участия в праве собственности на общее имущество и которую участник общей долевой собственности несет, в частности, перед другими ее участниками, чем обеспечивается сохранность как каждого конкретного помещения в многоквартирном доме, так и самого дома в целом.

3. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Россия как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1), призвана гарантировать реализацию права каждого на жилище (статья 40, часть 1), признаваемого международным сообществом в качестве элемента права на достойный жизненный уровень (статья 25 Всеобщей декларации прав человека и статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). Исходя из этого Конституция Российской Федерации, провозглашая право каждого на жилище, закрепляет корреспондирующую ему обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления по созданию условий для осуществления данного права (статья 40, часть 2), которая одновременно выступает в качестве гарантии его реализации.

Приведенное конституционное предписание, составляющее основу правового регулирования жилищных отношений, означает обращенное к органам государственной власти и органам местного самоуправления требование об установлении таких правовых механизмов, которые позволяли бы обеспечивать сохранность жилищного фонда, представляющего собой совокупность всех жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации и являющихся объектами жилищных прав (часть 1 статьи 15 и часть 1 статьи 19 Жилищного кодекса Российской

Федерации), и одновременно - материальный ресурс, необходимый для стабильного развития Российской Федерации как социального государства и реализации одной из базовых потребностей человека - потребности в жилище, что, в свою очередь, предполагает сохранение целевого назначения объектов жилищного фонда, а также создание безопасных и благоприятных условий для проживания в них граждан.

При осуществлении правового регулирования соответствующих отношений, в том числе связанных с обеспечением надлежащего содержания и эксплуатации объектов жилищного фонда и использования их по назначению, федеральный законодатель, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, должен учитывать публично-правовой характер этих отношений (постановления от 16 мая 2000 года N 8-П и от 15 июня 2006 года N 6-П). Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека, который полагает, что в современном обществе обеспечение населения жильем является важнейшей социальной потребностью и что решение жилищного вопроса отражает не только частный, но и публичный интерес, а потому не может быть целиком отдано на откуп рынку, неограниченное действие которого, особенно в ситуации трансформации экономики, способно породить нежелательные социальные последствия (постановление от 21 февраля 1986 года по делу «Джеймс (James) и другие против Соединенного Королевства»).

4. Многоквартирные дома, в которых расположена значительная часть составляющих жилищный фонд жилых помещений, подвержены естественному износу, а потому надлежащее содержание таких домов предполагает в числе прочего непрерывный мониторинг их технического состояния, а также своевременное проведение необходимых работ по устранению неисправностей их конструктивных элементов. В связи с этим Жилищный кодекс Российской Федерации в порядке конкретизации статьи 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации возлагает на органы государственной власти и органы местного самоуправления обязанности по обеспечению контроля за использованием и сохранностью жилищного фонда, по организации своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах за счет взносов собственников помещений в таких домах, бюджетных средств и иных не запрещенных законом источников финансирования, а также по осуществлению государственного жилищного надзора и муниципального жилищного контроля (пункты 6, 6.1 и 8 статьи 2).

Исполнение названных обязанностей предполагает, в частности, правовое регулирование порядка организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, которое - исходя из того что Конституция Российской Федерации относит жилищное законодательство к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 72, пункт «к» части 1), а также учитывая принцип самостоятельности бюджетов - осуществляется как на федеральном уровне - Жилищным кодексом Российской Федерации и принятыми

в соответствии с ним иными федеральными законами и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, так и на региональном уровне - законами субъектов Российской Федерации. В силу статей 12 и 130 (часть 1) Конституции Российской Федерации соответствующие нормативные правовые акты по вопросам, отнесенным к ведению органов местного самоуправления в данной сфере, могут приниматься и на муниципальном уровне.

4.1. Жилищный кодекс Российской Федерации в первоначальной редакции предусматривал участие собственников помещений в многоквартирных домах в расходах на содержание общего имущества в таких домах путем внесения платы за содержание и ремонт жилых помещений, которая включала в себя плату за услуги и работы по управлению многоквартирным домом, а также по содержанию, текущему и капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме (пункт 1 части 2 статьи 154 и часть 1 статьи 158).

До вступления в силу Федерального закона от 25 декабря 2012 года N 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» капитальный ремонт многоквартирных домов проводился, главным образом, на условиях долевого финансирования за счет средств государственной корпорации - Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, направляемых в качестве финансовой поддержки на безвозвратной и безвозмездной основе субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2007 года N 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», а также средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования и средств товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных кооперативов или иных специализированных потребительских кооперативов либо собственников помещений в многоквартирных домах.

Внося Федеральным законом от 25 декабря 2012 года N 271-ФЗ изменения в правовое регулирование отношений, связанных с организацией проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, федеральный законодатель, как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту, преследовал цель сформировать необходимые правовые основы для создания в субъектах Российской Федерации эффективных и устойчивых механизмов финансирования капитального ремонта за счет организационного обеспечения процесса его планирования и проведения, а также вовлечения в его финансирование собственников помещений в многоквартирных домах.

В силу общего принципа гражданского законодательства о несении собственником бремени содержания принадлежащего ему имущества Жилищный кодекс Российской Федерации в ныне действующей редакции устанавливает для всех собственников помещений в многоквартирном доме обязанность с мо-

мента возникновения у них права собственности на соответствующие помещения не только нести расходы на их содержание, но и участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на него путем внесения платы за содержание жилого помещения и взносов на капитальный ремонт (часть 3 статьи 30, части 1 и 3 статьи 158).

Имея в виду формирование региональных систем капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, федеральный законодатель определил основные требования к порядку их организации во введенном Федеральным законом от 25 декабря 2012 года № 271-ФЗ в Жилищный кодекс Российской Федерации разделе IX, наделил субъекты Российской Федерации полномочиями по самостоятельному решению вопросов, связанных с их созданием и функционированием, включая учреждение региональных операторов, определение минимального размера взноса на капитальный ремонт (в том числе его дифференциацию в зависимости от муниципального образования, в котором расположен многоквартирный дом, типа и этажности такого дома, иных факторов) и утверждение региональных программ капитального ремонта, а органы местного самоуправления - полномочиями по утверждению краткосрочных планов реализации региональной программы капитального ремонта, по организации выбора собственниками помещений в многоквартирном доме способа формирования фонда капитального ремонта, а также по обеспечению его формирования и проведения капитального ремонта в случаях, предусмотренных законом. Впоследствии в целях обеспечения функционирования региональных систем капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах были приняты правовые акты методического характера, в том числе Методические рекомендации по установлению субъектом Российской Федерации минимального размера взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах (утверждены приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 7 февраля 2014 года № 41/пр) и Методические рекомендации по созданию специализированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, и обеспечению их деятельности (утверждены приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 28 января 2016 года № 41/пр).

Формируя новые механизмы финансирования капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, федеральный законодатель исходил из того, что его проведение возможно лишь в случае своевременного и полного участия собственников всех помещений в таких домах в расходах на выполнение соответствующих ремонтных работ. Поскольку же в силу ряда объективных причин (многочисленность собственников помещений в многоквартирном доме, сложность и разнообразие объектов, относящихся к общему имуществу, и др.), а также вследствие высокой стоимости работ по капитальному ремонту и об-

условленной этим затруднительности однократного и одномоментного сбора денежных средств на их проведение самостоятельное осуществление капитального ремонта исключительно силами самих собственников в большинстве случаев практически невозможно, исполнение ими обязанности по содержанию общего имущества в многоквартирных домах должно сводиться в первую очередь к финансированию ремонтных работ, проводимых третьими лицами, что предполагает введение правовых механизмов, обеспечивающих накопление и привлечение необходимых и достаточных для такого финансирования денежных средств.

4.2. Таким образом, действующее правовое регулирование отношений в области организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах имеет целью их поддержание в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям, и тем самым - предотвращение причинения вреда как жизни, здоровью и имуществу собственников помещений и других граждан, проживающих в этих домах, так и жизни, здоровью и имуществу иных лиц (вследствие возможного разрушения или повреждения многоквартирных домов, их отдельных конструктивных элементов либо наступления иных обстоятельств, препятствующих их безопасной эксплуатации), т.е. направлено на защиту конституционно значимых ценностей, что соответствует закрепленному в статье 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации предназначению социального государства и согласуется с предписаниями ее статей 17 (часть 3) и 40 (часть 2). Не противоречит Конституции Российской Федерации и определение в качестве финансовой основы функционирования региональных систем капитального ремонта многоквартирных домов взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, подлежащих уплате собственниками расположенных в них помещений, поскольку этим не затрагивается само существо конституционных гарантий защиты собственности, вытекающих из ее статей 8 (часть 2) и 35 (части 1 и 2).

5. Вводя для собственников помещений в многоквартирном доме обязательный взнос на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме в качестве отдельной составляющей платы за помещение и коммунальные услуги, федеральный законодатель исходил из того, что сам по себе такого рода взнос не может быть признан налогом или сбором, поскольку не обладает всеми характерными для данных видов платежей признаками.

Так, согласно статье 8 Налогового кодекса Российской Федерации под налогами понимаются обязательные, индивидуально безвозмездные платежи, взимаемые с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований (пункт 1), а сбор представляет собой обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами

местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности (пункт 2).

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, налог, будучи необходимым условием существования государства, является по своей правовой природе основанной на законе денежной формой отчуждения собственности в целях обеспечения расходов публичной власти, осуществляемого на началах обязательности, безвозвратности, индивидуальной безвозмездности, и, как правило, не имеет строго определенного целевого назначения; в свою очередь, сбор, являясь, так же как и налог, конституционно допустимым платежом публичного характера, уплачиваемым в бюджет в силу обязанности, установленной законом, по своей правовой природе представляет собой денежную форму отчуждения собственности, призванную обеспечить совершение органами публичной власти или иными уполномоченными органами либо должностными лицами юридически значимых действий в отношении его плательщиков. Раскрывая содержание понятия «законно установленные налоги и сборы», Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что установить налог или сбор можно только законом и только путем прямого перечисления в нем существенных элементов соответствующего обязательства; при этом такого рода платеж публичного характера может считаться законно установленным лишь при условии, что все существенные элементы данного обязательства, в том числе размер платы, определены именно федеральным законом (постановления от 4 апреля 1996 года N 9-П, от 17 декабря 1996 года N 20-П, от 11 ноября 1997 года N 16-П и от 28 февраля 2006 года N 2-П).

Что касается взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, то они имеют иную правовую природу: будучи обязательной платой за организацию и проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, они не обладают характерным для платежей публичного характера признаком индивидуальной безвозмездности и предназначены для оплаты расходов на выполнение конкретных работ и оказание услуг по устранению неисправностей изношенных конструктивных элементов общего имущества (включая отдельные элементы строительных конструкций и инженерных систем многоквартирного дома), в том числе по их восстановлению или замене в целях улучшения их эксплуатационных характеристик, и тем самым - для поддержания многоквартирного дома в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям, что отвечает прежде всего интересам собственников помещений в таком доме.

Кроме того, взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, в отличие от налогов и сборов, не перечисляются в бюджет, а зачисляются - в зависимости от избранного собственниками помещений в многоквартирном доме способа форми-

рования фонда капитального ремонта - либо на специальный счет в кредитной организации (банке), либо на счет регионального оператора (часть 3 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации), не могут использоваться в целях финансового обеспечения деятельности государства или муниципальных образований, а должны расходоваться исключительно на цели, связанные с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

В частности, средства фонда капитального ремонта (независимо от избранного собственниками помещений в многоквартирном доме способа его формирования), согласно части 1 статьи 174 Жилищного кодекса Российской Федерации, могут использоваться для оплаты услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, разработки проектной документации, оплаты услуг по строительному контролю, для погашения кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты указанных услуг и (или) работ, а также для уплаты процентов за пользование такими кредитами, займами, оплаты расходов на получение гарантий и поручительств по таким кредитам, займам; при этом за счет средств фонда капитального ремонта в пределах суммы, сформированной исходя из минимального размера взноса на капитальный ремонт, установленного нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, может осуществляться финансирование только тех работ, которые предусмотрены частью 1 статьи 166 данного Кодекса (ремонт внутридомовых инженерных систем электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, водоотведения; ремонт или замена лифтового оборудования, признанного непригодным для эксплуатации, ремонт лифтовых шахт; ремонт крыши, подвальных помещений, относящихся к общему имуществу в многоквартирном доме, его фасада и фундамента), и работ, которые предусмотрены законом субъекта Российской Федерации, а также погашение кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты данных работ, и уплата процентов за пользование этими кредитами, займами.

Следовательно, в системе действующего правового регулирования взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах представляют собой в формально юридическом смысле обязательные платежи собственников помещений в таких домах, предусмотренные - в силу публичной значимости соответствующих отношений - Жилищным кодексом Российской Федерации в целях финансового обеспечения организации и проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах для поддержания их в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям. Тем самым обеспечивается фактически индивидуально возмездный характер данных взносов, в связи с чем их установление Жилищным кодексом Российской Федерации само по себе не может рассматриваться как не соответствующее с предписанием статьи 57 Конституции Российской Федерации.

6. Обязанность уплачивать взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных

домах возлагается частью 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации на всех собственников помещений в таких домах, за исключением случаев, предусмотренных другими положениями данного Кодекса, согласно которым от уплаты этих взносов освобождаются, в частности, собственники помещений в многоквартирном доме, который в установленном порядке признан аварийным и подлежащим сносу либо в отношении которого исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления принято решение об изъятии для государственных или муниципальных нужд земельного участка, занимаемого данным домом, и об изъятии каждого жилого помещения в этом доме (часть 2 статьи 169); собственники помещений в многоквартирном доме, формирующие фонд капитального ремонта на специальном счете и установившие размер фонда капитального ремонта в отношении своего дома в размере большем, чем определенный для таких домов законом субъекта Российской Федерации минимальный размер фонда капитального ремонта, - в случае принятия ими решения о приостановлении обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт в связи с достижением минимального размера фонда капитального ремонта (часть 8 статьи 170).

6.1. Вводя общую обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать взносы на капитальный ремонт общего имущества в таких домах, федеральный законодатель не мог не учитывать положения Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», определяющего основные принципы и порядок осуществления приватизации государственного и муниципального жилищного фонда социального использования на территории Российской Федерации, статьей 16 которого в отношении домов, требующих капитального ремонта, за бывшими наймодателями - исходя из принципов социального государства и поддержания доверия граждан к действиям публичной власти - была сохранена обязанность производить капитальный ремонт таких домов в соответствии с нормами содержания, эксплуатации и ремонта жилищного фонда.

Будучи дополнительной гарантией права на приватизацию для граждан, занимающих жилые помещения в домах, требующих капитального ремонта, данная статья, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, имеет обеспечительно-гарантийный характер и направлена на защиту имущественных и жилищных прав таких граждан, причем сфера ее действия распространяется на всех без исключения бывших наймодателей подлежащих приватизации жилых помещений, требующих капитального ремонта, безотносительно к тому, в чьей собственности - государственных или муниципальных образований - эти помещения находились прежде (определения от 19 октября 2010 года N 1334-О-О, от 14 июля 2011 года N 886-О-О и от 1 марта 2012 года N 389-О-О).

Изменения, внесенные в правовое регулирование отношений в области организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах Федеральным законом от 25 декабря 2012 года N 271-ФЗ, не затронули статью 16 Закона Россий-

ской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», которая не утратила силу и продолжает действовать, т.е. обязывает прежних наймодателей жилых помещений (коиными, как правило, выступали публично-правовые образования) надлежащим образом исполнять вытекающую из данной статьи публичную по своей правовой природе обязанность по проведению капитального ремонта нуждающихся в нем многоквартирных домов. Обязанность же по производству последующих капитальных ремонтов ложится на собственников жилых помещений, в том числе на граждан, приватизировавших жилые помещения.

С учетом приведенной позиции, сформулированной Верховным Судом Российской Федерации на основе системного толкования статьи 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьи 210 ГК Российской Федерации (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 августа 2007 года), развивается судебная практика рассмотрения соответствующих дел. В частности, при определении размера возмещения за жилое помещение, изымаемое у собственника в связи с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, суды исходят из того, что если на момент приватизации гражданином жилого помещения этот многоквартирный дом нуждался в капитальном ремонте, а обязанность по его проведению не была исполнена наймодателем, в результате чего произошло снижение уровня надежности здания, то сумма компенсации за непроведенный капитальный ремонт многоквартирного дома подлежит включению в выкупную цену жилого помещения (Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2014 года).

6.2. Положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, не затрагивая порядок исполнения бывшим наймодателем обязанности по производству капитального ремонта многоквартирных домов, по своему буквальному смыслу, не освобождает собственников приватизированных жилых помещений в многоквартирных домах, в отношении которых у бывшего наймодателя сохраняется указанная обязанность, от уплаты взносов на капитальный ремонт общего имущества в таких домах в целях финансирования проведения последующих капитальных ремонтов.

Это означает, что сам по себе факт непроведения капитального ремонта многоквартирного дома бывшим наймодателем не может являться основанием для уклонения собственников расположенных в нем помещений от уплаты взносов на капитальный ремонт общего имущества в данном доме, что подтверждается и судебной практикой (определение Верховного Суда

Российской Федерации от 23 июля 2014 года N 13-АПГ14-23 и др.). Не освобождает положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации от уплаты указанных взносов и соответствующие публично-правовые образования, если в их собственности находятся одно или несколько помещений в многоквартирном доме, - они обязаны уплачивать эти взносы на равных основаниях с другими собственниками расположенных в нем помещений и вне зависимости от исполнения ими ранее своей обязанности как наймодателей по проведению капитального ремонта данного дома.

Такой подход согласуется с принципами социальной солидарности и равенства, которые применительно к отношениям, связанным с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, предполагают совместное и равное участие всех собственников помещений в этих домах в создании финансовой основы для обеспечения их поддержания в надлежащем санитарном и техническом состоянии и выступают тем самым в качестве необходимого условия устойчивого функционирования региональных систем капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Следовательно, положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающее в качестве общего правила обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в этих домах (за исключением установленных законом случаев), по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений в таких домах - независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности - в формировании фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и как таковое не противоречит Конституции Российской Федерации.

Исходя из того что статьей 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» за бывшим наймодателем сохранена обязанность по производству капитального ремонта нуждавшихся в нем домов (что само по себе не исключает уплату взносов на проведение дальнейших капитальных ремонтов всеми собственниками расположенных в них помещений), федеральному законодателю надлежит установить механизм исполнения данной обязанности, согласованный с предусмотренным Жилищным кодексом Российской Федерации порядком проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Вместе с тем - имея в виду часть 3 статьи 168 Жилищного кодекса Российской Федерации, предусматривающую первоочередное включение в региональную программу капитального ремонта тех многоквартирных домов, в которых проведение капитального ремонта требовалось на дату приватизации первых жилых помещений в этих домах, при условии, что их капитальный ремонт не проведен на дату утверждения или актуализации соответствующей региональной

программы, - предполагается необходимость оказания (по крайней мере, в первые годы реализации региональных программ капитального ремонта, т.е. в условиях первоначального накопления средств фондов капитального ремонта) дополнительной финансовой поддержки в проведении капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, причем независимо от избранного собственниками расположенных в них помещений способа формирования фонда капитального ремонта, во всяком случае при возникновении неотложной потребности в нем, на безвозвратной или возвратной основе за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования, а также за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

7. Согласно статье 170 Жилищного кодекса Российской Федерации уплаченные собственниками помещений в многоквартирном доме взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме наряду с пенями, уплаченными ими в связи с ненадлежащим исполнением обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт, а также процентами, начисленными за пользование денежными средствами, находящимися на специальном счете, образуют фонд капитального ремонта (часть 1), который формируется одним из двух способов по выбору собственников помещений в многоквартирном доме - посредством перечисления взносов на капитальный ремонт на специальный счет в целях формирования фонда капитального ремонта в виде денежных средств, находящихся на специальном счете (пункт 1 части 3), либо посредством перечисления взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора в целях формирования фонда капитального ремонта в виде обязательственных прав собственников помещений в многоквартирном доме в отношении регионального оператора (пункт 2 части 3).

Предоставляя собственникам помещений в многоквартирном доме право выбора способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, федеральный законодатель исходил из того, что такой выбор является результатом свободного волеизъявления указанных лиц, которые в силу презумпции знания закона, будучи надлежащим образом информированными о правовых и экономических последствиях своих действий, самостоятельно принимают соответствующее решение на основе оценки известных им фактических обстоятельств (состояния общего имущества в многоквартирном доме, платежеспособности собственников помещений в этом доме, типа многоквартирного дома и года его постройки, информации о ранее проведенных ремонтных работах и т.п.).

7.1. Собственники помещений в многоквартирном доме, избравшие в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумуляцию соответствующих денежных средств на специальном счете, самостоятельно организуют проведение капитального ремонта общего имущества, принимая на себя все связанные с этим риски.

В таких случаях, как следует из Жилищного кодекса Российской Федерации, решением общего собрания

собственников помещений в многоквартирном доме должны быть определены размер ежемесячного взноса на капитальный ремонт (который не должен быть менее чем минимальный размер взноса на капитальный ремонт, установленный нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации), владелец специального счета (в качестве которого могут выступать осуществляющие управление соответствующим многоквартирным домом товарищество собственников жилья, жилищный кооператив или управляющая организация либо региональный оператор) и кредитная организация, в которой будет открыт специальный счет; если владельцем специального счета определен региональный оператор, выбранная собственниками помещений в многоквартирном доме кредитная организация должна осуществлять деятельность по открытию и ведению специальных счетов на территории соответствующего субъекта Российской Федерации; в случае если собственники помещений в многоквартирном доме не выбрали кредитную организацию, в которой будет открыт специальный счет, или эта кредитная организация не соответствует установленным требованиям, вопрос о выборе кредитной организации, в которой будет открыт специальный счет, считается переданным на усмотрение регионального оператора (часть 4 статьи 170, части 2 и 3 статьи 175).

Данный способ формирования фонда капитального ремонта предполагает передачу собственниками помещений в многоквартирном доме взносов на капитальный ремонт кредитной организации (банку) для зачисления на специальный счет, который предназначен для перечисления средств на проведение капитального ремонта и расходные операции по которому, согласно части 1 статьи 177 Жилищного кодекса Российской Федерации, могут совершаться лишь для оплаты перечисленных в части 1 его статьи 174 услуг и (или) работ, связанных с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в данном многоквартирном доме. При этом собственники помещений в многоквартирном доме вправе осуществлять формирование фонда капитального ремонта только на одном специальном счете, на котором, соответственно, могут аккумулироваться средства фонда капитального ремонта собственников помещений только в одном многоквартирном доме (часть 4 статьи 175 Жилищного кодекса Российской Федерации).

По своей природе находящиеся на специальном счете безналичные денежные средства, предназначенные для капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, представляют собой обязательственное требование собственников помещений в этом доме к кредитной организации (банку), в которой открыт такой специальный счет (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 года N 31-П и др.). Поскольку право распоряжения этими денежными средствами принадлежит исключительно собственникам помещений в многоквартирном доме (часть 1 статьи 36.1 Жилищного кодекса Российской Федерации), они вправе принять решение о проведении капитального ремонта общего имущества в своем многоквартирном доме и до наступления предельного срока его проведения, предусмо-

ренного региональной программой капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, с оплатой соответствующих услуг и (или) работ из средств сформированного ими фонда капитального ремонта в пределах суммы денежных средств, зачисленных на специальный счет в кредитной организации (банке). При этом порядок решения вопросов, связанных с организацией проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме (включая поиск подрядчиков (исполнителей), подготовку технического задания на оказание необходимых услуг и (или) выполнение работ, осуществление контроля за ходом капитального ремонта), также определяется собственниками помещений в этом доме.

Таким образом, положение части 4 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, определяющее перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в этом доме аккумуляцию соответствующих денежных средств на специальном счете, является элементом правового механизма, обеспечивающего реализацию избранного ими способа участия в финансировании расходов на капитальный ремонт, и, будучи направленным на обеспечение как свободы волеизъявления собственников помещений в многоквартирном доме при выборе способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете, так и достаточности и сохранности средств этого фонда, не может рассматриваться как противоречащее Конституции Российской Федерации.

7.2. Что касается собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумуляцию соответствующих денежных средств на счете регионального оператора, то Жилищный кодекс Российской Федерации возлагает на них лишь обязанность по уплате взносов на капитальный ремонт на основании платежных документов, представленных региональным оператором, в сроки, установленные для внесения платы за помещение и коммунальные услуги, если иное не установлено законом субъекта Российской Федерации (часть 1 статьи 171), а все функции, связанные с распоряжением этими денежными средствами и обеспечением проведения капитального ремонта общего имущества в данном доме в объеме и в сроки, которые предусмотрены региональной программой капитального ремонта, передает региональному оператору - создаваемому субъектом Российской Федерации в организационно-правовой форме фонда юридического лица (части 1 и 2 статьи 178, части 1 и 2 статьи 182), которое, как унитарная некоммерческая организация, обладает специальной правоспособностью, в силу чего не вправе осуществлять деятельность, выходящую за ее пределы.

Как следует из части 1 статьи 180 Жилищного кодекса Российской Федерации, функциями регионального оператора являются аккумуляция взносов на капитальный ремонт, уплачиваемых собственниками помещений в многоквартирных домах, в отношении которых фонды капитального ремонта формируются

на счете, счетах регионального оператора; осуществление функций технического заказчика работ по капитальному ремонту общего имущества в таких домах; финансирование расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, в пределах средств этих фондов с привлечением при необходимости средств, полученных из иных источников, в том числе из бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета; взаимодействие с органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях обеспечения своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора; иные предусмотренные данным Кодексом, законом субъекта Российской Федерации и учредительными документами регионального оператора функции.

В целях обеспечения оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме региональный оператор обязан, в частности, привлечь для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту подрядные организации и заключить с ними от своего имени соответствующие договоры; контролировать качество и сроки оказания услуг и (или) выполнения работ подрядными организациями и соответствие таких услуг и (или) работ требованиям проектной документации; осуществить приемку оказанных услуг и (или) выполненных работ; нести ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за качество оказанных услуг и (или) выполненных работ в течение не менее пяти лет с момента подписания акта приемки оказанных услуг и (или) выполненных работ, в том числе за несвоевременное и ненадлежащее устранение выявленных нарушений (пункты 3, 4, 5 и 11 части 2 статьи 182 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Используемое для выполнения функций регионального оператора в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, имущество формируется, согласно части 1 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, за счет взносов учредителя - субъекта Российской Федерации, платежей собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, и других не запрещенных законом источников. Средства, полученные региональным оператором от собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, должны использоваться, как это вытекает из части 3 той же статьи, только для финансирования расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, т.е. исключительно в целях, предусмотренных частью 1

статьи 174 данного Кодекса; их использование на иные цели, в том числе на оплату административно-хозяйственных расходов регионального оператора, не допускается; в то же время региональный оператор вправе размещать временно свободные средства фонда капитального ремонта, формируемого на счете регионального оператора, в российских кредитных организациях в порядке и на условиях, которые установлены Правительством Российской Федерации.

Таким образом, деятельность регионального оператора обусловлена возложенными на него публично значимыми функциями по реализации многостадийного процесса осуществления капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, находящихся на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, собственники помещений в которых избрали в качестве способа формирования фонда капитального ремонта перечисление взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора. Данный способ, по смыслу положений Жилищного кодекса Российской Федерации, в том числе пункта 4 части 1 его статьи 180 и части 1 статьи 182, предполагает наличие у собственников помещений в многоквартирных домах права требовать от регионального оператора проведения капитального ремонта общего имущества в этих домах в объеме и в сроки, предусмотренные региональной программой капитального ремонта, а также финансирования расходов на капитальный ремонт, причем возможность реализации указанного права не зависит от суммы денежных средств, перечисленных в фонд капитального ремонта собственниками помещений в конкретном многоквартирном доме, - в случае их недостаточности исполнение региональным оператором обязанности по финансированию соответствующих услуг и (или) работ осуществляется из средств, полученных за счет платежей собственников помещений в других многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, с привлечением при необходимости средств, полученных из иных источников, в том числе из бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета.

7.3. Как следует из статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, решение об определении способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме должно быть принято и реализовано собственниками помещений в этом доме в течение срока, установленного органом государственной власти субъекта Российской Федерации, но не более чем в течение шести месяцев после официального опубликования региональной программы капитального ремонта, в которую включен данный многоквартирный дом (часть 5); в отношении многоквартирных домов, введенных в эксплуатацию после утверждения региональной программы капитального ремонта и включенных в региональную программу капитального ремонта при ее актуализации, решение об определении способа формирования фонда капитального ремонта должно быть принято и реализовано собственниками помещений в таких домах не позднее чем за три месяца до возникновения у них обязанности по уплате взносов на капитальный

ремонт - притом что такая обязанность возникает по истечении срока, установленного органом государственной власти субъекта Российской Федерации, но не позднее чем в течение пяти лет с даты включения многоквартирного дома в региональную программу капитального ремонта (часть 5.1).

Тем самым выбор собственниками помещений в многоквартирном доме способа формирования фонда капитального ремонта может быть обусловлен в числе прочего и содержанием региональной программы капитального ремонта, в которую включен этот многоквартирный дом. При этом решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете реализуется в следующем порядке: собственники помещений в многоквартирном доме должны уведомить потенциального владельца специального счета о принятом ими решении, открыть специальный счет в кредитной организации, а владелец специального счета - направить в орган государственного жилищного надзора уведомление об избранном собственниками способе формирования фонда капитального ремонта, документы, подтверждающие принятие соответствующего решения собственниками и открытие специального счета; если собственники помещений в многоквартирном доме принимают решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете, открытом на имя регионального оператора, или на счете регионального оператора, то они направляют в адрес регионального оператора копии протокола общего собрания, которым оформлено это решение (часть 5 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации).

7.4. Согласно части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, в случае если собственники помещений в многоквартирном доме в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта либо в случае если капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, собственники помещений в котором формируют фонд капитального ремонта на специальном счете, не был проведен в срок, предусмотренный региональной программой капитального ремонта, орган местного самоуправления принимает решение о формировании фонда капитального ремонта в отношении данного дома на счете регионального оператора.

По смыслу приведенных законоположений, принятие органом местного самоуправления такого решения возможно лишь при условии, что собственники помещений в многоквартирном доме по тем или иным причинам - как зависящим, так и не зависящим от их воли - не совершают предписанных законом действий, направленных на исполнение возложенной на них обязанности по содержанию общего имущества в многоквартирном доме, а именно не формируют фонд капитального ремонта или, если ими принято решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете, не обеспечивают оказание услуг и (или) выполнение работ в соответствии с региональной программой капитального ремонта, что со временем приводит к ухудшению состояния самого дома.

В частности, если в установленный законом срок и при наличии всех необходимых для совершения соответствующих действий условий ими не выбран или не реализован избранный способ формирования фонда капитального ремонта, а следовательно, не обеспечено аккумулирование денежных средств на специальном счете либо на счете регионального оператора, этот дом вследствие естественного износа отдельных элементов его строительных конструкций и инженерных систем - при невозможности собственников распорядиться в нем помещений выделить средства на проведение работ по его капитальному ремонту - окажется со временем под угрозой повреждения или разрушения, в силу чего его дальнейшая безопасная эксплуатация станет невозможной. В свою очередь, это может повлечь дополнительные, незапланированные расходы бюджета соответствующего уровня на проведение необходимых ремонтно-восстановительных работ или на снос многоквартирного дома (в случае его аварийного состояния, не допускающего восстановления). Тем самым неисполнение собственниками помещений в многоквартирном доме обязанности по выбору и реализации способа формирования фонда капитального ремонта, а значит, и обязанности по содержанию общего имущества в этом доме приводило бы к тому, что негативные последствия такого бездействия в нарушение статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации затрагивали бы интересы других лиц.

Следовательно, принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в отношении многоквартирного дома, собственники помещений в котором в установленный законом срок и при наличии всех требуемых для совершения соответствующих действий условий не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, представляет собой необходимую меру, направленную на обеспечение сохранности этого дома и его безопасной эксплуатации, что согласуется с предписаниями как статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, так и ее статьи 40 (часть 2).

Вместе с тем в силу части 6 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации именно на орган местного самоуправления возлагается обязанность по своевременному созыву общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме для решения вопроса об определении способа формирования фонда капитального ремонта - притом что оно должно быть проведено не позднее чем за месяц до окончания установленного частями 5 и 5.1 той же статьи срока принятия соответствующего решения. Данная обязанность - исходя из принципа поддержания доверия граждан к закону и с учетом социальной природы Российского государства, а также фактически сложившихся между ним и гражданами в течение десятилетий отношений в жилищной сфере - подразумевает и возложение на орган местного самоуправления обязанности по надлежащему информированию граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и последствиях выбора одного из них, а также по оказанию

помощи собственникам расположенных в них помещений (прежде всего - собственникам жилых помещений) в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации. Неисполнение органом местного самоуправления этой обязанности создавало бы препятствия для осуществления собственниками помещений в многоквартирном доме права на определение способа формирования фонда капитального ремонта и тем самым приводило бы к ограничению права собственности указанных лиц, как оно определено статьей 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в отношении многоквартирного дома, собственники помещений в котором в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, допустимо лишь после того, как им были предприняты все необходимые меры, направленные на проведение общего собрания собственников помещений в данном доме, которое, однако, не было проведено либо в силу каких-либо причин на нем не было принято соответствующее решение, а также если принятое решение в установленный законом срок не было реализовано.

Таким образом, положение части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации о принятии органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме на счете регионального оператора, если собственники помещений в этом доме в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает принятие органом местного самоуправления такого решения при условии, что им предприняты необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и последствиях выбора одного из них, а также на оказание помощи собственникам расположенных в них помещений (прежде всего - собственникам жилых помещений) в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации.

8. Согласно статье 173 Жилищного кодекса Российской Федерации способ формирования фонда капитального ремонта может быть изменен в любое время на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме (часть 1); в случае если на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме предоставлены и не возвращены кредит, заем или имеется подлежащая погашению за счет фонда капитального ремонта задолженность по оплате оказанных услуг и (или) выполненных работ по капитальному ремонту, принятие собственниками помещений в многоквартирном доме решения об изменении способа форми-

рования фонда капитального ремонта в отношении этого многоквартирного дома допускается лишь при условии полного погашения такой задолженности (часть 2); решение об изменении способа формирования фонда капитального ремонта в течение пяти рабочих дней после его принятия направляется владельцу специального счета, на который перечисляются взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, или региональному оператору, на счет которого перечисляются взносы (часть 4); решение о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете вступает в силу через два года после его направления региональному оператору, если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации, а перечисление средств фонда капитального ремонта на специальный счет осуществляется в течение пяти дней после вступления указанного решения в силу (часть 5); решение о прекращении формирования фонда капитального ремонта на специальном счете и о его формировании на счете регионального оператора вступает в силу через один месяц после его направления владельцу специального счета, а перечисление средств фонда капитального ремонта на счет регионального оператора осуществляется в течение пяти дней после вступления указанного решения в силу (часть 6).

По данным проведенного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации мониторинга, предусмотренным частью 5 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации правом на установление меньшего, чем два года, срока вступления в силу решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете воспользовались лишь 38 субъектов Российской Федерации (в ряде регионов такой срок составляет два либо шесть месяцев). Соответственно, в остальных субъектах Российской Федерации собственники помещений в многоквартирных домах, принявшие такого рода решение, в течение двух лет не могут воспользоваться перечисленными ими ранее на счет регионального оператора средствами фонда капитального ремонта для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в своем многоквартирном доме - при этом что в течение этого срока региональный оператор вправе продолжать использовать соответствующие средства для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонд капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора.

Приведенное правовое регулирование учитывает экономические принципы, лежащие в основе централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями и обуславливающие постоянную обращаемость денежных средств, находящихся на счете регионального оператора, а также отсутствие в его распоряжении зарезерви-

рованных денежных средств. Кроме того, устанавливая правило о сроке вступления в силу решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете, федеральный законодатель исходил, в частности, из необходимости соблюдения статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, с тем чтобы собственники помещений в многоквартирном доме, принявшие такое решение после того, как в этом доме уже был проведен капитальный ремонт, т.е. реализовавшие свой собственный интерес в том числе за счет средств, перечисленных собственниками помещений в других многоквартирных домах, формирующими фонд капитального ремонта на счете того же регионального оператора, продолжили в течение установленного срока перечислять взносы на капитальный ремонт на счет регионального оператора, реализуя принцип социальной солидарности, предполагающий поддержание стабильности и предсказуемости функционирования централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями.

Вместе с тем предписание части 5 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации относительно двухлетнего срока (если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации) вступления в силу решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете во всяком случае не должно применяться, если изначально решение о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора было принято не собственниками помещений в многоквартирном доме, а органом местного самоуправления в порядке, предусмотренном положением части 7 статьи 170 данного Кодекса, без учета конституционно-правового смысла этого положения, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, притом что соответствующий факт установлен решением суда и что капитальный ремонт общего имущества в этом доме проведен не был.

9. Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит положений, предусматривающих специальные меры, гарантирующие безусловный возврат региональным оператором денежных средств, перечисленных собственниками помещений в многоквартирном доме в качестве взносов на капитальный ремонт, по истечении установленного законом срока вступления в силу решения общего собрания собственников помещений о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете. В то же время данным Кодексом определяются общие меры, призванные обеспечивать устойчивость централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями, включая сохранность денежных средств, перечисляемых собственниками помещений в таких домах на счета региональных операторов, и предусмотрена возможность установления соот-

ветствующих мер нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

В частности, Жилищным кодексом Российской Федерации закрепляются основные требования к обеспечению финансовой устойчивости деятельности региональных операторов (статья 185), определяется порядок осуществления контроля за нею (статья 186) и проведения обязательного аудита региональных операторов (статья 187), а также предусматривается ряд мер, направленных на обеспечение субъектами Российской Федерации деятельности региональных операторов, в том числе посредством формирования имущественной базы регионального оператора при его учреждении в виде взносов учредителя (пункт 1 части 1 статьи 179) и предоставления региональному оператору мер государственной поддержки в виде субсидий на осуществление капитального ремонта (пункт 4 части 1 статьи 180 и часть 1 статьи 182). Как следует из части 3 статьи 179 данного Кодекса во взаимосвязи с пунктом 4.3 Методических рекомендаций, утвержденных приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 28 января 2016 года N 41/пр, субъекты Российской Федерации также возмещают текущие административно-хозяйственные расходы регионального оператора.

Кроме того, Жилищный кодекс Российской Федерации обязывает регионального оператора возместить убытки, причиненные собственникам помещений в многоквартирных домах в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих обязательств (часть 5 статьи 178 и часть 1 статьи 188), возлагает на регионального оператора ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта привлеченными им подрядными организациями (часть 6 статьи 182), предусматривает субсидиарную ответственность субъекта Российской Федерации за неисполнение или ненадлежащее исполнение региональным оператором обязательств перед собственниками помещений в многоквартирных домах (часть 6 статьи 178 и часть 2 статьи 188), а в случае признания регионального оператора банкротом устанавливает запрет на включение денежных средств, полученных им от собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, в конкурсную массу (часть 6 статьи 179).

Таким образом, приведенные нормативные положения, направленные на обеспечение сохранности денежных средств, перечисленных собственниками помещений в многоквартирном доме на счет регионального оператора в качестве взносов на капитальный ремонт, в случае принятия ими решения о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете, призваны гарантировать возврат региональным оператором денежных средств, не использованных им для оплаты оказанных услуг и (или) выполненных работ по капитальному ремонту общего имущества в данном доме, что не исключает - с учетом особого правового статуса регионального оператора и с целью поддержания доверия граждан к закону - совершен-

ствования действующего правового регулирования в этой части, в том числе путем установления в законе механизма компенсации собственникам помещений в многоквартирном доме накопленных ими на счете регионального оператора средств в случае их утраты, а также возврата указанных средств при прекращении деятельности регионального оператора.

10. В основе двух предусмотренных Жилищным кодексом Российской Федерации способов формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах лежат разные экономические принципы, что обуславливает и различный порядок расходования составляющих эти фонды денежных средств.

Так, при перечислении собственниками помещений в многоквартирном доме взносов на капитальный ремонт на специальный счет реализуется принцип самостоятельного накопления и резервирования соответствующих денежных средств на одном счете в кредитной организации (банке) с целью последующего их направления на финансирование работ по капитальному ремонту исключительно данного дома.

При перечислении взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора действует основанная на принципе социальной солидарности централизованная система аккумулирования денежных средств и управления ими в пределах территории субъекта Российской Федерации, призванная обеспечить проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах в соответствии с утвержденной данным субъектом Российской Федерации региональной программой, устанавливающей очередность проведения капитального ремонта исходя из критериев, которые предусмотрены законом субъекта Российской Федерации и могут быть дифференцированы по муниципальным образованиям (часть 3 статьи 168 Жилищного кодекса Российской Федерации).

10.1. Аккумулирование накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонд капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, и централизованное управление этими накоплениями - учитывая, что собрать в короткий срок достаточные для проведения капитального ремонта суммы исключительно или преимущественно за счет взносов собственников помещений в таких домах, как правило, не представляется возможным, - позволяют обеспечить необходимое финансирование услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах в порядке очередности, предусмотренной соответствующей региональной программой.

Исходя из этого часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации предусматривает, что денежные средства, полученные от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на

счете, счетах того же регионального оператора; при этом законом субъекта Российской Федерации может быть установлено, что такое использование средств допускается только при условии, если указанные многоквартирные дома расположены на территории определенного муниципального образования или территории нескольких муниципальных образований.

Тем самым обеспечивается обращаемость средств фонда капитального ремонта, которая носит постоянный характер и составляет экономическую основу централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями, что позволяет не только оптимальным образом использовать средства фондов капитального ремонта, формируемых собственниками помещений в многоквартирных домах на счете, счетах регионального оператора, и защитить их от обесценивания вследствие инфляционных процессов, но и, в конечном счете, достичь правомерной цели, вытекающей из конституционного принципа социального государства, - эффективного управления общественными ресурсами в жилищной сфере.

10.2. Часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, по своему буквальному смыслу, не обязывает регионального оператора получать согласие на распоряжение средствами фонда капитального ремонта у собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих его на счете, счетах этого регионального оператора, - иное не соответствовало бы экономическим принципам, лежащим в основе функционирования централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями. Вместе с тем, как следует из ее положений, региональный оператор распоряжается соответствующими средствами на основе принципа возвратности, предполагающего, что собственники помещений в многоквартирном доме, где был проведен капитальный ремонт за счет средств, аккумулированных на счете регионального оператора, не освобождаются от закрепленной частью 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации обязанности перечислять взносы на капитальный ремонт на счет регионального оператора и после проведения в их доме капитального ремонта и что возмещение региональному оператору средств, израсходованных на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, в сумме, превышающей размер фонда капитального ремонта, осуществляется, согласно части 7 статьи 182 данного Кодекса, за счет последующих взносов на капитальный ремонт, подлежащих уплате собственниками помещений в этом многоквартирном доме.

Подобное правовое регулирование не означает перераспределение между собственниками помещений в разных многоквартирных домах, которые перечисляют взносы на капитальный ремонт на счет, счета одного и того же регионального оператора, бремени содержания принадлежащего им имущества и не порождает несовместимых с конституционным принципом равенства существенных различий в правовом положе-

нии собственников помещений в многоквартирных домах в зависимости от избранного ими способа формирования фонда капитального ремонта.

10.3. Таким образом, часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку ее положения, допуская на основе принципа социальной солидарности возможность использования средств, полученных региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, без их согласия на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - предполагают, что очередность капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное проведение соответствующих работ в тех многоквартирных домах, проживание в которых в силу износа их конструктивных элементов представляет опасность для жизни или здоровья граждан, а также в иных случаях возникновения неотложной потребности в капитальном ремонте, и может быть оспорена в судебном порядке, равно как может быть обжаловано и неисполнение региональной программы капитального ремонта, установившей эту очередность. Такая возможность вытекает из предписаний статьи 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации и является гарантией соблюдения прав собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумуляцию денежных средств на счете, счетах регионального оператора.

Вместе тем федеральному законодателю надлежит установить правовой механизм функционирования региональных операторов, позволяющий обеспечивать в случае прекращения деятельности конкретного регионального оператора непрерывность исполнения обязательств по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах перед собственниками помещений в этих домах, а также - в целях дальнейшего повышения открытости, прозрачности и эффективности расходования средств фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, формируемых на счетах региональных операторов, - предусмотреть дополнительные меры, направленные на обеспечение информирования собственников помещений в таких домах и организаций, осуществляющих управление ими, о содержании региональной программы капитального ремонта и критериях оценки состояния многоквартирных домов, на основании которых определяется очередность проведения капитального ремонта.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 86 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Россий-

ской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, закрепляющее общую обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в этих домах (за исключением установленных законом случаев), не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений в многоквартирных домах - независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности - в формировании фондов капитального ремонта общего имущества в таких домах, что не исключает необходимости оказания (по крайней мере, в первые годы реализации региональных программ капитального ремонта, т.е. в условиях первоначального накопления средств фондов капитального ремонта) дополнительной финансовой поддержки проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, причем независимо от избранного собственниками расположенных в них помещений способа формирования фонда капитального ремонта, во всяком случае - при возникновении неотложной потребности в нем, на безвозвратной или возвратной основе за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования, а также за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

Исходя из того что статьей 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» за бывшим наймодателем сохранена обязанность по производству капитального ремонта нуждавшихся в нем домов (что само по себе не исключает уплату взносов на капитальный ремонт всеми собственниками расположенных в них помещений), федеральному законодателю надлежит установить механизм исполнения данной обязанности, согласованный с закрепленным в Жилищном кодексе Российской Федерации порядком проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

2. Признать положение части 4 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, определяющее перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в этом доме аккумуляцию соответствующих денежных средств на специальном счете, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно является элементом единого правового механизма, обеспечивающего реализацию избранного указанными лицами способа участия в финансировании расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, где расположены принадлежащие им помещения, и одновременно

направлено на обеспечение как свободы волеизъявления собственников помещений в многоквартирном доме при выборе способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете, так и достаточности и сохранности средств этого фонда.

3. Признать положение части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации о принятии органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме на счете регионального оператора, если собственники помещений в этом доме в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает принятие органом местного самоуправления такого решения при условии, что им предприняты необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и последствиях выбора одного из них, а также на оказание помощи собственникам расположенных в них помещений (прежде всего - собственникам жилых помещений) в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации.

В случае принятия собственниками помещений в многоквартирном доме на основании части 1 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете предписание части 5 той же статьи относительно двухлетнего срока (если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации) вступления такого решения в силу не должно применяться, если изначально решение о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора было принято не собственниками помещений в многоквартирном доме, а органом местного самоуправления в порядке, предусмотренном положением части 7 статьи 170 данного Кодекса, без учета конституционно-правового смысла этого положения, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, притом что соответствующий факт установлен решением суда и что капитальный ремонт общего имущества в этом доме проведен не был.

4. Признать часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в ней положения предполагают, что очередность капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное проведение ответственных работ в тех многоквартирных домах, проживание в которых в силу износа их конструктивных элементов представляет опасность для жизни или здоровья граждан, а также в иных случаях возникнове-

ния неотложной потребности в капитальном ремонте, и может быть оспорена в судебном порядке, равно как может быть обжаловано и неисполнение региональной программы капитального ремонта, установившей такую очередность.

Федеральному законодателю надлежит предусмотреть правовой механизм функционирования региональных операторов, обеспечивающий в случае прекращения деятельности конкретного регионального оператора непрерывность исполнения обязательств по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах перед собственниками помещений в этих домах, а также - в целях дальнейшего повышения открытости, прозрачности и эффективности расходования средств формируемых на счетах региональных операторов фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах - дополнительные меры, направленные на обеспечение информирования собственников помещений в таких домах и организаций, осуществляющих управление ими, о содержании региональной программы капитального ремонта и критериях оценки состояния многоквартирных домов, на основании которых определяется очередность проведения капитального ремонта.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Признаны не соответствующими Конституции РФ положения статьи 217 НК РФ, поскольку они в силу своей неопределенности допускают возможность налогообложения НДФЛ ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 12 апреля 2016 г. N 11-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТАТЕЙ 32, 34.2 И 217 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПУНКТОВ 1 И 3
ПОЛОЖЕНИЯ О ПЕНСИОННОМ ФОНДЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (РОССИИ) И ПОДПУНКТА 5.1.1
ПОЛОЖЕНИЯ О ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЕ
В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОКРУЖНОГО
ВОЕННОГО СУДА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3.1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статей 32, 34.2 и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Ленинградского окружного военного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем нормативные положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М.И. Клеандрова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации от обложения налогом на доходы физических лиц освобождаются государственные пособия, иные выплаты и компенсации, выплачиваемые в соответствии с действующим законодательством, а также все виды установленных действующим законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат, связанных с возмещением вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья; бесплатным предо-

ставлением жилых помещений и коммунальных услуг, топлива или соответствующего денежного возмещения; оплатой стоимости и (или) выдачей полагающегося натурального довольствия, а также с выплатой денежных средств взамен этого довольствия; оплатой стоимости питания, спортивного снаряжения, оборудования, спортивной и парадной формы, получаемых спортсменами и работниками физкультурно-спортивных организаций для тренировочного процесса и участия в спортивных соревнованиях, а также спортивными судьями для участия в спортивных соревнованиях; увольнением работников, с учетом предусмотренных законом исключений (пункты 1 и 3).

В соответствии со статьями 32, 34.2 Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливающими обязанности налоговых органов и полномочия финансовых органов, и подпунктом 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 года N 506) налоговые и финансовые органы, в частности, осуществляют контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах, а также принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения налогов и сборов (в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, - за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей), дают письменные разъяснения налогоплательщикам, плательщикам сборов и налоговым агентам по вопросам применения законодательства о налогах и сборах; Пенсионный фонд Российской Федерации в силу пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) (утверждено постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 года N 2122-1) осуществляет, помимо прочего, контроль с участием налоговых органов за поступлением и расходованием средств Пенсионного фонда Российской Федерации и ведет разъяснительную работу по вопросам пенсионного обеспечения.

1.1. В производстве Ленинградского окружного военного суда находится дело по заявлению гражданина А. - старшего прапорщика Федеральной службы охраны Российской Федерации об оспаривании действий начальника Центра специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Новгородской области, связанных с удержанием налога на доходы физических лиц с ежемесячной денежной выплаты, производимой А. как ветерану боевых действий.

Решением Великоновгородского гарнизонного военного суда от 9 июля 2015 года требования А. были удовлетворены в полном объеме: действия по удержанию налога на доходы физических лиц с ежемесячной денежной выплаты признаны противоречащими статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации, как предполагающей освобождение таких выплат ветеранам боевых действий от обложения налогом на доходы физических лиц. При этом суд, руководствуясь статьей 23.1 Федерального закона от 12 января 1995 года N 5-ФЗ «О ветеранах», статьей 6.5 Федерально-

го закона от 17 июля 1999 года N 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и полученными им разъяснениями отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Новгородской области, пришел к выводу о компенсационном характере и социальной направленности указанной денежной выплаты.

Должностное лицо Центра специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Новгородской области обжаловало решение суда первой инстанции в апелляционном порядке в Ленинградский окружной военный суд. При подготовке дела к судебному разбирательству председательствующий судья направил запросы, касающиеся обложения ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий, налогом на доходы физических лиц, в Федеральную налоговую службу и Пенсионный фонд Российской Федерации, чьи ответы свидетельствовали о том, что данные государственные органы придерживаются противоположных точек зрения.

Придя к выводу о том, что имеется неопределенность в вопросе о соответствии статьям 7, 19 и 55 Конституции Российской Федерации статей 32, 34.2 и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе, Ленинградский окружной военный суд определением от 15 октября 2015 года приостановил производство по делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом в порядке статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, оценивая как буквальное значение проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в запросе.

По мнению Ленинградского окружного военного суда, статья 217 Налогового кодекса Российской Федерации не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, подлежит ли освобождению от налогообложения ежемесячная денежная выплата ветеранам боевых действий, что приводит к нарушению равенства граждан и умалению их права на получение носящей компенсаторный характер выплаты в том размере, который определен для них законом, а статьи 32 и 34.2 данного Кодекса, пункты 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункт 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе допускают издание Федеральной налоговой службой

и Пенсионным фондом Российской Федерации противоречивых разъяснений по указанному вопросу.

Между тем само по себе наличие противоречий в позициях Федеральной налоговой службы и Пенсионного фонда Российской Федерации по вопросам обложения налогом на доходы физических лиц тех или иных выплат не может рассматриваться как свидетельство неконституционности статей 32 и 34.2 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе, определяющих их полномочия. Проверка же законности принимаемых ими актов относится к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов и не входит в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Следовательно, производство по настоящему делу в указанной части в силу части второй статьи 36, пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является статья 217 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос об освобождении от обложения налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной законом для ветеранов боевых действий.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и закрепляет, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7), каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1).

Реализация целей социальной политики Российской Федерации, как они определены Конституцией Российской Федерации, является одной из основных конституционных обязанностей государства, а потому, осуществляя присущие современному государству функции, в том числе фискальные, оно должно учитывать необходимость достижения указанных целей. В частности, при определении порядка и условий налогообложения доходов населения следует принимать во внимание действующие в Российской Федерации гарантии социальной защиты, включающей, наряду с пенсиями и пособиями, меры социальной поддержки отдельных категорий граждан, нуждающихся в силу

состояния здоровья, возраста, особого статуса и других обстоятельств в повышенной социальной защите.

Конституция Российской Федерации не указывает на конкретные способы и объем социальной защиты, предоставляемой тем или иным категориям граждан, - разрешение этих вопросов является прерогативой законодателя, который, реализуя при осуществлении правового регулирования конституционные гарантии в социальной сфере, располагает достаточно широкой свободой усмотрения при определении таких категорий, мер социальной защиты, выборе критериев их дифференциации и регламентации условий предоставления. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предусматривая данные меры и определяя их содержание, законодатель должен исходить из недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан (статья 55, часть 2, Конституции Российской Федерации), и основывая свои решения на конституционных принципах равенства и справедливости, из которых вытекает необходимость равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях, и соблюдение которых означает, помимо прочего, запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 24 октября 2012 года № 23-П и др.).

2.1. В силу предписаний статей 2, 7, 15 (части 1 и 2), 18, 21 (часть 1), 39 (часть 1), 59 (часть 1), 71 (пункты «в», «м») и 72 (пункты «б», «ж» части 1) Конституции Российской Федерации, действуя в рамках предоставленных ему полномочий, законодатель в Федеральном законе «О ветеранах», устанавливающим правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе (преамбула), с учетом заслуг по защите Отечества, безупречной военной службы, иной государственной службы и продолжительного добросовестного труда выделил категории ветеранов, в частности ветеранов боевых действий (статья 1), а также определил круг лиц, относящихся к данной категории, и предусмотрел для них меры социальной поддержки (статьи 3, 16 и 23.1).

Так, для ветеранов боевых действий - лиц, указанных в подпунктах 1 - 4 пункта 1 статьи 3, принимавших участие в боевых действиях, статья 16 названного Федерального закона предусматривает предоставление льгот по пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством, компенсации расходов на оплату жилых помещений в размере 50 процентов, взноса на капитальный ремонт, а также другие меры социальной поддержки, предоставляемые в натуральной форме.

«О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный

закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», часть предоставлявшихся ветеранам боевых действий до 1 января 2005 года в натуральной форме льгот была заменена ежемесячной денежной выплатой (подпункт 2 пункта 1 статьи 13 и статья 23.1 Федерального закона «О ветеранах»).

Ежемесячная денежная выплата, согласно статье 23.1 Федерального закона «О ветеранах», устанавливается и выплачивается территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации в фиксированном размере (подпункт 3 пункта 4, пункт 6) и подлежит индексации в порядке, предусмотренном законодательством (пункт 5); при этом часть суммы ежемесячной денежной выплаты по волеизъявлению получателя может направляться на финансирование предоставления ему социальных услуг в соответствии с Федеральным законом «О государственной социальной помощи», к числу которых отнесены: обеспечение в соответствии со стандартами медицинской помощи необходимыми лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, медицинскими изделиями по рецептам на медицинские изделия; предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение; бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно (статья 2).

Ежемесячные денежные выплаты ветеранам, в том числе ветеранам боевых действий, как это следует из федеральных законов о бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на соответствующий год, осуществляются за счет бюджетных ассигнований, получаемых в форме межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

2.2. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, ежемесячная денежная выплата представляет собой неотъемлемую составляющую социальной поддержки ветеранов и членов их семей; по своей правовой природе она направлена на восполнение потерь для граждан, ранее являвшихся получателями натуральных льгот и гарантий, и, таким образом, на обеспечение гарантирования стабильности их юридического статуса (определения от 27 декабря 2005 года № 502-О и от 13 октября 2009 года № 1125-О-О).

Следовательно, правовое регулирование, определяющее размеры и условия предоставления ветеранам боевых действий ежемесячной денежной выплаты, обеспечивает сохранение для них достигнутого уровня социальной защиты с учетом их особого статуса и заслуг перед обществом и государством, гарантируя в то же время возможность выбора предоставления социальных услуг в наиболее приемлемой для получателя форме - денежной или натуральной.

По способу финансирования и своему предназначению в системе социальной защиты данная выплата не может рассматриваться как принципиально отли-

чающаяся от иных мер социальной поддержки, предоставляемых ветеранам боевых действий.

3. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации законы о налогах, принимаемые в целях обеспечения реализации конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57 Конституции Российской Федерации), должны быть конкретными и понятными, неопределенность же норм налогового законодательства может привести к не согласующемуся с принципом правового государства (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками и к нарушению равенства граждан перед законом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации); акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он должен платить, причем все неустраиваемые сомнения, противоречия и неясности таких актов толкуются в пользу плательщика налога или сбора (пункты 6 и 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации); неопределенность налоговых норм может приводить как к нарушению прав налогоплательщиков, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога (постановления от 8 октября 1997 года N 13-П, от 28 марта 2000 года N 5-П, от 30 января 2001 года N 2-П; определения от 12 июля 2006 года N 266-О, от 2 ноября 2006 года N 444-О, от 15 января 2008 года N 294-О-П и др.).

Названные конституционные критерии правового регулирования налогообложения в полной мере распространяются на все структурные элементы налогового обязательства и предполагают определение ясного, понятного, непротиворечивого порядка уплаты налога (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 года N 10-П).

3.1. При установлении налога на доходы физических лиц (глава 23 Налогового кодекса Российской Федерации) федеральный законодатель, в том числе с учетом целей социальной политики в Российской Федерации, определил в статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации доходы, не подлежащие налогообложению: пункт 1 данной статьи к таким доходам относит государственные пособия (кроме пособия по временной нетрудоспособности, в том числе по уходу за больным ребенком), включая пособия по безработице, беременности и родам, а также иные выплаты и компенсации, выплачиваемые в соответствии с действующим законодательством, а пункт 3 той же статьи отдельно выделяет круг компенсационных выплат, связанных с осуществлением трудовой или служебной деятельности, а также возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью работника (государственно-служашего).

При определении видов доходов, подлежащих освобождению от обложения налогом на доходы физических лиц, законодатель использовал такие понятия, как «государственные пособия», «выплаты», «компенсации», «компенсационные выплаты», не уточняя, однако, их содержание и отраслевую принадлежность

и не учитывая то обстоятельство, что действующее законодательство наряду с термином «государственные пособия» применяет термин «пособия», а термины «выплаты», «компенсации», «компенсационные выплаты» встречаются в правовых нормах различной отраслевой принадлежности в разном значении.

Кроме того, действующее законодательство не содержит системной классификации выплат и компенсаций, назначаемых лицам, признаваемым государством нуждающимися в силу состояния здоровья, возраста, особого статуса и других обстоятельств в повышенной социальной защите: они могут иметь различное наименование в зависимости от основания назначения - ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; компенсация расходов на оплату жилых помещений и социальных услуг; ежемесячная денежная выплата, которая устанавливается для разных категорий граждан, и др. При этом большинство подобных выплат и компенсаций по своему характеру относятся к мерам социальной поддержки.

Это приводит к неопределенности правового регулирования и неоднозначному пониманию положений статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации при решении вопроса о налогообложении выплат, предоставляемых гражданам за счет бюджетных ассигнований в качестве меры социальной поддержки, к числу которых относится назначаемая ветеранам боевых действий ежемесячная денежная выплата.

3.2. Неопределенность сложившегося правового регулирования подтверждается и практикой правоприменения. Так, материалы дела, находящегося в производстве Ленинградского окружного военного суда, свидетельствуют о том, что Федеральная налоговая служба, ссылаясь на отсутствие в пункте 3 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации упоминания о данной выплате, в своей правоприменительной практике исходит из необходимости буквального понимания данного законоположения, что влечет необходимость включения данной выплаты в налогооблагаемую базу. Пенсионный фонд Российской Федерации, осуществляющий выплату соответствующих денежных средств как напрямую ветеранам боевых действий (лицам, вышедшим на пенсию), так и через различные организации (например, в случае продолжения ветераном боевых действий военной службы), напротив, возражает против удержания с нее налога на доходы физических лиц, основываясь на правовой природе ежемесячной денежной выплаты.

Кроме того, по сообщению Пенсионного фонда Российской Федерации, налог на доходы физических лиц не удерживается с ежемесячной денежной выплаты, получаемой ветеранами боевых действий в отделениях Пенсионного фонда Российской Федерации по месту их жительства, т.е. в том случае, когда они оставили службу и перешли на пенсию.

Неопределенность в вопросе об отнесении к выплатам, освобождаемым от обложения налогом на доходы физических лиц, ежемесячной денежной вы-

платы, установленной для ветеранов боевых действий, приводит к тому, что ветераны боевых действий, получающие ежемесячную денежную выплату, ставятся в различное положение в зависимости от того, получают они назначенную выплату в полном объеме в денежной форме или направляют часть ее суммы на финансирование предоставления социальных услуг в соответствии с Федеральным законом «О государственной социальной помощи», а также в зависимости от того, продолжают они военную или государственную службу иного вида или переходят на пенсию. Тем самым устанавливается различный правовой режим налогообложения для одной и той же выплаты в зависимости от формальных, не связанных с ее правовой природой критериев и нарушается принцип равенства лиц, относящихся к одной категории.

4. Таким образом, положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 57, в той мере, в какой в силу своей неопределенности они допускают обложение налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, прежде всего вытекающими из нее требованиями правовой определенности, полноты и эффективности судебной защиты прав человека и основных свобод, а также правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, внести в статью 217 Налогового кодекса Российской Федерации необходимые изменения в соответствии с настоящим Постановлением.

Впредь до внесения соответствующих изменений положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не могут служить основанием для обложения налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 57, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они в силу своей неопределенности допускают обложение налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

2. Прекратить производство по делу в части, касающейся проверки конституционности статей 32 и 34.2 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе.

3. Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, а также правовыми позициями Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации, внести в статью 217 Налогового кодекса Российской Федерации необходимые изменения в соответствии с настоящим Постановлением.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд РФ установил порядок исполнения постановления ЕСПЧ об избирательных правах осужденных.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 19 апреля 2016 г. N 12-П

**ПО ДЕЛУ О РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА
О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ В СООТВЕТСТВИИ
С КОНСТИТУЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА ОТ 4 ИЮЛЯ 2013 ГОДА ПО ДЕЛУ «АНЧУГОВ
И ГЛАДКОВ ПРОТИВ РОССИИ» В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием представителя Министерства юстиции Российской Федерации - заместителя Министра юстиции Российской Федерации Г.О. Матюшкина,

руководствуясь статьей 125 Конституции Российской Федерации, пунктом 3.2 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, статьями 36, 74, 104.1, 104.2, 104.3 и 104.4 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Gladkov против России».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Министерства юстиции Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Gladkov против России».

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д. Князева, объяснения представителя Министерства юстиции Российской Федерации как стороны, обратившейся в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом, выступления приглашенных в заседание гражданина С.Б. Анчугова, представителей гражданина В.М. Gladkova - адвокатов С.В. Клещева и В.В. Шухардина, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф. Вяткина, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И. Александрова, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова, полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Рос-

сийской Федерации М.Ю. Барщевского, полномочного представителя Генерального прокурора Российской Федерации Т.А. Васильевой, а также представителей: от Центральной избирательной комиссии Российской Федерации - М.В. Гришиной, от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека - И.Г. Шаблинского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Названное конституционное предписание воспроизводится в пункте 3 статьи 4 Федерального закона от 12 июня 2002 года N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункте 4 статьи 3 Федерального закона от 10 января 2003 года N 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и части 4 статьи 5 Федерального закона от 18 мая 2005 года N 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Статья 3 «Право на свободные выборы» Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает, что Высокие Договаривающиеся Стороны (государства - участники Конвенции) обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти.

Европейский Суд по правам человека в постановлении от 4 июля 2013 года (вступило в силу 9 декабря 2013 года) по делу «Анчугов и Gladkov против России» (жалобы N 11157/04 и N 15162/05) пришел к выводу, что установленное статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации ограничение избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает гарантированное статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод субъективное право на участие в выборах.

В связи с этим Министерство юстиции Российской Федерации как федеральный орган исполнительной власти, наделенный компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в Европейском Суде по правам человека жалоб, поданных против России на основании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, полагая, что постановление по делу «Анчугов и Gladkov против России» в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер по его исполнению, основано на статье 3 Протокола N 1 к Конвенции в истолковании, приводящем к ее расхождению со статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, обратилось в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статей 104.1 и 104.2 Федерального конституционного закона «О Консти-

туционном Суде Российской Федерации» с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения данного постановления.

1.1. Дело «Анчугов и Гладков против России» было инициировано на основании двух жалоб, поданных в Европейский Суд по правам человека гражданами Российской Федерации - С.Б. Анчуговым, который за убийство, кражи и мошенничество был осужден к наказанию в виде смертной казни, замененной судом кассационной инстанции лишением свободы на срок пятнадцать лет, и В.М. Гладковым, который за убийство, разбой, участие в организованной преступной группе и оказание сопротивления сотрудникам правоохранительных органов также был осужден к наказанию в виде смертной казни, впоследствии замененной лишением свободы на срок пятнадцать лет.

После вступления вынесенных приговоров в законную силу заявителям, как лишенным активного избирательного права на основании статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и воспроизводящего ее положения федерального законодательства о выборах, было отказано в участии в голосовании на выборах депутатов Государственной Думы, состоявшихся 7 декабря 2003 года и 2 декабря 2007 года (а также дополнительных выборах, состоявшихся 5 декабря 2004 года), и выборах Президента Российской Федерации, проводившихся 26 марта 2000 года, 14 марта 2004 года и 2 марта 2008 года, что и послужило поводом для их обращения в Европейский Суд по правам человека с жалобами на нарушение Российской Федерацией права на свободные выборы, признанного в статье 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Принимая постановление по делу «Анчугов и Гладков против России», Европейский Суд по правам человека исходил из того, что в системе Конвенции нет места для автоматического лишения гарантированных ею избирательных прав, когда лицо утрачивает их лишь вследствие своего статуса заключенного в результате осуждения, и что принцип соразмерности наказания (в широком смысле - и ограничения избирательных прав осужденных) требует наличия явной и достаточной связи между наказанием и поведением лица, а также обстоятельствами конкретного дела, а потому такая суровая мера, как лишение избирательных прав, не должна применяться легко (пункт 97).

Согласившись с тем, что преследуемые этой мерой цели укрепления гражданской ответственности, уважения к верховенству права и обеспечения надлежащего функционирования и сохранения гражданского общества и демократического режима не могут как таковые быть признаны несостоятельными или несовместимыми со статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции (пункт 102), Европейский Суд по правам человека не признал аргументы властей Российской Федерации относительно соразмерности рассматриваемого ограничения, посчитав его имеющим слишком общий характер. Отвергая довод о том, что только те лица, которые были осуждены за преступления, являющиеся достаточно серьезными, чтобы оправдать реальное лишение свободы, лишаются также и права голоса, он отметил, что власти Российской Федерации не при-

вели в обоснование своего утверждения каких-либо статистических данных. По мнению Европейского Суда по правам человека, лишение избирательных прав в целом - даже принимая во внимание, что большая категория лиц, содержащихся под стражей в ходе уголовного судопроизводства, сохраняет право голоса, - относится к слишком широкому кругу наказаний и правонарушений, включая не только наиболее опасные виды преступлений, но и преступления небольшой тяжести; кроме того, властями Российской Федерации не было представлено доказательств того, что при вынесении решения о назначении наказания в виде лишения свободы российские суды принимают во внимание тот факт, что такой приговор будет также означать и лишение осужденного избирательных прав (пункты 104 - 106).

Подчеркнув, что указанные соображения имеют значение лишь для оценки аргументов, представленных властями Российской Федерации при разрешении данного дела, и не должны рассматриваться как установление каких-либо общих принципов, Европейский Суд по правам человека подтвердил ранее выраженную им в постановлении от 22 мая 2012 года по делу «Скоппола (Scoppola) против Италии» (N 3) позицию, согласно которой лишение активного избирательного права без соответствующего судебного решения само по себе не приводит к нарушению статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции, но с целью обеспечения гарантированных ею прав государства - участники Конвенции могут предоставить судам право оценки соразмерности меры, ограничивающей право осужденных на участие в голосовании, либо включить в законодательство соответствующие положения об условиях и обстоятельствах применения такой меры, которые обеспечивали бы баланс конкурирующих интересов, с тем чтобы избежать общего, автоматического и недифференцированного ограничения (пункты 102 и 104).

Довод властей Российской Федерации о том, что дело «Анчугов и Гладков против России» существенно отличается от аналогичных дел против других государств, поскольку в России запрет на участие в выборах граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, закреплен в Конституции Российской Федерации, принятой путем всенародного голосования, а не посредством закона, принятого парламентом, также был отвергнут Европейским Судом по правам человека, по мнению которого все правовые акты государств - участников Конвенции, согласно ее положениям, подлежат проверке невзирая на их внутренний статус, а потому установление соответствующего запрета непосредственно в Конституции Российской Федерации, даже несмотря на возможность широкого маневра в решении таких вопросов, не может служить оправданием недифференцированного и несоразмерного ограничения активного избирательного права в отношении указанных граждан (пункт 108).

Касаясь вопроса об исполнении данного постановления, Европейский Суд по правам человека особо отметил, что с учетом сложности процедуры внесения изменений в Конституцию Российской Федерации власти Российской Федерации могут по своему усмотрению воспользоваться возможными способами обеспе-

чения совместимости действующих ограничительных мер со статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе посредством истолкования статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, позволяющего избежать коллизий между ними, либо с помощью какой-либо формы политического процесса (пункт 111). При этом Европейский Суд по правам человека оставил без удовлетворения требование заявителей о денежной компенсации, посчитав само по себе установление факта нарушения прав достаточной и справедливой компенсацией в отношении любого причиненного им морального вреда (пункт 122).

1.2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, как международный договор Российской Федерации, является составной частью ее правовой системы, а потому государство обязано исполнять вынесенное на основании положений Конвенции постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного предмета спора; при этом реализация предусматриваемых постановлением Европейского Суда по правам человека мер - как индивидуального (individual), так и общего (general) характера - должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы.

Вместе с тем взаимодействии европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правопорядке; признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Из приведенной правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года N 21-П, следует, что Конституционный Суд Российской Федерации как последняя инстанция по разрешению в рамках действующего конституционного регулирования вопроса о возможности исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека как межгосударственного органа по защите прав и свобод человека должен в соответствии с международными обязательствами России находить при осуществлении данного полномочия разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой - не вступало бы в противоречие с осно-

вами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым отметить, что ранее принятые им по данному вопросу решения не определяют вывод о возможности или невозможности исполнения в целом в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России».

1.3. Таким образом, с учетом предписаний пункта 3.2 части первой статьи 3, статей 104.1, 104.2 и 104.3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьей 32 (часть 3), постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», вынесенного на основании статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России как правовом демократическом государстве (статья 1, часть 1) свободные выборы наряду с референдумом являются высшим непосредственным выражением власти народа (статья 3, часть 3); граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (статья 32, часть 1), в том числе право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (статья 32, часть 2).

Как следует из правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 10 октября 2013 года N 20-П, правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее в том числе от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом опирается на доверие общества. Создавая такие правовые механизмы, государство - с тем чтобы не возникли сомнения в законности и бескорыстности действий граждан, участвующих в управлении его делами как непосредственно, так и через своих представителей, - вправе использовать для достижения указанных целей определенные ограничения активного и пассивного избирательного права.

Возможность ограничений права на участие в выборах, включая право голоса, вытекает из конституционной природы избирательных прав, которая воплощает в себе единство субъективных электоральных правомочий гражданина и общую (коллективную) заинтересованность в формировании легитимных органов народного представительства на основе принципа свободных выборов. Исходя из этого непосредственно Конституцией Российской Федерации, ее статьей 32

(часть 3), прямо закреплено, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Данное ограничение ввиду его особой значимости выделено конституционным законодателем как отдельный случай ограничения права избирать и быть избранным, гарантированного статьей 32 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Кроме того, в силу статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации федеральный законодатель правомочен, руководствуясь принципами обоснованности и соразмерности (пропорциональности), предусмотреть иные ограничительные условия осуществления избирательных прав - в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такого рода условия (ограничения) могут быть также продиктованы необходимостью обеспечения формирования легитимных органов народного представительства, поддержания публичного правопорядка и минимизации рисков криминализации избирательных отношений.

Не исключают возможность правомерного ограничения избирательных прав и международные договоры Российской Федерации, являющиеся согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России. Так, в соответствии с пунктом «б» статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый гражданин должен иметь без какой-либо дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей. Оценивая значение приведенной международно-правовой нормы, Комитет по правам человека отметил, что основания для лишения граждан права избирать должны быть объективными и разумными; если основанием для приостановления права голоса является осуждение за совершение преступления, срок такого приостановления должен быть соразмерен преступлению и приговору; лицам, которые лишены свободы, но не осуждены, не может быть отказано в осуществлении права избирать (пункт 14 Замечания общего порядка N 25 (1996) относительно статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Статья 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязывая государства - участников Конвенции проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти, непосредственно не оговаривает допустимость каких-либо ограничений в регулируемой ею области. Тем не менее Европейский Суд по правам человека в своей прецедентной практике по данному вопросу последовательно придерживается концепции «подразумеваемых ограничений»,

в силу которой закрепленные в указанной статье права не являются абсолютными, что предполагает определенную, и достаточно широкую, свободу усмотрения государств - участников Конвенции при их регулировании на национальном уровне.

По мнению Европейского Суда по правам человека, в Европе существуют многочисленные способы организации и функционирования избирательных систем, а также множество различий, *inter alia*, в историческом развитии, культуре и политической мысли, которые каждое государство само преобразует в свое видение демократии; вместе с тем государства - участники Конвенции обязаны гарантировать всеобщее избирательное право к качеству основополагающего принципа современной демократии, а любые его ограничения, не нарушая само существо избирательных прав и не лишая их эффективности, должны преследовать законную цель и быть пропорциональны ей (постановления от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфейг (Clerfayt) против Бельгии», от 1 июля 1997 года по делу «Гитонас (Gitonas) и другие против Греции», от 9 апреля 2002 года по делу «Подколзина (Podkolzina) против Латвии», от 6 октября 2005 года по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (N 2), от 22 мая 2012 года по делу «Скоппола (Scoppola) против Италии» (N 3) и др.).

3. В вопросе об ограничении избирательных прав лиц, приговоренных к лишению свободы, Европейский Суд по правам человека использует два взаимодополняющих подхода - дискреционный и легальный.

Первый применен в постановлении от 6 октября 2005 года по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (N 2). Рассматривая данное дело, Европейский Суд по правам человека пришел к следующим выводам: оспариваемый заявителем запрет избирать охватывает широкий круг правонарушений (от относительно малозначительных правонарушений до исключительно тяжких преступлений) и наказаний (сроком от одного дня до пожизненного лишения свободы); законодательство Соединенного Королевства, лишаящее всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, права избирать, применяется автоматически и недифференцированно, т.е. независимо от длительности срока наказания и характера или тяжести совершенных правонарушений, а также личных характеристик, а потому несовместимо со статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункты 32, 71, 77 и 82). Исходя из того что принцип соразмерности требует наличия очевидной и достаточной связи между санкцией, обстоятельствами конкретного дела и поведением лица, Европейский Суд по правам человека в качестве применимого аргумента сослался в данном деле, в частности, на рекомендацию Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) о возможности лишения политических прав только по решению суда (подпункт «d» пункта 1.1 Руководящих принципов относительно выборов, 2002 год), поскольку, как и в других сферах, независимый суд, применяя состязательную процедуру, предоставляет твердую гарантию против произвольных решений. Приведенная правовая позиция подтверждена Европейским Су-

дом по правам человека в постановлениях от 8 апреля 2010 года по делу «Фродль (Frodل) против Австрии» и от 23 ноября 2010 года по делу «Гринс и М.Т. (Greens & M.T.) против Соединенного Королевства», в которых прямо указано, что решение о лишении осужденного (заклученного) права голоса должно приниматься в индивидуальном порядке судом.

Следовательно, нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в указанных делах Европейский Суд по правам человека усмотрел в том, что ограничения избирательных прав, о которых идет речь, во-первых, охватывают слишком широкий круг уголовных правонарушений, включая малозначительные; во-вторых, применяются к осужденным (заклученным) автоматически и недифференцированно, вне зависимости от продолжительности срока назначенного им наказания, характера и тяжести совершенного преступления и конкретных обстоятельств; в-третьих, осуществляются не на основании дискреционного правоприменительного решения, которым бы устанавливалась связь между необходимостью лишения избирательных прав и обстоятельствами конкретного дела.

В дальнейшем, развивая свои подходы к решению данного вопроса, Европейский Суд по правам человека признал допустимым ограничение избирательных прав осужденных - при условии соблюдения требований соразмерности и дифференцированности - не только по дискреционному решению суда, но и иными равнозначными способами, избежав тем самым возможного упрека в произвольном истолковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, переходящем ту тонкую грань, которая отделяет толкование норм права от их пополнения, что не соответствовало бы как субсидиарной роли этого международного судебного органа, так и принципу национально-государственного суверенитета.

Так, в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 22 мая 2012 года по делу «Скоппола (Scoppola) против Италии» (N 3) было признано, что положения итальянского законодательства, определяющие обстоятельства, при которых лицо может быть лишено активного избирательного права, демонстрируют озабоченность тем, чтобы данная мера применялась соразмерно конкретному делу, с учетом тяжести совершенного преступления и поведения преступника; такие ограничения не обязательно должны быть автоматическими, общими и недифференцированными только потому, что решение о них не принималось судьей; обстоятельства, при которых возможно лишение права на участие в голосовании, могут быть подробно изложены в законе, что ставило бы их применение в зависимость от таких факторов, как, например, тяжесть совершенного преступления; лишение активного избирательного права без соответствующего судебного решения само по себе не приводит к нарушению статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункты 106, 108 и 110).

Опираясь на приведенные аргументы, Европейский Суд по правам человека не усмотрел в деле «Скоппола (Scoppola) против Италии» (N 3) нарушения требова-

ния Конвенции о защите прав человека и основных свобод об обеспечении свободного волеизъявления народа при выборе органов законодательной власти в том, что осужденные за серьезные уголовные правонарушения (serious criminal offences) лишаются избирательных прав не только по судебному решению, но и на основании критериев, установленных законом, в частности, либо в отношении определенных видов преступлений, совершенных против государства или правосудия, либо в отношении преступлений, наказываемых лишением свободы на срок три года и более. Тем самым Европейский Суд по правам человека фактически дополнил дискреционный подход к решению данного вопроса подходом легальным.

В постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России» Европейский Суд по правам человека также отметил, что лишение права избирать без какого-либо *ad hoc* судебного решения само по себе не влечет нарушения статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции и что в свете обеспечения гарантированных ею прав государства - участники Конвенции могут либо оставить за судами определение соразмерности меры, ограничивающей избирательные права осужденных (заклученных), либо инкорпорировать положения, определяющие обстоятельства, при которых такая мера подлежит применению, в национальное законодательство; причем в последнем случае устанавливать баланс конкурирующих интересов - с тем чтобы избежать общего, автоматического и недифференцированного ограничения - необходимо самому законодателю (пункт 107).

4. Разрешение вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» на основе принципа соразмерности, в том числе посредством исполнения адресованной России обязанности обеспечить дифференцированное ограничение активного избирательного права граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, требует уяснения истинного смысла и значения нормативного содержания статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, т.е. предполагает анализ данной конституционной нормы - как ее собственного буквального смысла, так и во взаимосвязи с другими конституционными нормами и с конкретизирующими ее законодательными актами.

4.1. Нормативное предписание, согласно которому не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, введено в российскую правовую систему непосредственно Конституцией Российской Федерации, ее статьей 32 (часть 3), федеральное же законодательство о выборах лишь воспроизводит его. Соответственно, действие запрета на реализацию активного избирательного права в отношении указанных граждан ограничивается сроками реального отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, установленными приговором суда, а бессрочный (пожизненный) отказ в осуществлении права избирать может иметь место только при назначении судом пожизненного лишения свободы с одновременной оговоркой о предусмотренной уголовным

законом возможности в определенных случаях освобождения лица от отбывания наказания.

Формулировка «не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда» с лингвистической (грамматической) точки зрения представляет собой императивный запрет, со всей определенностью означающий, что избирательных прав не имеют без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Попытки истолковать соответствующее положение статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации как позволяющее федеральному законодателю ограничить избирательные права не всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, а только приговоренных к лишению свободы за совершение тяжких преступлений или, исходя из принципа всеобщности избирательного права, вообще отказаться от этого запрета не согласуются с указанным конституционным императивом, безусловно распространяющимся на всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда.

Статья 32 включена в главу 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации; установленный ею запрет относится к основам правового статуса личности в Российской Федерации и не может быть отменен или изменен иначе как в специальном порядке, установленном для принятия новой Конституции Российской Федерации, т.е. Конституционным Собранием или всенародным голосованием (статьи 64, 134 и 135 Конституции Российской Федерации).

Кроме того, по смыслу статьи 16 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой никакие другие положения Конституции Российской Федерации не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации, все ее положения в целом составляют непротиворечивое системное единство. Соответственно, предписание статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации никоим образом не может интерпретироваться как нарушающее закрепленные ею принципы свободных выборов и всеобщности избирательного права (статья 3, часть 3; статья 32, части 1 и 2; статья 81, часть 1), а также как не отвечающее критериям допустимых ограничений конституционных прав и свобод (статья 55, часть 3). Именно исходя из того, что проверка какого-либо положения Конституции Российской Федерации на предмет его соответствия другим положениям Конституции Российской Федерации исключена (что, в свою очередь, исключает наделение Конституционного Суда Российской Федерации соответствующим полномочием), Конституционный Суд Российской Федерации Определением от 27 мая 2004 года N 177-О отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.М. Гладкова на нарушение его конституционных прав статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Следует также иметь в виду, что при подготовке проекта Конституции Российской Федерации обсуждались различные варианты ограничения избирательных прав лиц, подвергнутых по приговору суда лишению свободы. При этом принималось во внимание

и ранее действовавшее конституционное регулирование. Так, Конституция РСФСР 1918 года предусматривала исключение из числа субъектов избирательных прав лиц, осужденных за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором (статья 65), а согласно Конституции РСФСР 1937 года осужденные не могли участвовать в выборах депутатов и быть избранными лишь в случае лишения избирательных прав судом (статья 139). Конституция РСФСР 1978 года в первоначальной редакции вообще не содержала предписаний, ограничивающих избирательные права осужденных, в том числе осужденных к лишению свободы, и только Законом РСФСР от 27 октября 1989 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» в нее было включено положение, согласно которому не могли участвовать в выборах лица, содержащиеся по решению суда либо с санкции прокурора в местах лишения свободы, а также находящиеся по решению суда в местах принудительного лечения (часть четвертая статьи 92).

Как свидетельствуют материалы Конституционного совещания 1993 года, его участники при обсуждении проекта Конституции Российской Федерации предлагали, в частности, лишить права избирать и быть избранными граждан, которым судом назначено какое-либо уголовное наказание, связанное с ограничением свободы, либо запретить участие в выборах соответствующей категории граждан только по специальному предписанию в приговоре, либо лишить их права быть избранными, сохранив активное избирательное право, т.е. при подготовке проекта Конституции Российской Федерации, несомненно, имелась возможность отказаться от абсолютного запрета на участие в выборах, установленного для граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Однако - поскольку предпочтение было отдано формуле, нашедшей закрепление в статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и исключающей избирательный (персональный) подход к ограничению права голоса в отношении граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, - необходимо признать, что конституционный законодатель в данном случае вполне ясно и однозначно выразил свою волю, распространив установленное им ограничение на всех осужденных, относящихся к этой категории.

4.2. Конституционно-правовые коллизии, связанные с толкованием и имплементацией отдельных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации в ее правовую систему, необходимо рассматривать и разрешать в контексте обстоятельств и условий, на которых Россия ее подписала и ратифицировала.

В силу статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (пункт «г» части 2 и часть 6) Конституции Российской Федерации, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации в российской правовой системе (в том числе по отношению к международным договорам Российской Федерации), условия участия России в международных договорах и их ратификации,

соблюдение которых обеспечивается и посредством конституционного контроля, Российская Федерация была вправе подписать и ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод лишь в том случае, если ее положения не противоречат основам конституционного строя, закрепленным в главе 1 Конституции Российской Федерации, и не влекут ограничение прав и свобод человека и гражданина в том виде, как они урегулированы в ее главе 2.

Соответственно, основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе содержащие предложения о необходимости внесения каких-либо изменений в национальные правовые нормы, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации, а потому - в контексте ее статьи 15 (части 1 и 4) - подлежат реализации на основе принципа верховенства и высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации в правовой системе России, составной частью которой являются международно-правовые акты. К числу таких актов относится и сама Конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая в качестве международного договора Российской Федерации обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации.

По смыслу приведенных положений Конституции Российской Федерации, Россия не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции Российской Федерации, - в противном случае они не подлежат введению в действие и применению в Российской Федерации, т.е. не могут быть ратифицированы. Следовательно, в 1996 году Россия подписала, а в 1998 году ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод исходя из того, что статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации полностью согласуется с предписаниями статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции и потому не нуждается в каком-либо изменении. Никаких вопросов, связанных с возможными противоречиями между ними, не возникало и у Совета Европы. Иными словами, и Россия, и Совет Европы признавали, что статья 3 Протокола N 1 к Конвенции к моменту ее ратификации Российской Федерацией и статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации находятся в полном соответствии друг с другом. С этого момента и до настоящего времени указанные корреспондирующие друг другу нормы (правила) текстуально никаких изменений не претерпели.

Между тем в постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России» Европейский Суд по правам человека придал статье 3 Протокола N 1 к Конвенции смысл, имплицитно предполагающий изменение статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, на что Россия как Высокая Договаривающаяся Сторона в многостороннем международном договоре, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, при ее ратификации не давала согласие, поскольку полагала (в том числе учитывая отсутствие каких-либо претензий со стороны Совета

Европы), что статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и статья 3 Протокола N 1 к Конвенции не противоречат друг другу.

В связи с этим Конституционному Суду Российской Федерации приходится констатировать, что вывод о нарушении Российской Федерацией статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции, к которому пришел Европейский Суд по правам человека, основан на истолковании ее положений, расходящемся с их смыслом, из которого исходили Совет Европы и Россия как стороны данного международного договора при его подписании и ратификации. При таких обстоятельствах Российская Федерация вправе настаивать на интерпретации статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции и ее имплементации в российское правовое пространство в том понимании, которое имело место при введении в действие данного международного договора Российской Федерации как составной части российской правовой системы.

4.3. Конституционный Суд Российской Федерации также отмечает, что правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно возможности государства ограничивать избирательные права осужденных (заключенных) претерпевают «эволютивное» изменение и вряд ли могут считаться устоявшимися.

Например, в постановлении от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии» Европейский Суд по правам человека хотя и признал, что лишение заявителя избирательных прав нарушило статью 3 Протокола N 1 к Конвенции, поскольку его причастность к преступному сообществу не была доказана, но тем не менее не подвергал сомнению совместимость временного исключения из списков избирателей с Конвенцией, если вина подсудимого подтверждена должным образом. В решении от 28 января 2003 года по делу «M.D.U. против Италии» он пришел к выводу, что двухлетний запрет на участие в голосовании, установленный на срок наказания за налоговое преступление, отвечает надлежащему функционированию и сохранению демократического режима, а спустя два года - что лишение избирательного права возможно лишь при осуждении за «серьезные преступления», причем лишь при условии прямого указания об этом в приговоре (постановление от 6 октября 2005 года по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (N 2).

Данная правовая позиция была воспроизведена Европейским Судом по правам человека в постановлениях от 8 апреля 2010 года по делу «Фродль (Frodل) против Австрии» и от 23 ноября 2010 года по делу «Гринс и М.Т. (Greens & M.T.) против Соединенного Королевства», однако уже в постановлении от 22 мая 2012 года по делу «Скоппола (Scoppola) против Италии» (N 3) он посчитал достаточным условием совместимости с Конвенцией лишение избирательного права в силу закона, т.е. без специального указания в приговоре.

Следовательно, через «эволютивное» толкование статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции конкретное содержание критериев «неавтоматизма», соразмерности и дифференцированности в правовых позициях Европейского Суда по правам человека на протяжении десятилетия претерпевало существенные изменения. При этом сам Европейский Суд по правам человека

неоднократно подчеркивал, что его правовые позиции всегда отражают существующий среди государств - членов Совета Европы консенсус (постановления от 13 ноября 2007 года по делу «D.H. и другие против Чехии», от 1 октября 2009 года по делу «Кимля и другие против России», от 10 марта 2011 года по делу «Кютин против России» и др.) и что европейский консенсус признается существующим, если установлено общее согласие большинства государств - участников Конвенции или по крайней мере относительное единообразие подходов к той или иной сфере правоприменения (постановления от 22 октября 1981 года по делу «Даджен (Dudgeon) против Соединенного Королевства», от 26 мая 2011 года по делу «R.R. против Польши», от 22 марта 2012 года по делу «Константин Маркин против России» и др.).

Между тем приведенные в постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России» (пункты 42 - 45) сравнительные данные о правовом регулировании выборов в 43 государствах - участниках Конвенции свидетельствуют о том, что по вопросу об ограничении избирательных прав осужденных (заключенных) такой консенсус отсутствует: в 19 из них (Дания, Испания, Финляндия, Швейцария, Швеция и др.) запрет на участие в выборах не установлен; 7 государств (Армения, Болгария, Венгрия, Грузия, Россия, Соединенное Королевство и Эстония) автоматически лишают права избирать всех отбывающих наказание в виде лишения свободы; в 17 государствах (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Италия, Франция и др.) принят смешанный подход, при котором лишение осужденных (заключенных) избирательных прав зависит от вида преступления и (или) срока лишения свободы, а в некоторых из них (Португалия, Румыния, Сан-Марино и др.) решение о лишении права избирать оставлено на усмотрение суда.

В контексте принципа субсидиарности, руководствуясь которым Европейский Суд по правам человека осуществляет свою деятельность, уместно напомнить, что «эволютивное» толкование статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно иметь достаточные основания, подтвержденные согласием (прямым или подразумеваемым) государств - участников Конвенции в отношении соответствующих стандартов. Однако подобное согласие, как показывают приведенные данные, не достигнуто, поскольку в значительном числе государств осужденные (заключенные) либо полностью лишены избирательных прав, либо тем или иным образом ограничены в активном избирательном праве (праве голоса), притом что подобные ограничения, устанавливаемые национальными законами, - если они не посягают на саму сущность права избирать и не являются произвольными - не могут считаться необоснованными в соответствии с требованиями Всеобщей декларации прав человека (статьи 21 и 29), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 25), Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах - участниках Содружества Независимых Государств (статья 18) и статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

4.4. Таким образом, у Конституционного Суда Российской Федерации отсутствуют основания для истолкования запрета, установленного статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, как допускающего возможность - непосредственно в силу федерального закона или по специальному указанию в приговоре суда - лишения активного избирательного права только в отношении определенных категорий осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, например тех, кто осужден за совершение преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений, предусмотренных российским уголовным законом («серьезных преступлений» - по терминологии Европейского Суда по правам человека). Нет оснований и для его интерпретации как предполагающего (на чем настаивали граждане С.Б. Анчугов и В.М. Гладков) дискреционное правомочие федерального законодателя - исходя из принципов свободных выборов и всеобщности избирательного права - снять соответствующее ограничение в отношении всех осужденных (за исключением тех, кто подвергнут пожизненному лишению свободы). Иное расхожилось бы как с буквальным смыслом статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, так и с ее смыслом в системе конституционных норм и - с учетом исторического контекста разработки проекта Конституции Российской Федерации Конституционным совещанием, включая дискуссию относительно окончательной формулировки данной конституционной нормы, - неминуемо вело бы к игнорированию ясно выраженных намерений конституционного законодателя, получивших посредством всенародного голосования одобрение многонационального народа России.

Имплементация в правовую систему России постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России», а значит, и осуществленного им толкования статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод приемлема, если она согласуется с положениями Конституции Российской Федерации, относящимися к основам конституционного строя и основам правового статуса личности в России. Поскольку параметры такой имплементации задаются именно Конституцией Российской Федерации, истолкование статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации в духе интерпретации статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции Европейским Судом по правам человека не может выходить за пределы, очерченные требованиями логики юридического толкования.

Принимая во внимание свой многолетний опыт конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с Европейским Судом по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что если в порядке исключения он считает необходимым воспользоваться правом на возражение, то лишь для внесения своего вклада в кристаллизацию развивающейся в сфере защиты избирательных прав практики Европейского Суда по правам человека, решения которого призваны отражать консенсус, сложившийся среди государств - участников Конвенции.

Если в силу основ российского конституционного строя невозможно (с учетом логики юридического толкования) интерпретировать норму статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации в соответствии с толкованием статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции, данным Европейским Судом по правам человека в постановлении «Анчугов и Гладков против России» и предполагающим, что не все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, могут ограничиваться в праве избирать, на Конституционном Суде Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1; статья 79; статья 125, части 2 и 6), лежит обязанность, в русле установившихся партнерских отношений, проинформировать Европейский Суд по правам человека об отсутствии такой возможности.

Вместе с тем, имея в виду значение той системы, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, и ради поддержания ее надлежащего и успешного функционирования Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса, пределы которого очерчивает Конституция Российской Федерации. Залогом ответственного и сдержанного подхода к решению этой проблемы является деятельность Конституционного Суда Российской Федерации (что подтверждается многими десятками его решений) по имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и основанных на ее положениях решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему.

Признавая объективную необходимость деятельности Европейского Суда по правам человека по выявлению структурных недостатков национальных правовых систем и предложению путей к их устранению, Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание и на наличие проблем, связанных с возможными отступлениями от принципа subsidiarity, на основе которого Европейский Суд по правам человека призван осуществлять возложенные на него полномочия, что, в свою очередь, может приводить к конфликту с конституционным законодателем, полномочия которого основаны на принципах государственного суверенитета, верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в правовой системе России, составной частью которой является Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации.

5. Выявление действительного смысла положения статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации в российской правовой системе предполагает также анализ его регулирующей роли в контексте соответствующего федерального законодательства и сложившейся практики ограничения избирательных прав граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, с точки зрения критериев соразмерности и дифференцированности.

5.1. Статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации связывает предусмотренное ею ограничение избирательных прав с наличием двух оснований - уголовно-правового, вытекающего из приговора суда,

которым гражданину назначено наказание в виде лишения свободы, и уголовно-исполнительного, заключающегося в отбывании такого наказания в местах лишения свободы. Соответственно, данное ограничение действует в течение периода фактического нахождения осужденного к лишению свободы в условиях изоляции от общества по вступившему в силу приговору суда.

При этом статья 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации однозначно фиксирует, осужденные какой категории не вправе избирать и быть избранными - «граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда». Определение же того, что из себя представляет лишение свободы как вид уголовного наказания, связанный с изоляцией осужденного от общества в местах лишения свободы, и в чем его отличие от других видов уголовного наказания, связанных с ограничением свободы, и от иных мер, связанных с законным содержанием под стражей, но не являющихся уголовным наказанием, равно как и определение самих мест лишения свободы и режимов отбывания наказания в них являются в силу статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации прерогативой федерального законодателя.

Наполнение конституционного понятия лишения свободы как уголовного наказания конкретным содержанием осуществляется Уголовным кодексом Российской Федерации, который устанавливает, как следует из части второй его статьи 2, основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

По смыслу части первой статьи 56 УК Российской Федерации, формулировка «граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда» означает «осужденные, изолированные от общества в колониях-поселениях, воспитательных колониях, лечебных исправительных учреждениях, исправительных колониях либо в тюрьмах», т.е. под «лишением свободы» в контексте статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации следует понимать специальный вид уголовного наказания - в отличие от сходных видов уголовного наказания, связанных с ограничением свободы в широком смысле, таких как принудительные работы, ограничение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части (статья 44 УК Российской Федерации). В частности, такой вид уголовного наказания, как арест, также представляющий собой изоляцию осужденного от общества, не является лишением свободы в уголовно-правовом смысле.

Это означает, что только лишение свободы в его специальном уголовно-правовом значении - как отдельного и самостоятельного вида наказания - влечет за собой содержание в местах лишения свободы, определенных в части первой статьи 56 УК Российской Федерации, и, соответственно, лишение осужденного права избирать.

Между тем в постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» (пункт 31) для перевода содержащегося в статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федера-

ции понятия «лишение свободы» использован термин «detention». В связи с этим необходимо иметь в виду, что понятие «лишение свободы» (imprisonment) как вид уголовного наказания, по смыслу статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и статей 44, 56 и 57 УК Российской Федерации, не совпадает по своему содержанию с используемым в пункте 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод понятием «лишение свободы в соответствии с законом» (deprivation of liberty by law) как любое законное задержание, заключение под стражу, содержание под стражей (detention), разновидностью которого является «законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом» (the lawful detention of a person after conviction by a competent court) (подпункт «а»), т.е. уголовное наказание, наряду с другими разновидностями «лишения свободы в соответствии с законом» посредством законного задержания, заключения под стражу, содержания под стражей, которые уголовным наказанием не являются (подпункты «b», «c», «d», «e», «f»).

Европейский Суд по правам человека в своем толковании пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод исходит из того, что лишение свободы (deprivation of liberty by law) может приобретать разнообразные формы, не всегда совпадающие с классическим тюремным заключением; различие между лишением свободы и ограничением свободы состоит лишь в степени или интенсивности, а не в самом характере или сути; их восприятие должно основываться не на формальных, а на существенных признаках, таких как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества и семьи, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц (постановления от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства», от 12 февраля 2009 года по делу «Нолан и К. (Nolan & K.) против России», от 16 июля 2015 года по делу «Алексей Борисов против России» и др.).

Таким образом, по своему правоприменительному эффекту лишение активного избирательного права в контексте статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, охватывая собой исключительно лиц, реально отбывающих по приговору суда наказание в виде лишения свободы в том его значении, как оно определено статьями 56 и 57 УК Российской Федерации, и не затрагивая тех, кто на основании приговора суда претерпевает наказание иных видов, сопоставимых по своей сути с лишением свободы (принудительные работы, арест и др.), не влечет за собой общего и недифференцированного ограничения активного избирательного права всех граждан, лишенных свободы по решению суда, - в интерпретации этого понятия Европейским Судом по правам человека.

5.2. Как следует из постановлений по делам «Скоппола (Scoppola) против Италии» (N 3) (пункты 106, 108 и 110) и «Анчугов и Гладков против России» (пункт 100), преступления, за которые установлено наказание в виде лишения свободы на срок три года и более, признаются Европейским Судом по правам человека

«достаточно серьезными» для того, чтобы служить основанием - без нарушения требования соразмерности - для лишения лиц, виновных в их совершении, избирательных прав в силу прямого указания закона (причем не только в период отбывания наказания, но и в течение двух лет после освобождения); лицо же, приговоренное к лишению свободы на срок пять лет и более, по решению суда может быть лишено избирательных прав пожизненно.

Согласно статье 15 «Категории преступлений» УК Российской Федерации в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные данным Кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления (часть первая); при этом преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное данным Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы (часть вторая), преступлениями средней тяжести - умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает три года лишения свободы (часть третья), тяжкими преступлениями - умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы (часть четвертая), особо тяжкими преступлениями - умышленные деяния, за совершение которых данным Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (часть пятая).

Наказание в виде лишения свободы согласно части первой статьи 56 УК Российской Федерации может быть назначено судом осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, лишь при наличии отягчающих обстоятельств, перечисленных в статье 63 данного Кодекса, за исключением трех видов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (часть первая статьи 228, часть первая статьи 231 и статья 233 УК Российской Федерации), или только если соответствующей статьей Особенной части данного Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания (в настоящий момент такие статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствуют).

Согласно статье 60 УК Российской Федерации лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части данного Кодекса, и с учетом положений его Общей части; более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания (часть первая); при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправле-

ние осужденного и на условия жизни его семьи (часть третья).

По смыслу приведенных положений, российский уголовный закон практически полностью исключает возможность применения лишения свободы к лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести при отсутствии отягчающих обстоятельств, а значит, не допускается и ограничение их избирательных прав. Суды с учетом этих положений назначают за совершение преступлений небольшой тяжести наказание в виде реального лишения свободы (с отбыванием наказания в колонии-поселении или - принимая во внимание обстоятельства совершения преступления и личности виновного - в исправительной колонии) лишь в случаях, когда приходят к выводу о невозможности исправления виновного без изоляции от общества. Основанием для назначения такому лицу наказания в виде лишения свободы - в соответствии со статьями 56, 60 и 63 УК Российской Федерации и сложившейся на их основе практике - служит совершение им преступления небольшой тяжести в период испытательного срока, назначенного по предыдущему приговору суда, либо в период неотбытого срока наказания, назначенного по приговору суда, либо после условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы, а также при повторности преступлений. Помимо этого, назначаемое судом наказание - с учетом предписаний частей первой и третьей статьи 60 УК Российской Федерации и положений его Особенной части - может быть не связано с лишением свободы и в случае совершения лицом преступления средней тяжести и даже тяжкого преступления.

Исходя из того что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, а законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны ей противоречить (статья 15, часть 1, Конституции Российской Федерации), суды, приговаривая лицо к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления хотя и небольшой тяжести, но при наличии отягчающих обстоятельств, обязаны принимать во внимание тот факт, что такой приговор будет означать для осужденного и предписываемое статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации ограничение его избирательных прав.

Таким образом, в контексте действия статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации в системе уголовного законодательства и основанной на нем судебной практики приговор суда - это не только формальное основание для лишения лица свободы, но и главный непосредственный источник его специального правового статуса как осужденного, отбывающего наказание в местах лишения свободы, что влечет для него и ограничение избирательных прав, которое, будучи следствием такого наказания, осуществляется, по сути, не автоматически, а дифференцированно, поскольку само наказание в виде лишения свободы назначается сообразно конкретным обстоятельствам дела, с учетом таких факторов, как характер и тяжесть

совершенного преступления и поведение преступника (в том числе с учетом наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих обстоятельств).

5.3. Содержащийся в постановлении «Анчутгов и Гладков против России» вывод о чрезмерной массовости ограничения в России избирательных прав осужденных к лишению свободы сам же Европейский Суд по правам человека признает имеющим лишь характер предположения, принимаемого в качестве основания для вынесения решения только потому, что Россия как государство-ответчик не привела примеров из национальной судебной практики, подтверждающих, что активного избирательного права лишаются только лица, осужденные за совершение наиболее серьезных преступлений (пункты 101 и 104).

При этом Европейский Суд по правам человека явно имеет в виду не примеры, опирающиеся на конкретные судебные акты (решение Липецкого областного суда как раз приведено им и проанализировано), а статистические данные, используемые в его практике в качестве средства доказывания по делам о дискриминации, в том числе электоральной, что можно отнести к *modus operandi* (например, в решении от 6 января 2005 года по делу «Хоогендийк (Hoogendijk) против Нидерландов» Европейский Суд по правам человека посчитал приведение одной из сторон официальных статистических данных достаточным основанием для переложения бремени доказывания на противоположную сторону).

Однако официальная статистика по рассматриваемому вопросу в России ведется. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (www.cdep.ru), доля осужденных к реальному лишению свободы за преступления небольшой тяжести с 2011 года по 2015 год находится в пределах 8,8 - 11,5%, в то время как доля осужденных к реальному лишению свободы за преступления средней тяжести составляет 18 - 32%, за тяжкие 46 - 47%, за особо тяжкие 91 - 95%. В частности, в 2015 году по всем уголовным делам в России были осуждены 733 607 человек, в том числе 342 267 человек за совершение преступлений небольшой тяжести, а из них к реальному лишению свободы (по общему правилу, с отбыванием наказания в колониях-поселениях) осуждены лишь 36 218 человек, т.е. 10,58%, а значит, остальные 306 049 осужденных за преступления этой категории не были лишены свободы и, соответственно, избирательных прав. Учитывая, что всего к реальному лишению свободы за все виды преступлений в 2015 году был осужден 211 121 человек, число осужденных за преступления небольшой тяжести, не попавших в места лишения свободы и потому не лишенных избирательных прав, почти в 10 раз превышает число приговоренных к лишению свободы за совершение преступлений небольшой тяжести и почти в 1,5 раза - число приговоренных за все вместе взятые преступления к лишению свободы и, соответственно, всех отстраненных от участия в выборах вследствие направления для отбывания наказания в места лишения свободы. В том же году за преступления средней тяжести было осуждено 176 665 человек, из них к лишению свободы - 53 363 (30,21%); за тяжкие - 172 782 человека, из них к лишению свобо-

ды - 81 906 (47,4%); за особо тяжкие - 41 903 человека, из них к лишению свободы - 39 634 (94,5%).

Приведенными официальными данными - с учетом обязанности судов при назначении наказания принимать во внимание, что осужденные, направляемые в места лишения свободы, ограничиваются в избирательных правах, - опровергаются доводы об отсутствии в российской правовой и судебной системе эффективной дифференциации, соразмерности и «неавтоматизма», позволяющих подходить к решению вопроса об ограничении избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, в духе благоприятствования базовому принципу всеобщности избирательного права.

5.4. Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что его функция, в принципе, заключается в рассмотрении вопроса о совместимости мер, предусмотренных национальным законодательством, с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод и что именно государство-ответчик под надзором Комитета Министров должно выбирать средства, подлежащие применению в национальном правовом порядке для выполнения своего обязательства по статье 46 Конвенции (постановление от 12 мая 2005 года по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции»). В постановлениях по делам, в которых имело место систематическое нарушение положений Конвенции, Европейский Суд по правам человека с целью содействия государству-ответчику в выполнении им этого обязательства указывал тип меры, которую можно было бы принять для прекращения сложившейся ситуации (постановления от 22 июня 2004 года по делу «Брониовский (Broniowski) против Польши» и от 6 октября 2005 года по делу «Херст (Hirst) против Соединенного королевства» (N 2). Если же установленное нарушение Конвенции по своему характеру было таково, что ограничивало выбор мер, необходимых для его исправления, Европейский Суд по правам человека мог указать только одну меру (постановление от 8 апреля 2004 года по делу «Ассанидзе (Assanidze) против Грузии»).

В постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России» Европейский Суд по правам человека предлагает Российской Федерации исполнить его решение либо посредством каких-либо форм политического процесса, либо путем гармоничного - в свете положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод - толкования Конституции Российской Федерации компетентными органами, в первую очередь Конституционным Судом Российской Федерации, таким образом, чтобы скоординировать их действие и избежать каких-либо коллизий между ними.

Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что предложенное им в настоящем Постановлении толкование статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, включая его статьи 15, 56, 58, 60 и 63, и основанной на них судебной практикой позволяет избежать подобных коллизий, касающихся ограничений избирательных прав граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда.

5.5. Вместе с тем федеральный законодатель не лишен возможности, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

Так, в силу пункта «а» части первой статьи 58 УК Российской Федерации лицам, осужденным к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы, по общему правилу, назначается в колониях-поселениях, представляющих собой, как следует из статей 128 и 129 УИК Российской Федерации, исправительные учреждения с полусвободным режимом отбывания наказания, задача которых - исправление и адаптация осужденных к условиям жизни на свободе. Такой режим в значительной мере приближается к режиму отбывания наказания, ограничивающему свободу осужденных комплексом устанавливаемых судом ограничительных условий (обязанностей) и запретов, исполняемых ими без изоляции от общества под надзором специализированного государственного органа (часть первая статьи 53 УК Российской Федерации, статьи 47.1 и 50 УИК Российской Федерации).

В соответствии со статьей 129 УИК Российской Федерации осужденные, отбывающие лишение свободы в колонии-поселении, ограничены в свободе передвижения, но содержатся без охраны, могут свободно передвигаться по территории колонии-поселения и вне колонии в пределах муниципального образования, на территории которого она расположена; осужденным может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади на территории колонии-поселения или за ее пределами, но в границах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Практически такие осужденные приобретают статус, который - в сравнении с иными режимами отбывания наказания в виде лишения свободы - характеризуется существенно меньшим объемом ограничений: они могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги и ценные вещи, получать посылки, передачи и бандероли; могут иметь свидания без ограничения их количества; вправе работать, а также обучаться по заочной форме в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях.

С учетом этого федеральный законодатель правомочен внести в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство изменения, в соответствии с которыми отбывание наказания в колониях-поселениях лицами, осужденными к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицами, осужденными к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшими лишение свободы, -

как разновидность режима лишения свободы в смысле статьи 56 УК Российской Федерации - было бы трансформировано в отдельный вид уголовного наказания, на который не распространяется ограничение, предусмотренное статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

6. Согласно статье 34 «Индивидуальные жалобы» Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения государством-ответчиком их прав, признанных в Конвенции или в Протоколах к ней; Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Следовательно, дело о предполагаемом нарушении активного избирательного права, гарантируемого статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не может быть разрешено без рассмотрения его *in concreto*. В соответствии с этим требованием Европейский Суд по правам человека указал в постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России», что в делах, возникающих из индивидуальных жалоб, его задача заключается не в абстрактном контроле соответствующего законодательства или оспариваемой практики, а должна, насколько это возможно, ограничиваться, без утраты видения общего контекста, исследованием вопросов, поднимаемых в рассматриваемых им делах (пункт 51). Соответственно, в данном случае задача Европейского Суда по правам человека состояла не в контроле *in abstracto* совместимости с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а в определении *in concreto* последствий ее применения для прав заявителей, гарантированных статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции (пункт 52).

Исходя из установленных самим Европейским Судом по правам человека стандартов лишения избирательных прав за серьезные преступления, т.е. наказываемые лишением свободы на срок три года и более, не может считаться нарушением принципа соразмерности. Граждане же С.Б. Анчугов и В.М. Гладков были осуждены (в порядке замены смертной казни) к пятнадцати годам лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений и в связи с этим лишены избирательных прав, поэтому их нельзя считать жертвами правонарушения, а их права, гарантированные статьей 3 Протокола N 1 к Конвенции, - нарушенными. Следовательно, в этом смысле постановление «Анчугов и Гладков против России» является, по существу, актом абстрактного нормоконтроля (*in abstracto*) со стороны Европейского Суда по правам человека.

7. В силу сложившейся практики исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека предполагает также принятие государством-ответчиком мер индивидуального характера, которые преследуют цель прекращения выявленных нарушений, продолжающихся во времени, и устранения последствий нарушений, совершенных в прошлом, с целью восста-

новления, насколько это возможно, ситуации, которая имела место до нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*restitutio in integrum*). Однако такое восстановление невозможно, если, учитывая сам характер нарушения, нельзя воссоздать ситуацию в том виде, в каком она существовала до совершения нарушения.

Граждане С.Б. Анчугов и В.М. Гладков не имели права голосовать на выборах депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации, состоявшихся в период с 2000 года по 2008 год. Поскольку проведение этих выборов заново в настоящее время неосуществимо, исполнение мер индивидуального характера (*restitutio in integrum*) в отношении указанных граждан не представляется возможным.

Законодательством Российской Федерации предполагается также принятие мер индивидуального характера, выражающихся в пересмотре судебных решений национальных судов по делу гражданина, в отношении которого Европейский Суд по правам человека констатировал нарушение положений Конвенции (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года N 27-П). Порядок такого пересмотра предусмотрен отраслевым российским законодательством (пункт 2 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации, пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации, пункт 4 части 3 статьи 311 АПК Российской Федерации, пункт 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Между тем граждане С.Б. Анчугов и В.М. Гладков были осуждены за совершение особо тяжких преступлений и не могли - даже согласно критериям, выработанным Европейским Судом по правам человека, - рассчитывать на доступ к избирательным правам, а потому пересмотр судебных решений по их делам и возмещение им какого-либо ущерба невозможно.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 104.4 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьями 3 (части 1 - 3), 15 (части 1 и 4), 32 (части 1 и 2), 46 (часть 3) и 79, постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы N 11157/04 и N 15162/05), принятого на основании положений статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, - в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство (и тем самым изменение основанной на нем судебной практики), которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, - невозможным, поскольку предписание статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, обладающей

верховенством и высшей юридической силой в российской правовой системе, со всей определенностью означает императивный запрет, согласно которому не имеют избирательных прав без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, определенных уголовным законом.

2. Признать исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьями 3 (части 1 - 3), 15 (части 1 и 4), 32 (части 1 и 2), 46 (часть 3) и 79, постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», принятого на основании положений статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, - в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав, - возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике, поскольку в соответствии со статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими ее положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, по общему правилу, исключается наказание в виде лишения свободы и тем самым лишение избирательных прав осужденных, совершивших впервые преступления небольшой тяжести, а за преступления средней тяжести и тяжкие преступления лишение свободы, как более строгий вид наказания из числа предусмотренных Особенной частью данного Кодекса за совершение соответствующего преступления, назначается по приговору суда и, следовательно, влечет лишение избирательных прав только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей наказания.

Вместе с тем, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьей 32 (часть 3), и правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, федеральный законодатель правомочен, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

3. Признать исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьями 3 (части 1 - 3), 15 (части 1 и 4), 32 (части 1 и 2), 46 (часть 3) и 79, постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», принятого на основании положений статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, - в части мер индивидуального характера, которые предусмотрены действующим законодательством Российской Федерации, - в отношении граждан С.Б. Анчугова и В.М. Гладкова невозможным, поскольку указанные граждане были приговорены к лишению свободы

на длительные сроки за совершение особо тяжких преступлений, а потому не могли рассчитывать - даже согласно критериям, выработанным Европейским Судом по правам человека, - на доступ к избирательным правам.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Нельзя доказать подозрительность сделки, если при заключении не было признаков банкротства.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 9 марта 2016 г. по делу N А33-4612/2014

Резолютивная часть постановления объявлена 1 марта 2016 года.

Постановление в полном объеме изготовлено 9 марта 2016 года.

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в составе:

председательствующего Уманя И.Н.,
судей Бронниковой И.А., Николиной О.А.,

при ведении протокола судебного заседания помощником судьи Куликовым М.Ю.,

при содействии судьи Арбитражного суда Красноярского края, осуществлявшей организацию видеоконференц-связи, Петракевич Л.О., секретаря судебного заседания Коленько Н.В.,

при участии в судебном заседании присутствовавших в Арбитражном суде Красноярского края:

конкурсного управляющего общества с ограниченной ответственностью «Экосервис» Меренкова Олега Викторовича (определение Арбитражного суда Красноярского края от 13 октября 2014 года по делу N А33-4612/2014 и паспорт),

представителя общества с ограниченной ответственностью «СпецПромЭкология» Шишкина Павла Игоревича (доверенность от 06.07.2015 и паспорт),

рассмотрев в судебном заседании кассационную жалобу конкурсного управляющего общества с ограниченной ответственностью «Экосервис» Меренкова Олега Викторовича на определение Арбитражного суда Красноярского края от 8 октября 2015 года и постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2015 года по делу N А33-4612/2014 (суд первой инстанции - Ерохина О.В.; суд апелляционной инстанции - Магда О.В., Бабенко А.Н., Парфентьева О.Ю.),

установил:

производство по делу N А33-4612/2014 о признании несостоятельным (банкротом) общества с ограниченной ответственностью «Экосервис» (ОГРН 1112468062497, г. Красноярск, далее - ООО «Экосервис», должник) возбуждено на основании заявления закрытого акционерного общества «Сибирская Сервисная Компания» (г. Москва, далее - ЗАО «Сибирская Сервисная Компания»), принятого определением Арбитражного суда Красноярского края от 21 марта 2014 года.

С 26.05.2014 в отношении ООО «Экосервис» осуществлялись мероприятия процедуры наблюдения, а с 13.10.2014 - конкурсного производства, срок которого неоднократно продлевался, последний раз до 15.03.2016 определением от 9 февраля 2016 года.

16.06.2015 конкурсный управляющий ООО «Экосервис» Меренков Олег Викторович (далее - конкурсный управляющий) обратился в Арбитражный суд Красноярского края с заявлением, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального ко-

декса Российской Федерации при рассмотрении обособленного спора в суде первой инстанции, о признании недействительным на основании пунктов 1 и 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»), нормы которого применяются при проведении конкурсного производства в отношении должника, статей 168, 170 Гражданского кодекса Российской Федерации договора N С-10/13 купли-продажи за 1.298.000 рублей автомобиля «КрАЗ-257А50», 1988 года изготовления, ПТС номер 63КР112546, выданный РЭО ГИБДД г. Нефтегорска Самарской области (далее - транспортное средство, автомобиль), заключенного 25.03.2013 между обществом с ограниченной ответственностью «СпецПромЭкология» (г. Красноярск, далее - ООО «СпецПромЭкология») и ООО «Экосервис» (далее - договор от 25.03.2013), о применении последствий недействительности сделки.

Предъявленное требование мотивировано конкурсным управляющим тем, что у ООО «СпецПромЭкология» отсутствовало право собственности на автомобиль, при этом при проведении процедуры наблюдения в отношении должника не было информации о наличии у ООО «Экосервис» транспортного средства; тем, что аналогичный договор купли-продажи автомобиля был заключен в 2011 году между обществом с ограниченной ответственностью «Бурсервис» (далее - ООО «Бурсервис») и ООО «СпецПромЭкология», в котором стоимость транспортного средства определена сторонами в 26.815 рублей 50 копеек; тем, что на момент заключения договора от 25.03.2013 у должника имелись признаки неплатежеспособности.

В отзыве на заявление ООО «СпецПромЭкология» сообщило о том, что автомобиль был приобретен ООО «СпецПромЭкология» у ООО «Бурсервис» по договору купли-продажи транспортных средств N 11/2011 от 25.05.2011 (далее - договор от 25.05.2011), в дальнейшем он был продан ООО «Экосервис» по договору от 25.03.2013 и передан должнику по товарной накладной N 15 от 02.04.2013; о том, что между совершением сделок по приобретению ООО «СпецПромЭкология» автомобиля у ООО «Бурсервис» и по его продаже ООО «Экосервис» прошло два года, в связи с чем условия договоров не являются сопоставимыми, тем более, что в договоре от 25.05.2011 техническое состояние транспортного средства не описано, а в договоре от 25.03.2013 оно указано как удовлетворительное; о том, что на момент заключения оспариваемой сделки у ООО «Экосервис» отсутствовали признаки неплатежеспособности и недостаточности имущества, в связи с чем не мог быть причинен вред имущественным правам кредиторов.

Определением от 8 октября 2015 года, оставленным без изменения постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2015 года, в удовлетворении заявления отказано.

В кассационной жалобе конкурсный управляющий просит отменить определение от 8 октября 2015 года и постановление от 10 декабря 2015 года, принять новый судебный акт о признании недействительным договора от 25.03.2013.

Заявитель кассационной жалобы указывает на то, что при отсутствии доказательств ремонта, модернизации автомобиля и факта его использования сумма первоначальной сделки его приобретения ООО «СпецПромЭкология» не соответствует стоимости реализации должнику, в связи с чем договор от 25.03.2013 подлежал признанию недействительным на основании пункта 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»; на то, что у конкурсного управляющего вызывает сомнение факт передачи автомобиля должнику по оспариваемой сделке, поскольку предмет продажи находился на территории скважины № 12 Оморинского лицензионного участка, являющейся охраняемым объектом; на то, что стоимость транспортного средства оплачена должником лишь частично, при этом ООО «СпецПромЭкология» не обращалось с заявлением об установлении его требования в деле о банкротстве; на то, что ООО «Экосервис» не принимало в 2013 году транспортное средство к бухгалтерскому учету, в связи с чем имеются основания полагать совершение оспариваемой сделки для вывода денежных средств, полученных от ЗАО «Сибирская Сервисная Компания» по договорам подряда; на то, что на дату совершения оспариваемой сделки у должника имелись неисполненные обязательства, а анализ финансового состояния ООО «Экосервис» свидетельствует о наличии признаков неплатежеспособности по состоянию на конец 2012 года.

Отзыв на кассационную жалобу, в котором выражается несогласие с содержащимися в ней доводами, поступивший от ООО «СпецПромЭкология», не отвечает требованиям части 1 и части 2 статьи 279 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Определение от 14 января 2016 года о назначении на 01.03.2016 судебного заседания с использованием систем видеоконференц-связи Арбитражного суда Красноярского края для рассмотрения кассационной жалобы конкурсного управляющего на определение от 8 октября 2015 года и постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2015 года по делу № А33-4612/2014 размещено 15.01.2016 на общедоступном сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации <http://kad.arbitr.ru> в сети «Интернет».

Лица, заинтересованные в рассмотрении кассационной жалобы, о времени и месте судебного разбирательства извещались в соответствии с требованиями, установленными главой 12 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Для участия в судебном заседании явились в Арбитражный суд Красноярского края конкурсный управляющий и представитель ООО «СпецПромЭкология» Шишкин П.И.

Кассационная жалоба рассмотрена в порядке, установленном главой 35 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Конкурсный управляющий поддержал в судебном заседании доводы кассационной жалобы.

Представитель ООО «СпецПромЭкология» Шишкин П.И. указал на законность обжалуемых судебных актов и на отсутствие правовых оснований для их отмены.

Выслушав участников обособленного спора, рассмотренного в деле о банкротстве ООО «Экосервис», проверив соответствие выводов Арбитражного суда Красноярского края и Третьего арбитражного апелляционного суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в нем доказательствам, правильность применения норм материального права и норм процессуального права при рассмотрении дела и принятии обжалуемых судебных актов, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа не находит оснований, исходя из доводов, содержащихся в кассационной жалобе, для отмены определения от 8 октября 2015 года и постановления от 10 декабря 2015 года.

Как установлено при рассмотрении обособленного спора по существу и видно из материалов дела, 25.05.2011 ООО «Бурсервис» и ООО «СпецПромЭкология» заключили договор, по условиям которого, первое, именуемое в договоре продавцом, приняло на себя обязательство передать в собственность второму, именуемому покупателем, имущество согласно перечню и по цене каждой единицы, указанным в приложении № 1.

Стоимость имущества, обязательство по оплате которого до 01.06.2011 принял на себя покупатель, составляет 349.644 рубля 72 копейки (пункты 3.1, 3.3).

В приложении № 1 к договору от 25.05.2011 перечислены транспортные средства общей стоимостью 349.644 рубля 72 копейки, в том числе КраЗ 257А50, инвентарный № 00001570, 1988 года изготовления, паспорт транспортного средства номер 63 КР112546 от 03.04.2004 ценой 26.815 рублей 50 копеек.

По акту № 00000094 от 25.05.2011 автомобиль передан продавцом покупателю.

Платежными поручениями № 114 от 11.07.2011, № 141 от 12.08.2011 и № 166 от 03.10.2011 ООО «СпецПромЭкология» перечислило ООО «Бурсервис» 349.644 рубля 72 копейки.

Книгой покупок ООО «СпецПромЭкология» подтвердило приобретение у ООО «Бурсервис» имущества на сумму 349.644 рублей 72 копеек, исчислив налог на добавленную стоимость (далее - НДС) и отразив его в налоговой декларации по НДС за 2 квартал 2011 года.

25.03.2013 ООО «СпецПромЭкология» и ООО «Экосервис» заключили договор, по условиям которого первое, именуемое в договоре продавцом, приняло на себя обязательство передать в собственность второму, именуемому покупателем, за 1.298.000 рублей автомобиль.

По товарной накладной № 15 от 02.04.2013 продавец передал автомобиль покупателю.

Платежным поручением № 99 от 26.04.2013 покупатель перечислил продавцу 1.000.000 рублей.

Совершенная сделка стоимостью 1.298.000 рублей, оформленная договором от 25.03.2013, отражена в налоговой отчетности продавца (налоговой декларации по НДС за 2 квартал 2013 года, содержащей отметку уполномоченного органа об ее принятии 17.07.2013) и в книге продаж.

Фактическое место нахождения транспортного средства конкурсному управляющему неизвестно.

Полагая, что договор от 25.03.2013 является притворной и подозрительной сделкой, совершенной в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов должника, конкурсный управляющий обратился в Арбитражный суд Красноярского края с заявлением о признании ее недействительной.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции, руководствуясь абзацем тридцать вторым статьи 2, статьей 19, пунктом 4 статьи 20.3, статьей 61.1, пунктами 1 и 2 статьи 61.2, статьями 61.6, 61.8, 61.9, 129 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», статьями 166 - 170, пунктом 2 статьи 218, пунктом 1 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 N 1090, разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63), Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», исходил из недоказанности конкурсным управляющим совокупности условий, предусмотренных статьей 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», необходимых для признания недействительным договора от 25.03.2013.

Третий арбитражный апелляционный суд признал правильными обстоятельства, установленные определением от 8 октября 2015 года, и по результатам повторного рассмотрения обособленного спора по апелляционной жалобе конкурсного управляющего оставил его без изменения.

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа находит, что выводы, содержащиеся в обжалуемых судебных актах, соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанций, имеющимся в нем доказательствам, обособленный спор разрешен без нарушения права и норм процессуального права, которые бы могли повлечь отмену определения от 8 октября 2015 года и постановления от 10 декабря 2015 года.

Как предусмотрено пунктом 1 статьи 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в названном Федеральном законе.

Пункт 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» позволяет архи-

тражному суду признать недействительной сделку, совершенную должником в течение одного года до принятия заявления о признании его банкротом, при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе, в случае если рыночная стоимость переданного должником имущества существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения.

Согласно пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка была совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления, и в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов, и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки. Предполагается, что другая сторона знала об этом, если она признана заинтересованным лицом либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

При определении соотношения пунктов 1 и 2 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» следует исходить из того, что если подозрительная сделка была совершена в течение одного года до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия этого заявления, то для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 61.2 этого же Федерального закона, в связи с чем наличия иных обстоятельств, определенных пунктом 2 данной статьи (в частности, недобросовестности контрагента), не требуется. Судом в случае оспаривания подозрительной сделки проверяется наличие обоих оснований, установленных как пунктом 1, так и пунктом 2 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (пункт 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63).

При определении наличия признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества суды первой и апелляционной инстанций обоснованно исходили из содержания названных понятий, которые даны законодателем (абзацы тридцать третий и тридцать четвертый статьи 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Основываясь на доказательствах, приобщенных к материалам дела (бухгалтерские балансы ООО «Эко-сервис» за 2012 год и за 2013 год; платежные документы за период с 21.01.2013 по 13.12.2013, договоры подряда N 19P/ССК-13 и N 38P/ССК-13 от 14.01.2013, предусматривающие срок исполнения обязательств по 15.08.2013, по которым на счет должника поступали денежные средства), Арбитражным судом Красноярского края сделан вывод об отсутствии у должника на момент совершения оспариваемой сделки (25.03.2013)

признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества, нашедший подтверждение при рассмотрении обособленного спора в порядке апелляционного производства.

При отсутствии признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества должник не мог преследовать цели причинения вреда кредиторам, в связи с чем у судов первой и апелляционной инстанций не было правовых оснований для признания договора от 25.03.2013 недействительным по пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Отсутствие в конкурсной массе предмета оспариваемой сделки, не свидетельствует, само по себе, о том, что транспортное средство должнику не передавалось, поскольку доказательства его утилизации или списания в установленном законом порядке, описанном при рассмотрении спора по существу, отсутствуют.

Наряду с этим отсутствуют и сведения о состоянии имущества, на момент его передачи должнику, в связи с чем не опровергнуты доводы продавца об его соответствии стоимости, согласованной сторонами в договоре от 25.03.2013.

Неравноценность встречного исполнения доказывает лицо, оспаривающее сделку (статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63, в соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» неравноценное встречное исполнение обязательств другой стороной сделки имеет место, в частности, в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия на момент ее заключения существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки.

При сравнении условий сделки с аналогичными сделками следует учитывать как условия аналогичных сделок, совершавшихся должником, так и условия, на которых аналогичные сделки совершались иными участниками оборота.

В качестве доказательства, подтверждающего неравноценность встречного исполнения, представлено письмо ЗАО «Сибирская Сервисная Компания» (правопреемник ООО «Бурсервис») от 30.09.2015, содержащее информацию о том, что по договору от 25.05.2011 транспортное средство было реализовано ООО «СпецПромЭкология» за 26.815 рублей 50 копеек (по цене черного металлолома по причине разукрупленности, наличия коррозии и невозможности использования по назначению).

Установив, то, что в карточке счета 62.1 за 2011 год ООО «Бурсервис», выступившее в качестве продавца, указало на выбытие основных средств в связи с продажей, а не по причине списания, суды первой и апелляционной инстанций обоснованно не приняли письмо от 30.09.2015 в качестве допустимого доказательства, достоверно устанавливающего факт того, что предмет сделки не представлял ценности и не мог быть исполь-

зовано по назначению, что его цена в действительности была значительно ниже 1.298.000 рублей.

Иных доказательств, которые бы достоверно свидетельствовали о неравноценности встречного исполнения, в материалах дела N А33-4612/2014, поступивших в суд округа, не содержится.

Установив непредставление доказательств, свидетельствующих о том, что условия оспариваемой сделки о цене существенно отличаются в худшую для должника сторону от условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки, Арбитражный суд Красноярского края и Третий арбитражный апелляционный суд правомерно пришли к выводу о недоказанности конкурсным управляющим в нарушение части 1 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации факта неравноценности встречного исполнения обязательств со стороны ООО «СпецПромЭкология», соответственно, об отсутствии оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», для признания договора от 25.03.2013 недействительным.

Доводы кассационной жалобы о ничтожности оспариваемой сделки в силу ее мнимости являлись предметом исследования при разрешении обособленного спора по существу и получили надлежащую оценку в обжалуемых судебных актах.

Согласно статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации мнимой является сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия.

При рассмотрении спора судами первой и апелляционной инстанций установлено, что действия продавца по передаче имущества во исполнение договора от 25.03.2013, отражение совершенной сделки в его налоговой отчетности и в книге продаж, а также получение от покупателя частичной оплаты, направленные на фактическое исполнение сделки и достижение соответствующего ей правового результата, в связи с чем вывод об отсутствии оснований для признания оспариваемой сделки недействительной как мнимой, содержащийся в обжалуемых судебных актах, является правильным.

Доводы кассационной жалобы, аналогичные доводам, содержащимся в заявлении и в апелляционной жалобе конкурсного управляющего, являлись предметом исследования судов первой и апелляционной инстанций, получили надлежащую оценку в определении от 8 октября 2015 года и постановлении от 10 декабря 2015 года.

Полномочий для переоценки доказательств, которые при рассмотрении обособленного спора были исследованы и оценены Арбитражным судом Красноярского края и Третим арбитражным апелляционным судом в соответствии с требованиями процессуального закона, суд округа в силу части 3 статьи 286 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не имеет.

При таких обстоятельствах, оснований, перечисленных в статье 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, для отмены обжалуемых судебных актов, которые приняты без нарушения

и неправильного применения норм материального права и норм процессуального права, у Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа нет, в связи с чем определение Арбитражного суда Красноярского края от 8 октября 2015 года и постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2015 года по делу N А33-4612/2014 в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 287 этого же Кодекса подлежат оставлению без изменения, а кассационная жалоба - без удовлетворения.

Государственная пошлина за рассмотрение дела в суде округа в размере 3.000 рублей, установленном подпунктом двенадцатым пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, подлежит взысканию в доход федерального бюджета в соответствии со статьей 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации с должника, в интересах которого действует заявитель кассационной жалобы, в связи с предоставлением отсрочки в ее уплате.

Руководствуясь статьями 153.1, 274, 286 - 290 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа,

постановил:

Определение Арбитражного суда Красноярского края от 8 октября 2015 года и постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2015 года по делу N А33-4612/2014 оставить без изменения, а кассационную жалобу - без удовлетворения.

Взыскать с общества с ограниченной ответственностью «Экосервис» в доход федерального бюджета государственную пошлину в сумме 3.000 рублей за рассмотрение дела в арбитражном суде округа.

Арбитражному суду Красноярского края выдать исполнительный лист.

Постановление вступает в законную силу со дня его принятия и может быть обжаловано в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в течение двух месяцев, в порядке, предусмотренном статьей 291.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Председательствующий
И.Н. УМАНЬ

Судьи
И.А. БРОННИКОВА
О.А. НИКОЛИНА

Вместе с судебными расходами возмещаются издержки на их взыскание.

Истец в отдельном заявлении потребовал возместить издержки, связанные с рассмотрением дела о взыскании судебных расходов. Суд указал, что такие издержки можно компенсировать только в рамках одного заявления, т. е. вместе с взысканием расходов по делу.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ЦЕНТРАЛЬНОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 11 марта 2016 г. N Ф10-4244/2015

Дело N А14-14291/2013

Резолютивная часть постановления изготовлена 03.03.2016

Постановление изготовлено в полном объеме 11.03.2016

Арбитражный суд Центрального округа в составе: председательствующего Толкачевой И.Ю. судей Козелкина И.И., Шильненьковой М.В. при участии в заседании:

от ИП Меркулова Я.В. представитель не явился, извещен надлежаще;

от ООО «Металлинвест Плюс» представитель не явился, извещен надлежаще;

от третьих лиц представители не явились, извещены надлежаще,

рассмотрев в открытом судебном заседании кассационную жалобу ООО «Металлинвест Плюс», г. Воронеж, на определение Арбитражного суда Воронежской области от 04.06.2015 и постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2015 по делу N А14-14291/2013,

установил:

индивидуальный предприниматель Меркулов Ярослав Викторович (далее - ИП Меркулов Я.В.), г. Воронеж, ОГРНИП 306110335300012, обратился в Арбитражный суд Воронежской области с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Металлинвест Плюс» (далее - ООО «Металлинвест Плюс»), г. Воронеж, ОГРН 1023601540335, о взыскании 3 547 руб. 70 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами на основании договора уступки прав требования от 14.11.2013.

К участию в деле в качестве третьих лиц, не являющихся самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечены ТСЖ «Пионер», ООО «Санация».

Решением Арбитражного суда Воронежской области от 24.03.2014 иски требования ИП Меркулова Я.В. удовлетворены в полном объеме.

Указанный судебный акт не обжаловался, вступил в законную силу, 18.06.2014 взыскателю выдан исполнительный лист серии АС N 002623091.

01.09.2014 ИП Меркулов Я.В. обратился в Арбитражный суд Воронежской области с заявлением о взыскании судебных расходов в сумме 61 500 руб., понесенных им в суде первой инстанции в связи с рассмотрением дела по существу.

Определением Арбитражного суда Воронежской области от 16.10.2014 заявление было удовлетворено в части взыскания 29 500 руб.

Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2015 определение Арбитражного суда Воронежской области от 16.10.2014 отменено в части отказа во взыскании 25 000 руб. судебных расходов на оплату услуг представителя и заявление ИП Меркулова Я.В. удовлетворено в сумме 54 500 руб.

Ссылаясь на понесенные в ходе рассмотрения указанного заявления судебные расходы в арбитражном суде первой инстанции и в арбитражном суде апелляционной инстанции, ИП Меркулов Я.В. обратился в Арбитражный суд Воронежской области с настоящим заявлением о взыскании с ООО «Металлинвест Плюс» 144 500 руб. судебных расходов на оплату услуг представителя.

Определением Арбитражного суда Воронежской области от 04.06.2015 (судья Сазыкина А.В.) заявление удовлетворено в части взыскания с ООО «Металлинвест Плюс» 135 000 руб. судебных расходов на оплату услуг представителя. В удовлетворении остальной части заявления отказано.

Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2015 (судьи Андреещева Н.Л., Маховая Е.В., Сурненков А.А.) определение Арбитражного суда Воронежской области от 04.06.2015 оставлено без изменения.

Не согласившись с вынесенными определением и постановлением, ООО «Металлинвест Плюс» подало кассационную жалобу, в которой просит их отменить и оставить заявление ИП Меркулова Я.В. без рассмотрения, ссылаясь на нарушение судами норм процессуального права.

Определением Арбитражного суда Центрального округа от 30.11.2015 судебное заседание по рассмотрению кассационной жалобы было назначено на 13.01.2016.

В судебное заседание, назначенное на 13.01.2016, явился представитель ИП Меркулова Я.В., который возражал против доводов кассационной жалобы.

Определениями Арбитражного суда Центрального округа от 13.01.2016 и 08.02.2016 судебное заседание откладывалось до опубликования Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

Представители лиц, участвующих в деле, надлежащим образом извещенных о судебном заседании 03.03.2016, в том числе путем размещения соответствующей информации на официальном сайте Арбитражного суда Центрального округа, не явились. Судебная коллегия считает возможным рассмотреть кассационную жалобу в порядке ч. 3 ст. 284 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в их отсутствие.

Изучив материалы дела, в соответствии с положениями ст. 286 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации обсудив доводы кассационной жалобы, отзыва и дополнений к ним, судебная колле-

гия полагает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене в связи с нижеизложенным.

В соответствии со статьей 101 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела арбитражным судом.

Согласно статье 106 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела в арбитражном суде, относятся денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, свидетелям, переводчикам, расходы, связанные с проведением осмотра доказательств на месте, расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей), расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре в случае, если федеральным законом предусмотрена обязанность такого уведомления, и другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде.

В силу частей 1, 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

Как следует из материалов дела, обращаясь с заявлением о взыскании 61 500 руб. судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела по существу, предприниматель реализовал свое право на возмещение судебных расходов.

Настоящее заявление ИП Меркуловым Я.В. подано о взыскании 144 500 руб. судебных расходов, понесенных им в связи с участием представителя в судебном заседании по рассмотрению первого заявления о взыскании судебных расходов.

Исходя из правовой позиции, изложенной в определениях Конституционного суда Российской Федерации от 21.03.2013 N 461-О, от 20.03.2014 N 664-О, рассмотрение судом требования о взыскании судебных расходов, которое не является самостоятельным имущественным требованием, осуществляется в рамках гражданского дела, по которому судом уже принято решение по существу, и поэтому не составляет отдельного гражданского дела, а значит, и участие в рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов по делу не порождает дополнительно права на возмещение судебных расходов, вызванного необходимостью такого участия.

Как следует из разъяснений, содержащихся в пункте 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», при рассмотрении заявления по вопросу о судебных издержках суд разрешает также вопросы о распределении судебных издержек, связанных с рассмотрением данного заявления. С учетом этого заявле-

ния о возмещении судебных издержек, понесенных в связи с рассмотрением заявления по вопросу о судебных издержках, поданное после вынесения определения по вопросу о судебных издержках, не подлежит принятию к производству и рассмотрению судом.

Таким образом, право на возмещение издержек, связанных с рассмотрением заявления о возмещении судебных расходов, может быть реализовано только при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов по делу, то есть, после принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, вопрос о возмещении всех судебных расходов по делу, в том числе связанных с издержками, понесенными при рассмотрении заявления о возмещении расходов, может быть поставлен на разрешение суда исключительно в рамках одного заявления.

Судебной коллегией также принимается во внимание, что пунктом 33 указанного постановления Пленума от 21.01.2016 N 1 был отменен пункт 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2011 N 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», содержащий указание на порядок рассмотрения заявления о взыскании судебных расходов, понесенных стороной при рассмотрении заявления по вопросу о судебных расходах.

В рассматриваемом деле право на возмещение судебных расходов по делу ИП Меркулов Я.В. реализовал при рассмотрении судом его заявления о взыскании судебных расходов в сумме 61 500 руб., которое было удовлетворено в сумме 54 500 руб.

С учетом изложенного заявление о взыскании судебных расходов, понесенных при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов, не подлежало принятию и рассмотрению судом по существу.

Поскольку определение Арбитражного суда Воронежской области от 04.06.2015 и постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2015 по делу N А14-14291/2013 вынесены до принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», судебные акты подлежат отмене в связи с изменением судебной практики с прекращением производства по заявлению ИП Меркулова Я.В. о взыскании 144 500 руб. судебных расходов применительно к положениям пункта 1 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 150, ст. ст. 284, 289, 290 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации,

постановил:

определение Арбитражного суда Воронежской области от 04.06.2015 и постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2015 по делу N А14-14291/2013 отменить, производство по заявлению ИП Меркулова Я.В. о взыскании судебных расходов в сумме 144 500 руб. прекратить.

Постановление вступает в законную силу со дня его принятия и может быть обжаловано в двухмесячный срок в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в порядке, предусмотренном ст. 291.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Председательствующий
И.Ю. ТОЛКАЧЕВА

Судьи
И.И. КОЗЕЛКИН
М.В. ШИЛЬНЕНКОВА

Погасив долг до принятия иска к производству, ответчик не возмещает истцу судебные расходы.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ВОЛГО-ВЯТСКОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 22 марта 2016 г. по делу N А43-7713/2015

Арбитражный суд Волго-Вятского округа в составе: председательствующего Чигракова А.И., судей Забурдаевой И.Л., Радченковой Н.Ш., без участия представителей рассмотрел в судебном заседании кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью торгового дома «Нижегородец» на определение Арбитражного суда Нижегородской области от 02.10.2015, принятое судьей Волчанской И.С., и на постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2015, принятое судьями Тарасовой Т.И., Назаровой Н.А., Новиковой Л.П., по делу N А43-7713/2015 о взыскании судебных расходов по иску общества с ограниченной ответственностью торговый дом «Нижегородец» (ОГРН: 1135257000317, ИНН: 5257135288) к обществу с ограниченной ответственностью «Партнер-Строй» (ОГРН: 1085258006591, ИНН: 5258079974) о взыскании 36 216 рублей 05 копеек и

установил:

общество с ограниченной ответственностью торговый дом «Нижегородец» (далее - ООО ТД «Нижегородец») обратилось в Арбитражный суд Нижегородской области с иском о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «Партнер-Строй» (далее - ООО «Партнер-Строй») 36 216 рублей 05 копеек задолженности.

Определением суда первой инстанции от 03.06.2015 производство по делу прекращено в порядке части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - Кодекс) в связи с отказом ООО ТД «Нижегородец» от иска.

ООО ТД «Нижегородец» обратилось в Арбитражный суд Нижегородской области с заявлением о взыскании с ООО «Партнер-Строй» 10 000 рублей судебных расходов.

Суд первой инстанции определением от 02.10.2015, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 14.12.2015, отказал в удовлетворении заявления.

ООО ТД «Нижегородец» не согласилось с принятыми судебными актами и обратилось в Арбитражный суд Волго-Вятского округа с кассационной жалобой, в которой просит отменить их.

Заявитель считает, что суды неправильно применили статью 110 Кодекса; их выводы не соответствуют фактическим обстоятельствам и представленным в материалы дела доказательствам. Факт несения истцом

расходов на оплату услуг представителя подтвержден платежным поручением от 15.07.2015 N 3976. На момент подготовки и отправки искового заявления ответчик не оплатил долг в полном объеме.

Отзыв на кассационную жалобу в суд не поступил.

Лица, участвующие в деле, надлежащим образом извещенные о времени и месте рассмотрения кассационной жалобы, представителей в судебное заседание не направили.

Проверив законность принятых Арбитражным судом Нижегородской области и Первым арбитражным апелляционным судом определения и постановления в порядке, установленном в статьях 274, 284 и 286 Кодекса, Арбитражный суд Волго-Вятского округа не нашел оснований для их отмены.

Согласно статье 101 Кодекса судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела арбитражным судом.

В соответствии со статьей 106 Кодекса к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела в арбитражном суде, относятся в том числе расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей), а также другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде.

Вопросы распределения судебных расходов разрешаются арбитражным судом, рассматривающим дело в судебном акте, которым рассматривается дело по существу, или в определении.

В обоснование заявленного ходатайства и подтверждения размера понесенных расходов истец представил: договор-акт от 04.06.2015, заключенный с ООО ТП «Нижегородец» со стоимостью услуг 10 000 рублей; платежное поручение от 15.07.2015 N 3976 о перечислении истцом 10 000 рублей ООО ТП «Нижегородец» в качестве оплаты по договору-акту от 04.06.2015.

В пункте 6 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.12.2007 N 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» разъяснено, что для возмещения судебных расходов стороне, в пользу которой принят судебный акт, имеет значение, понесены ли соответствующие расходы. Независимо от способа определения размера вознаграждения (почасовая оплата, заранее определенная твердая сумма гонорара, абонентская плата, процент от цены иска) и условий его выплаты (например, только в случае положительного решения в пользу доверителя) суд, взыскивая фактически понесенные судебные расходы, оценивает их разумные пределы.

На основании пункта 3 названного письма лицо, требующее возмещения расходов на оплату услуг представителя, доказывает их размер и факт выплаты, другая сторона вправе доказывать их чрезмерность.

Таким образом, обязанность доказывания размера, факта и разумности произведенных расходов возложена на заявителя, ответчик обладает правом заявить о чрезмерности требуемой суммы и обосновать раз-

умный размер понесенных истцом расходов применительно к соответствующей категории дел с учетом оценки, в частности объема и сложности выполненной представителем работы, времени, которое мог бы затратить на подготовку материалов квалифицированный специалист, продолжительности рассмотрения дела, стоимости оплаты услуг адвокатов по аналогичным делам.

Оценив в порядке статьи 71 Кодекса представленные истцом в материалы дела доказательства, суды пришли к выводу о недоказанности факта несения расходов на оплату услуг представителя, поскольку платежное поручение от 15.07.2015 N 3976 не содержало сведений о поступлении в банк плательщика и списании со счета плательщика денежных средств в сумме 10 000 рублей, в связи с чем обоснованно отказали ООО ТД «Нижегородец» во взыскании названной суммы судебных расходов с ответчика.

Кроме того, суды обоснованно учли, что ответчик оплатил часть долга до поступления иска в суд (03.02.2015, 24.03.2015), а другую часть в день принятия иска к производству (08.04.2015), в связи с чем истец заявил об отказе от иска.

При принятии отказа от иска и прекращении производства по делу указанные обстоятельства судом были расценены как добровольное удовлетворение требований истца. ООО ТД «Нижегородец» определением от 03.06.2015 возвращена государственная пошлина на основании статьи 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно положениям статьи 110 Кодекса судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

Следовательно, одним из правовых условий компенсации судебных издержек заявителя является принятие в его пользу судебного акта.

По смыслу статьи 150 Кодекса, в случае прекращения производства по делу рассмотрение дела по существу не происходит и вывод о правомерности или неправомерности требований истца и возражений ответчика в решении не содержится.

При вынесении определения о прекращении производства по делу в связи с отказом заявителя от требований по причине их удовлетворения после принятия заявления к производству другой стороной суд, руководствуясь общим принципом отнесения судебных расходов, разрешает вопрос о распределении судебных расходов исходя из того, что в рассматриваемом случае требования заявителя удовлетворены в добровольном порядке.

При этом, делая выводы о добровольном удовлетворении ООО «Партнер-Строй» требования ООО ТД «Нижегородец», исследовав вопрос о том, когда ответчик устранил обстоятельства, послужившие основанием для обращения истца в арбитражный суд с иском, суд сделал вывод об удовлетворении требований истца до принятия иска к производству.

Таким образом, суды правомерно отказали ООО ТД «Нижегородец» во взыскании 10 000 рублей судебных расходов.

Доводы жалобы направлены на переоценку доказательств и установленных судами первой и апелляционной инстанций обстоятельств, что не входит в компетенцию суда кассационной инстанции (статья 286 Кодекса).

Арбитражный суд Нижегородской области и Первый арбитражный апелляционный суд не допустили нарушений норм процессуального права, являющихся в любом случае основаниями для отмены принятых судебных актов в силу части 4 статьи 288 Кодекса.

Кассационная жалоба заявителя не подлежит удовлетворению.

Вопрос о взыскании государственной пошлины по кассационной жалобе не рассматривался, поскольку на основании подпункта 12 пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации уплата государственной пошлины при подаче кассационной жалобы на определение о взыскании судебных расходов не предусмотрена.

Руководствуясь пунктом 1 части 1 статьи 287 и статьей 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Волго-Вятского округа

постановил:

определение Арбитражного суда Нижегородской области от 02.10.2015 и постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2015 по делу N А43-7713/2015 оставить без изменения, кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью торгового дома «Нижегородец» - без удовлетворения.

Постановление арбитражного суда кассационной инстанции вступает в законную силу со дня его принятия.

Председательствующий
А.И. ЧИГРАКОВ

Судьи
И.Л. ЗАБУРДАЕВА
Н.Ш. РАДЧЕНКОВА

Коллегия не отвечает по обязательствам адвоката, заключившего с клиентом агентский договор.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ПОВОЛЖСКОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 11 марта 2016 г. N Ф06-5262/2015

Дело N А65-7288/2015

Резолютивная часть постановления объявлена 03 марта 2016 года.

Полный текст постановления изготовлен 11 марта 2016 года.

Арбитражный суд Поволжского округа в составе: председательствующего судьи Нагимуллина И.Р., судей Нафиковой Р.А., Смоленского И.Н., в отсутствие лиц, участвующих в деле, извещенных надлежащим образом,

рассмотрев в открытом судебном заседании кассационную жалобу товарищества собственников жилья «Монолит», г. Набережные Челны Республики Татарстан,

на решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 15.07.2015 (судья Андреев К.П.) и постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2015 (председательствующий судья Демин Е.Г., судьи: Морозов В.А., Садило Г.М.)

по делу N А65-7288/2015

по исковому заявлению товарищества собственников жилья «Монолит», г. Набережные Челны Республики Татарстан (ОГРН 1121650012065, ИНН 1650245144) к некоммерческому партнерству «Набережночелнинская городская коллегия адвокатов», г. Набережные Челны Республики Татарстан (ОГРН 111160000270, ИНН 1650219151) о расторжении агентского договора, взыскании 348 449 руб. 25 коп., 22 483 руб. 66 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами, при участии третьего лица - Кондратьева Алексея Михайловича, г. Набережные Челны Республики Татарстан,

установил:

товарищество собственников жилья «Монолит» (далее - ТСЖ «Монолит») обратилось в Арбитражный суд Республики Татарстан с иском к некоммерческому партнерству «Набережночелнинская городская коллегия адвокатов» (далее - Коллегия адвокатов) о взыскании задолженности в размере 348 449 руб. 25 коп., процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 22 483 руб. 66 коп., расторжении агентского договора от 08.10.2013.

До принятия судебного акта истец отказался от требований в части расторжения агентского договора от 08.10.2013, а взыскиваемую сумму определил как неосновательное обогащение.

К участию в деле в качестве третьего лица был привлечен Кондратьев Алексей Михайлович.

Решением Арбитражного суда Республики Татарстан от 15.07.2015 искивые требования оставлены без удовлетворения.

Определением от 30.09.2015 суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам,

установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции.

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2015 решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 15.07.2015 отменено, так как судом первой инстанции не было рассмотрено заявление истца об отказе от части исковых требований. Принят по делу новый судебный акт.

Производство по делу в части требований ТСЖ «Монолит» к Коллегии адвокатов о расторжении агентского договора от 08.10.2013 прекращено. Исковые требования о взыскании задолженности в размере 348 449 руб. 25 коп. и процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 22 483 руб. 66 коп. оставлены без удовлетворения.

В кассационной жалобе ТСЖ «Монолит» просит отменить судебные акты и направить дело на новое рассмотрение.

В обоснование жалобы указывается, суд при принятии решения не учел, что согласно условиям агентского договора получение долга от должника осуществляется на расчетный счет ответчика с последующим перечислением истцу за вычетом вознаграждения.

Отсутствие заявления адвоката Кондратьева А.М. на перечисление спорных денежных средств истцу не является основанием для ответчика для сохранения этих денежных средств у себя на счете.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Арбитражный суд Поволжского округа оснований для ее удовлетворения не находит.

Судом установлено, что 08.10.2013 между истцом - ТСЖ «Монолит» (принципал) и третьим лицом - адвокатом Кондратьевым А.М. (агент), заключен агентский договор, согласно которому принципал поручает, а агент обязуется за вознаграждение совершить от имени и за счет принципала юридические и иные действия, направленные на взыскание задолженности с контрагента принципала - общества с ограниченной ответственностью «Экском-Челны», в размере 1 171 209 руб. 80 коп., и 24 712 руб. 10 коп. расходов по уплате госпошлины.

В силу пункта 1.3 договора от 08.10.2013 агент на основании доверенности принципала осуществляет получение долга от должника на расчетный счет Коллегии адвокатов, расположенную по адресу: г. Набережные Челны, пр. Х.Туфана, д. 12, Бизнес-Центр, «2.18», офис 1704, по следующим реквизитам: ИНН 1650219151, р/с 40703810805480007109 в ОАО «АК БАРС» Банк г. Казань, к/с 301081000000000805, БИК 049205805 и последующее перечисление принципалу за вычетом своего вознаграждения, а также фактически понесенных расходов.

В соответствии с пунктом 5.1 договора он вступает в силу с момента его подписания сторонами и действует до исполнения сторонами взаимных обязательств.

На основании пункта 3.1 договора вознаграждение агента за исполнение поручения по настоящему договору составляет 50% от суммы задолженности контрагента, погашенной принципалу.

Обращаясь с иском, истец утверждал, что всего должник перечислил на счет ответчика 696 898 руб. 50 коп.

По мнению истца, Коллегия адвокатов не исполнила обязанность по перечислению денежных средств в размере 348 449 руб. 25 коп.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, арбитражный суд исходил из следующего.

Согласно статье 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 настоящего Кодекса.

Исследовав представленные сторонами доказательства, арбитражный суд пришел к выводу, что агентский договор от 08.10.2013 на взыскание задолженности заключен между истцом и адвокатом Кондратьевым А.М., в связи с чем у ответчика - Коллегии адвокатов, каких-либо обязательств не порождает, иск предъявлен к ненадлежащему ответчику.

При этом суд согласился с доводом ответчика о том, что поступление денежных средств по агентскому договору на взыскание задолженности от 08.10.2013 на расчетный счет ответчика не свидетельствует о возникновении между истцом и ответчиком правоотношений, поскольку ответчик, как налоговый агент адвокатов, обязан произвести удержание всех необходимых налоговых платежей с вознаграждений адвокатов, в том числе с вознаграждения, определенного агентским договором от 08.10.2013.

Обязательство по перечислению полученных сумм долга от должника истцу как принципалу по агентскому договору в силу пункта 1.3 договора от 08.10.2013 возложено на агента (адвоката Кондратьева А.М.), а не на ответчика.

В отзыве на исковое заявление Коллегия адвокатов указывала, что часть денежных средств, поступивших на ее расчетный счет, была перечислена третьим лицам на основании заявления Кондратьева А.М. и письма истца, а в отношении оставшихся денежных средств каких-либо распоряжений от Кондратьева А.М. не поступало.

Согласно абзацу первому пункта 13 статьи 22 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» коллегия адвокатов в соответствии с законодательством Российской Федерации является налоговым агентом адвокатов, являющихся ее членами, по доходам, полученным ими в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также их представителем по расчетам с доверителями и третьими лицами и другим вопросам, предусмотренным учредительными документами коллегии адвокатов.

КонсультантПлюс: примечание.

Текст документа приведен в соответствии с оригиналом. Вероятно, имеется в виду пункт 12 статьи 22 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ, а не статьи 12.

Пунктом 12 статьи 12 вышеуказанного Закона установлено, что члены коллегии адвокатов не отвечают по

ее обязательствам, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции находит правильным вывод судов о том, что исходя из содержания условий договора от 08.10.2013 и состава сторон указанного договора (ответчик и третье лицо), обязательство перечислять истцу (принципалу) денежные средства от должника - общества с ограниченной ответственностью «Экском-Челны», лежит на третьем лице - Кондратьеве Алексее Михайловиче.

Довод истца о поступлении денежных средств по агентскому договору на взыскание задолженности от 08.10.2013 на расчетный счет ответчика не свидетельствует о возникновении между истцом и ответчиком правоотношений.

Исковые требования к заявлены к ненадлежащему ответчику, в связи с чем удовлетворению не подлежат.

Фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены судом апелляционной инстанции на основании полного, всестороннего и объективного исследования имеющихся в деле доказательств с учетом доводов и возражений участвующих в деле лиц, выводы суда соответствуют фактическим обстоятельствам и представленным доказательствам, основаны на правильном применении норм материального и процессуального права, в связи с чем у суда кассационной инстанции отсутствуют основания для отмены либо изменения принятого по делу судебного акта.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 1 части 1 статьи 287, статьями 286, 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Поволжского округа

постановил:

постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2015 по делу N А65-7288/2015 оставить без изменения, кассационную жалобу - без удовлетворения.

Постановление вступает в законную силу со дня его принятия.

Председательствующий судья
И.Р. НАГИМУЛЛИН

Судьи
Р.А. НАФИКОВА
И.Н. СМОЛЕНСКИЙ

Доказанные в деле о банкротстве факты не подлежат повторной оценке по другому иску.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 9 марта 2016 г. по делу N 303-ЭС15-16010

Резолютивная часть определения оглашена 01.03.2016. Полный текст определения изготовлен 09.03.2016.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего судьи Борисовой Е.Е., судей Киселевой О.В., Поповой Г.Г., рассмотрела кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Тригон» на постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2015 и постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.08.2015 по делу N А51-29511/2014 Арбитражного суда Приморского края

по иску общества с ограниченной ответственностью «Строительная компания» (город Фокино) к обществу с ограниченной ответственностью «Тригон» (город Находка) о взыскании неосновательного обогащения, убытков и пени за просрочку исполнения договорных обязательств,

при участии третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора: общества с ограниченной ответственностью «Владтехнопарк» (город Владивосток).

В заседании приняли участие представители:

общества с ограниченной ответственностью «Тригон» - Гребенщикова О.А.,

общества с ограниченной ответственностью «Строительная компания» и общества с ограниченной ответственностью «Владтехнопарк» - Нечас М.А.

Заслушав доклад судьи Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации Борисовой Е.Е., выслушав объяснения представителей сторон, Судебная коллегия по экономическим спорам

установила:

общество с ограниченной ответственностью «Строительная компания» (далее - строительная компания) обратилось в Арбитражный суд Приморского края с иском о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «Тригон» (далее - общество) 5 825 428 рублей 36 копеек неосновательного обогащения, 8 385 545 рублей 35 копеек убытков и 5 665 496 рублей 50 копеек пени по договору подряда от 25.04.2011 N 1/49.

Решением Арбитражного суда Приморского края от 26.12.2014 в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2015 решение суда первой инстанции отменено, требования удовлетворены частично: с общества взыскано 5 825 428 рублей 36 копеек неосновательного обогащения, 1 040 949 рублей 66 копеек пени; в удовлетворении остальной части требований отказано.

Арбитражный суд Дальневосточного округа постановлением от 14.08.2015 постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, общество просит отменить постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, ссылаясь на нарушение судами норм процессуального и материального права при удовлетворении требования строительной компании о взыскании суммы неосновательного обогащения.

Основаниями для отмены или изменения судебных актов в порядке кассационного производства в Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации являются существенные нарушения норм материального и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также защита охраняемых законом публичных интересов (часть 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе общества, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судебные акты по делу подлежат отмене в силу следующего.

Рассматривая заявленные по настоящему делу требования, одним из которых является взыскание неосновательного обогащения, составляющее неотработанный ответчиком аванс в размере 5 825 428 рублей 36 копеек, суд первой инстанции принял во внимание, что истец в рамках возбужденного в отношении ответчика дела о признании последнего банкротом обращался с заявлением о включении его в реестр требований кредиторов на эту сумму, и ему определением Арбитражного суда Приморского края от 26.03.2014 по делу А51-29395/2013 было отказано. Постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций указанное определение оставлено без изменения.

Основанием для отказа в удовлетворении требования истца о включении в реестр требований кредиторов по договору подряда N 1/49 на сумму 5 825 428 рублей 36 копеек суд, со ссылкой на пункт 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 N 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее - постановление Пленума N 35), исследовав и оценив представленные кредитором доказательства, пришел к выводу об отсутствии задолженности у должника.

Указанный вывод суд сделал с учетом того, что в процессе выполнения должником спорных работ истец как заказчик мотивированный отказ в приеме выполненных работ по направленным в его адрес актам КС-2 и справкам КС-3, в том числе на спорную сумму, подрядчику не направлял, и это истцом не было оспорено при рассмотрении его требования в рамках дела о банкротстве. Заявление о расторжении договора подряда было направлено после получения названных актов и справок.

В связи с указанием истца при рассмотрении данного дела на ненадлежащее качество выполненных работ должником, со ссылкой на условия договора о его праве как заказчика заявлять об этом в ходе исполнения договора подряда, суд установил отсутствие документов, подтверждающих такие обстоятельства.

При рассмотрении требования в рамках дела о признании должника банкротом суд установил также тот факт, что последним выполнены работы по 3 договорам, включая N 1/49, на большую сумму, чем было проавансировано кредитором.

Согласно положениям пункта 6 статьи 753 Гражданского кодекса Российской Федерации, установив отсутствие оснований для отказа в приемке выполненных должником подрядных работ, а также отсутствие задолженности у последнего перед кредитором, суд отказал в установлении требований строительной компании.

Впоследствии определением суда от 25.06.2014 производство по делу о банкротстве ответчика было прекращено на основании абзаца 8 пункта 1 статьи 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве).

При изложенных выше обстоятельствах, подтверждающих реализацию строительной компанией права требования к обществу в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника, суд при разрешении настоящего спора принял во внимание пункт 28 постановления Пленума N 35, в силу которого установленные судебными актами по делу о банкротстве обстоятельства не подлежат доказыванию вновь.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и удовлетворяя иск в части возврата неотработанного аванса, исходил из оценки и признания выставленных обществом актов КС-2 не соответствующими положениям статьи 9 Федерального закона от 21.11.1996 N 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» (действовавшего в период спорных отношений) о том, что все хозяйственные операции, проводимые организацией, должны оформляться первичными учетными документами, на основании которых ведется бухгалтерский учет, а также Альбому унифицированных форм первичной учетной документации по учету работ в капитальном строительстве и ремонтно-строительных работ (формы утверждены Постановлением Госкомстата РФ от 11.11.1999 N 100).

Суд кассационной инстанции согласился с судом апелляционной инстанции, признав также обоснованным его ссылку при рассмотрении дела на пункт 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 N 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» (далее - постановление Пленума N 57), в котором установлено правило о том, что независимо от состава лиц, участвующих в деле, при рассмотрении спора, связанного с другим иском, оценка, данная судом обстоятельствам, которые установлены в деле, рассмотренном ранее, учитывается судом, рассматривающим второе дело. В том случае, если суд, рассматривающий второе

дело, придет к иным выводам, он должен указать соответствующие мотивы.

Учитывая, что предъявленные к оплате акты по форме КС-2 N 2, 3, 4 не соответствуют правилам, предъявляемым к унифицированным формам первичной документации по учету работ в капитальном строительстве и ремонтно-строительных работ, суд кассационной инстанции согласился с судом апелляционной инстанции о недоказанности выполнения обществом работ по договору и отсутствию оснований для удержания суммы аванса, перечисленного строительной компанией.

Между тем Судебная коллегия полагает, что суды апелляционной и кассационной инстанций не учли следующее.

Обращаясь с иском по настоящему делу о взыскании 5 825 428 рублей 36 копеек - неосновательного обогащения, истец в его обоснование указывал на невыполнение обществом работ по заключенному ими договору подряда N 1/49.

Однако проверка именно этого обстоятельства и установление факта отсутствия задолженности у общества по причине надлежащего выполнения последним работ по договору N 1/49 явилось основанием для отказа во включении требования компании в реестр требований кредиторов по делу N А51-29395/2013.

В соответствии с пунктом 28 постановления Пленума N 35, если требование истца уже было заявлено в деле о банкротстве, рассматривающий иск суд должен учитывать, что установленные судебными актами по делу о банкротстве обстоятельства (в том числе о наличии или отсутствии у истца требования к должнику) не подлежат доказыванию вновь (часть 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Под основанием иска понимаются фактические обстоятельства, на которых истец основывает свои требования к ответчику, под предметом иска - материально-правовое требование истца к ответчику (пункты 4 и 5 части 2 статьи 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ, пункт 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.10.1996 N 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (далее - постановление Пленума N 13)).

Поскольку как по делу N А51-29395/2013, так и по настоящему делу компания в обоснование предъявленного требования ссылалась на невыполнение обществом работ по указанному договору, основания их требований (обстоятельства, на которых основаны требования) являются одинаковыми. Спорная сумма 5 825 428 рублей 36 копеек также указана компанией как сумма неосновательного обогащения, составляющая неосвоенный обществом аванс.

Из положений части 1 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации следует, что доказательства - это сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

При рассмотрении дела N А51-29395/2013 суд исследовал и оценил все представленные сторонами, в том числе компанией, доказательства, а также возражения сторон, приведенные в обоснование требования и возражения на него, в результате чего признал доказанным факт выполнения обществом работ.

Иск по настоящему делу с тем же предметом и тем же основанием был удовлетворен судом апелляционной инстанции в этой части с обоснованием иной оценки тех же доказательств - акта по форме КС-2 и справки по форме КС-3, которым уже была дана оценка по делу N А51-29395/2013. При этом при рассмотрении указанного дела истец доводы о несоответствии этих документов требованиям нормативных актов не заявлял.

Иная оценка тех же доказательств в настоящем деле не свидетельствует о рассмотрении заявленного иска по другому основанию. Предъявление тождественного иска с обоснованием иной оценки доказательств направлено на опровержение уже установленных по другому делу обстоятельств, то есть на их переоценку.

Таким образом, с учетом пункта 28 Постановления Пленума N 35, принятого в целях разъяснения применения в аналогичной ситуации положений части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, факт выполнения работ обществом на заявленную по настоящему делу сумму и соответственно отсутствие у него неисполненного обязательства (неотработанного аванса) на спорную сумму следовало признать установленным вступившим в законную силу судебным актом по делу N А51-29395/2013, не подлежащим доказыванию при рассмотрении настоящего дела, в котором участвуют те же стороны, то есть истец и ответчик.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 N 30-П было разъяснено, что признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения, принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

Неприменение при рассмотрении настоящего дела положений части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ повлекло противоречивость судебных актов по делу N А51-29395/2013 и по настоящему делу, что не способствует целям и задачам судопроизводства, указанным в статье 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

В силу изложенного, выводы суда первой инстанции о применении при рассмотрении дела в отношении требования о взыскании неосновательного обогащения части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ являются обоснованными, оснований не согласиться с которыми у судов апелляционной и кассационной инстанций не имелось.

Судебная коллегия также полагает необоснованной ссылку судов апелляционной и кассационной инстанций на пункт 2 постановления Пленума N 57, как истолкованный с целью возможности переоценки ранее исследованных доказательств при рассмотрении настоящего дела. Однако указанный пункт прямо такие положения не содержит. Кроме того, этот пункт постановления относится к случаям рассмотрения дел, одно из которых - по иску об оспаривании договора, а другое - о взыскании, и в связи с этим не является применимым к спорной ситуации, и более того, напротив, направлен на исключение противоречивости принятых по ним судебных актов.

На основании вышеизложенного, поскольку на момент принятия судебных актов по настоящему делу имелись вступившие в законную силу судебные акты Арбитражного суда Приморского края по делу N А51-29395/2013, рассмотренному по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, которым окончательно был разрешен вопрос об отсутствии у общества суммы неосновательного обогащения в размере 5 825 428 рублей 36 копеек перед компанией, производство по настоящему делу в этой части на основании пункта 2 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также с учетом пункта 28 постановления Пленума N 35 подлежало прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 167, 176, 291.11 - 291.15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

решение Арбитражного суда Приморского края от 26.12.2014 по делу N А51-29511/2014 в части отказа во взыскании 5 825 428 рублей 36 копеек, а также постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2015, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.08.2015 в части взыскания 5 825 428 рублей 36 копеек отменить.

Производство по делу в части требования о взыскании 5 825 428 рублей 36 копеек прекратить. В остальной части постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2015 и постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа оставить без изменения.

Настоящее определение вступает в законную силу со дня его вынесения и может быть обжаловано в порядке надзора в Президиум Верховного Суда Российской Федерации в трехмесячный срок.

Председательствующий судья
Е.Е. БОРИСОВА

Судьи
О.В. КИСЕЛЕВА
Г.Г. ПОПОВА